

Саул Маркович Кляцкин
«От тайги до британских морей...»: Почему Красная Армия
победила в Гражданской войне

Непобедимая и легендарная. К 100-летию Советской Армии –

Текст предоставлен правообладателем

««От тайги до британских морей...»: почему Красная Армия победила в Гражданской

войне / Саул Кляцкин»: Родина; Москва;
ISBN 978-5-907028-05-0

Аннотация

«От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее...» – это слова известной песни времен Гражданской войны в России. В чем же была причина побед Красной Армии? С.М. Кляцкин, доктор исторических наук, военный историк, полковник, отвечает на этот вопрос в своей книге, написанной на основе архивов РККА и НКВД, в Высшей школе которого он преподавал в течение ряда лет.

Он рассказывает, как была образована Красная Армия в 1918 году, по какому принципу формировалась, вооружалась и снабжалась, каким уставом руководствовалась, в чем были ее сильные и слабые стороны. Автор уделяет также немало внимания высшим командным органам армии, их составу и особенностям деятельности.

Не ограничиваясь 1918 годом, С.М. Кляцкин показывает далее действия Красной Армии в Гражданской войне, чтобы ответить в итоге на главный вопрос: почему «красные» смогли разгромить прекрасно вооруженные и снабжаемые западными странами армии «белых»?

Саул Кляцкин

«От тайги до британских морей...»: почему Красная Армия победила в Гражданской войне

Предисловие

После Октябрьской революции отношение большевиков к обороне страны изменилось. «Мы – оборонцы теперь, с 25 октября. 1917 г., – говорил В. И. Ленин, – мы – за защиту отечества с этого дня»¹.

Между тем, Советское правительство не имело разработанной теории и опыта военного строительства. В. И. Ленин писал: «Вопрос о строении Красной Армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался... Мы шли от опыта к опыту...»². Разрабатывая основные законоположения о строительстве вооруженных сил, Советское правительство тут же проверяло эти законы на практике: создавало центральный и местный военный аппарат, осуществляло мобилизации, формировало полки и дивизии, организовывало полевые армии и фронты, работу промышленности и транспорта на нужды обороны и снабжали армию.

Значение опыта военного строительства Советского государства в 1917–1920 гг. исключительно велико прежде всего потому, что он показывает, кто и как обеспечил победу Советской, власти над интервентами и белогвардейцами.

Первый период историографии вооруженных сил Советского государства охватывает время с 1918 по 1920 г. В это время вышли отдельные книги и брошюры, посвященные не только описанию боевых действий, но и разным вопросам нашей проблемы³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 42.

² В. И. Ленин. Соч... т. 29, стр. 132.

³ Г. Линдов. О политической работе и политических работниках на фронте. Самара, 1918; Е. Ярославский. Красная Армия. М., 1919; В. Быстрянский. Армия империализма и армия революции. Пг., 1919; В. И. Самуйлов. Устройство вооруженных сил Республики. Пг., 1919; Р. И. Берзин. Этапы организации и развития Красной Армии. Харьков, 1920 и др.

Обращаясь к литературе 1918–1920 гг., нетрудно увидеть, что ее главным содержанием была популяризация идеи защиты Советской республики и необходимости организации сильной Красной Армии. Однако уже в некоторых книгах этого периода делались попытки осмыслить ряд вопросов военного строительства. Вышедшая в 1919 г. книга В. И. Самуйлова «Устройство вооруженных сил Республики» представляла собой одну из первых попыток очеркового показа строительства Красной Армии за два года (1918–1919 гг.). Автор в общей форме выяснил вопросы организации центрального и местного военного аппарата Красной Армии, структуру и организацию советских войск. Однако, не будучи историком, В. И. Самуйлов не ставил перед собой задачу проследить процесс становления и развития Красной Армии. Работа опиралась на отдельные законодательные акты Советского правительства и главное – на положения и приказы Наркомвоена и Реввоенсовета Республики. Других документальных источников автор не привлек.

Особое место в ряду первых книг по истории Красной Армии занимает труд крупного военного работника РКП (б), одного из строителей Красной Армии, Р. И. Берзина⁴. На большом фактическом материале автор раскрыл процесс превращения импровизированных отрядов в регулярную армию, осветил историю организации Восточного фронта летом 1918 г. В книге использованы документальные материалы Северо-Урало-Сибирского фронта (впоследствии из войск этого фронта была сформирована 3-я армия), особенно приказы, доклады и другие источники, документы штаба Восточного фронта, приказы, директивы, переписка. Р. И. Берзин был командующим войсками Северо-Урало-Сибирского фронта, а затем и 3-й армии. Для историка, изучающего зарождение Красной Армии, организацию и боевую деятельность Восточного фронта, эта книга представляет важный источник.

С окончанием гражданской войны возникла необходимость в создании научной литературы, обобщающей опыт мировой и гражданской войн. Эта литература была необходима для обеспечения переподготовки командных кадров Красной Армии, повышения их военных знаний, а также для подготовки молодых командиров и политработников в академиях, вузах и школах Красной Армии. Задача создания такой литературы легла на плечи военачальников и политработников Красной Армии. Начался новый период в историографии строительства вооруженных сил Советской республики в 1917–1920 гг. Этот период охватил время с 20-х до середины 30-х годов.

Создание трудов, обобщающих опыт гражданской войны, требовало в первую очередь использования документальных источников. Нужно было организовать сбор документов и материалов по всем вопросам истории гражданской войны и Красной Армии. Важно было получить необходимые воспоминания от участников гражданской войны, в чьей памяти были еще свежи ценнейшие факты и события истории гражданской войны и строительства Красной Армии.

В октябре 1920 г. для обеспечения разработки военной истории при Военной академии РККА было создано Военно-научное общество (ВНО)⁵.

Крупную роль в собирании сил военных историков и в разработке истории мировой и гражданской войн сыграл Высший военный редакционный совет (ВВРС) при Революционном военном совете Республики (РВСР), созданный Реввоенсоветом Республики 16 октября 1921 г.⁶

---

⁴ Р. И. Берзин. Указ. соч.

⁵ Мариевский. Военно-научные общества СССР. – «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 120.

⁶ Первым председателем Высшего военного редакционного совета был начальник Политического управления РВСР С. И. Гусев, членами ВВРС были главком С. С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев, главный начальник военно-учебных заведений Д. А. Петровский и начальник Военной академии РККА М. Н. Тухачевский (ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1921 г., приказ № 2491).

Развертывая научную работу, военные историки с первых же шагов своей деятельности столкнулись с огромной трудностью: большинство материалов по истории гражданской войны и Красной Армии было разбросано по армиям, фронтам, военным округам и учреждениям армии. Архив Красной Армии в Москве только создавался. Несмотря на эти трудности, в 20-х и первой половине 30-х годов было издано значительное число книг по истории гражданской войны и военного строительства Советской республики в 1917–1920 гг.⁷ Эти книги были написаны преимущественно непосредственными участниками военного строительства Советской республики. Их труды были основаны главным образом на личных воспоминаниях и отдельных документах, которые сохранились либо в их личных архивах, либо в тех учреждениях, где они продолжали службу по окончании войны.

Крайне ограниченная источниковедческая база этих работ не позволила их авторам глубоко исследовать разрабатываемую тему.

Книги, изданные в 20-х и первой половине 30-х годов, посвящены в основном описанию боевых действий Красной Армии. Вопросы истории военного строительства Советского государства в 1917–1920 гг. освещаются в них бегло, лишь в общих чертах. Достаточно сказать, что такой вопрос, как поиск форм организации вооруженных сил Советского государства в период от октября 1917 г. до принятия декрета Совнаркома об организации Красной Армии 15 января 1918 г., в книгах того времени не затрагивался. В центре внимания авторов находились события 1918 г. Только в отдельных случаях обзор военного строительства выходил за пределы указанного периода. Существенными недостатками этой литературы следует считать также отсутствие в ней анализа причинной связи явлений и событий, хроникальный характер изложения материала.

Из всей литературы, вышедшей в этот период, наиболее интересны работы В. А. Антонова-Овсеенко и Ф. П. Никонова⁸. В. А. Антонов-Овсеенко впервые ввел в научный оборот много документов, раскрывавших процесс строительства партийно-политического аппарата и его работу. Он привел цифровые данные о числе коммунистических ячеек в армии, о клубах, кружках, избах-читальнях, библиотеках Красной Армии и издательской деятельности Политического управления РВСР. Большой интерес представляют приведенные им сведения о численности бывших офицеров, состоявших в рядах командного состава Красной Армии. Книга В. А. Антонова-Овсеенко интересна не только потому, что она содержит богатый фактический материал, но и потому, что в ней собраны воспоминания одного из активных строителей вооруженных сил Советской республики. К сожалению, она не свободна от фактических ошибок. Например, автор утверждал, что декрет Совета Народных Комиссаров об организации Красной Армии был издан 23 февраля 1918 г.⁹, в то время как известно, что впервые он был опубликован 18 января 1918 г. (ст. ст.) в газете «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот».

Труд Ф. П. Никонова, также активного организатора Красной Армии, по обилию фактического материала уступает работе В. А. Антонова-Овсеенко. Но автору тем не менее удалось сделать значительный шаг в изучении проблемы военного строительства. Он, в частности, дал подробные структурные схемы центрального и местного военного аппарата Советской республики. Однако и этот труд не свободен от фактических ошибок.

⁷ См. каталоги книг: «Оборона СССР и Красная Армия». М. – Л., 1928–1930, вып. 1–4; «Каталог военной литературы библиотеки Центрального Дома Красной Армии им. М. В. Фрунзе». М., 1931; «Книга и оборона СССР». М., 1930–1934.

⁸ В. Антонов-Овсеенко. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923; Ф. Никонов. Главнейшие моменты организации Красной Армии. – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 2. М., 1928.

⁹ В. Антонов-Овсеенко. Указ, соч., стр. 16.

Ф. П. Никонов, например, утверждал, что Совет Рабочей и Крестьянской Обороны был образован 30 сентября, в то время как в действительности он был создан 30 ноября 1918 г. К тому же автор допускал существенные неточности в схемах. В схеме «Военное ведомство в 1918 г.» у него наряду с Всероссийским главным штабом продолжает существовать и Всероссийская коллегия по организации и формированию Красной Армии, тогда как эта коллегия с образованием Всероссийского главного штаба была упразднена. Неточно передана и структура Реввоенсовета Республики. Например, автор говорит о Политическом управлении, тогда как ему следовало говорить о Всероссийском бюро военных комиссаров – предшественнике ПУРа.

Удачной была попытка Н. Мовчина в историческом очерке «Комплектование Красной Армии» и статье «Комплектование Красной Армии в 1918–1920 гг.»¹⁰ показать историю организации и строительства Красной Армии в гражданской войне. В книге описание ограничивалось лишь первой половиной 1918 г. В статье охватывался весь период гражданской войны. Хотя автор ограничился описанием весьма узкого круга вопросов, он правильно показал источники комплектования армии, дал некоторые сведения о штатах и первых формированиях, о военном аппарате и переходе к мобилизациям и впервые привел некоторые сводные данные о численности Красной Армии.

Большой интерес представляет вышедшая в 1926 г. книга С. Оликова «Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним»¹¹. Автор правильно раскрыл вопрос о причинах дезертирства в Красной Армии, но не дал должного анализа этому явлению и всю борьбу с дезертирством свел лишь к добросовестному изложению постановлений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством.

В первой половине 30-х годов наряду с военными историками изучением проблем истории гражданской войны в СССР занялась и большая группа гражданских историков. 30 июля 1931 г. ЦКВКП(б) принял постановление «Одобрить инициативу т. А. М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны (1917–1921 гг.)»»¹². Для решения задач, поставленных ЦК ВКП(б), была создана главная редакция «Истории гражданской войны», ставшая научным центром, объединившим историков гражданской войны. Возглавил секретариат главной редакции видный советский историк, ныне академик, И. И. Минц. Создание этого центра значительно продвинуло вперед разработку истории гражданской войны и военного строительства.

Новый период в историографии военного строительства Советской республики в 1917–1920 гг. был открыт статьей бывшего Наркомвоена, одного из крупнейших организаторов и строителей Красной Армии, Н. И. Подвойского «От Красной гвардии к Красной Армии», опубликованной в 1938 г.¹³ Воздавая должное революционным заслугам автора, мы тем не менее должны заметить, что эта статья не была свободна от существенных недостатков и фактических ошибок¹⁴. Автор не затрагивал проблем, связанных с поиском форм организации вооруженных сил, упрощенно трактовал некоторые важные вопросы начального периода военного строительства, обходил те трудности, о которых говорил В. И. Ленин. При чтении его статьи создается впечатление, что Советское правительство

¹⁰ Н. Мовчин. Комплектование Красной Армии. Исторический очерк. М., 1926; он же. Комплектование Красной Армии в 1918–1920 гг. – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 2.

¹¹ С. Оликов. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926.

¹² «Правда» 31 июля 1931 г.

¹³ «Историк-марксист», 1938, кн. 1.

¹⁴ Эти недостатки и фактические ошибки будут рассмотрены нами по ходу изложения темы.

сразу же после победы в октябре 1917 г. стало строить постоянную, регулярную армию.

Статья Н. И. Подвойского положила начало неправильной, упрощенной схеме истории организации вооруженных сил Советской республики, которой долгое время пользовались все историки, в том числе и автор настоящего труда.

Нападение фашистской Германии на нашу Родину и начавшаяся Великая Отечественная война на известное время изменили направление научной работы историков. Потребности войны вызвали к жизни литературу, популяризирующую героическое прошлое нашей Родины. В течение 1942–1945 гг. было выпущено несколько брошюр и статей, показывающих роль В. И. Ленина в строительстве Красной Армии, в организации военной защиты Советской республики. Эти брошюры и статьи имели пропагандистский характер и повторяли уже известный материал. Исключение составляла статья К. Остроуховой и Н. Суровцевой «Совет Рабоче-Крестьянской Обороны 1918–1920 годов»¹⁵. В ней впервые была показана многогранная и сложная работа, проводившаяся Советом Обороны под руководством В. И. Ленина.

После Великой Отечественной войны возрос интерес историков к героическому прошлому Красной Армии, к истории ее строительства. До 1955 г. вышло несколько книг и научных статей¹⁶.

Из трудов, вышедших в первой половине 50-х годов, следует выделить монографию Н. И. Шатагина «Организация и строительство Советской Армии в 1918–1920 гг.»¹⁷. Книга Н. И. Шатагина явилась известным шагом вперед в разработке вопросов истории военного строительства Советской республики. Положительной стороной монографии является то, что в ней впервые были обобщены важные сведения по истории военного-строительства нашей страны за 1918–1920 гг. Но ценность труда Н. И. Шатагина значительно снижается тем, что автор не сумел преодолеть господствовавшую в литературе схему военного строительства и исследование ограничил лишь рамками 1918–1920 гг. Начальный период поиска форм военного строительства от 25 октября 1917 г. до 15 января 1918 г. – период до момента принятия декрета Совнаркома о создании Красной Армии – не нашел своего места в книге. Вопросы милиционного строительства автор даже не затрагивал.

Наиболее полно в книге освещались вопросы военного строительства в 1918 г. Но в трактовке военного строительства этого периода Н. И. Шатагин повторил имевшиеся в литературе факты, выводы и даже ошибки. Существенным недостатком труда Н. И. Шатагина является попытка рассмотреть вопросы строительства армия (организация центрального и местного аппарата, строительство частей и соединений и т. д.) на основе одних лишь приказов Наркомвоена. Это привело автора к неверному выводу о том, что к моменту перехода от добровольчества к обязательной военной службе было закончено создание местного военного аппарата (военкоматов)¹⁸. Не проанализировав состава

---

¹⁵ К. Остроухова, Н. Суровцева. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны 1918–1920 годов. – Исторический журнал», 1943, № 10.

¹⁶ В. Ф. Морозов. Московские большевики в борьбе за создание Вооруженных Сил Советской республики в 1917–1918 гг. М., 1950; Л. Н. Гусев. Советская военная юстиция в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1951; П. К. Бурдин. Правовые основы организации Красной Армии в 1918–1919 гг. М., 1951; Ю. П. Петров. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1952; Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918–1920 гг. М., 1954; И. Ф. Побежимов. Устройство Советской Армии. М., 1954; С. Кляцкин. Строительство Красной Армии в 1918 г. – «Вопросы истории», 1948, № 2; И. Швайко. Начальный период создания Советской Армии и др.

¹⁷ Н. И. Шатагин. Указ. соч.

¹⁸ Там же, стр. 55–61.

добровольческих отрядов Красной Армии и использовав одни лишь данные литературы, Н. И. Шатагин сделал неправильный вывод о том, что на 1 июля 1918 г. «в рядах советских войск, не считая солдат старой армии в отрядах участков завесы, было более 450 тыс. человек...»¹⁹ Такой вывод не отвечает действительности, так как в составе советских войск не было солдат старой армии. Все добровольцы, вступившие в Красную Армию, являлись красноармейцами. Вопросы мобилизационной работы Советского государства по существу также не были проанализированы. Рассматривая мобилизационные акты 1918 г., автор не счел даже нужным показать особенности мобилизации в рабочей среде и в деревне, не раскрыл трудности этой работы²⁰.

История военного строительства в 1919–1920 гг. в книге давалась весьма упрощенно и по существу осталась нераскрытой. Автор не показал реформу местного военного аппарата и войск, подготовку перевода Красной Армии на мирное положение и многие другие мероприятия. Историю военного строительства в этот период он ограничил лишь такими сюжетами, как организация запасных войск, пополнение армии, национальное строительство и всеобщее военное обучение, а также некоторыми другими вопросами (первые уставы, трудовые армии и т. д.).

В освещении вопросов военного строительства в 1918 г. Н. И. Шатагин допустил и фактические ошибки. Так, он неправильно отнес создание Высшей военной инспекции на осень 1918 г., тогда как она была создана еще в апреле 1918 г. Раскрывая структуру Реввоенсовета Республики, автор почему-то не упомянул Центральное управление снабжения и Всероссийское бюро военных комиссаров, которые являлись органами Реввоенсовета Республики.

Существенным вкладом в литературу, освещающую историю военной защиты Советской республики, следует считать книгу А. Л. Фраймана «Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г.»²¹ В книге весьма полно и живо показаны борьба против нашествия австро-германских войск в феврале 1918 г., организация защиты Петрограда, ход формирования первых боевых подразделений и частей Красной Армии петроградскими рабочими. Автор на основе документальных материалов убедительно объяснил, почему именно день 23 февраля рассматривается как день рождения Красной Армии, чем удачно восполнил пробел в историографии²².

В целом в историографии утвердилась упрощенная следующая схема: Советская республика окружена врагами, необходимо организовать ее военную защиту; для военной защиты Советская республика в первое время не имела необходимых вооруженных сил; старая армия царской России была непригодна для защиты социалистического Отечества, ее нужно было сломать, демобилизовать, распустить; Красная гвардия в силу ее малочисленности и слабой военной выучки не могла обеспечить военную защиту Советской республики от возможного нападения вооруженных сил империалистических государств; Советской республике нужна была новая, массовая регулярная армия, способная выполнить историческую задачу – защитить социалистическое Отечество.

В оценке причин, почему нельзя было использовать старую армию для нужд обороны Советской республики, мнения историков не совпадали. Так, в литературе 20-х и первой половины 30-х годов, а также в отдельных трудах более позднего времени высказывалась

¹⁹ Там же, стр. 63. При этом автор не сделал ссылку на источник, откуда взята эта цифра.

²⁰ Там же, стр. 76.

²¹ А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М. – Л., 1964.

²² См. также статью С. Найда «Почему День Советской Армии и Военно-Морского флота празднуется 23 февраля?» – «Военно-исторический журнал», 1964, № 5.

мысль о том, что старую армию нельзя было использовать для защиты Советской власти потому, что она устала от империалистической войны, распадалась, не могла воевать, что в силу этого она перестала быть боевым организмом и ее нужно было демобилизовать²³. В трудах 50-х годов стала культивироваться иная точка зрения. Так, Л. М. Спирин писал: «Пришедший к власти новый класс – пролетариат – не мог использовать старую армию, ибо она и после победы революции (курсив наш. – С. К.) оставалась главным орудием в руках тех классов, которые ее создали, то есть в руках помещиков и буржуазии»²⁴. Эту же точку зрения разделяли Л. П. Филипчиков, Ф. Н. Гудченко, Н. И. Шатагин, Д. А. Воропаев, А. М. Иовлев, А. И. Черепанов, Х. И. Муратов²⁵. Считая старую армию даже после победы Великой Октябрьской социалистической революции контрреволюционной силой, эти авторы высказывали мысль о том, что именно поэтому ее необходимо было сломать, демобилизовать, распустить и взамен нее создать новую, Советскую армию.

Свои суждения о невозможности использования старой армии для нужд обороны Советской республики они представляли как истинную политику Советского правительства²⁶.

Утверждением, будто бы В. И. Ленин, Советское правительство считали, что старую армию уже в ноябре 1917 г. нужно было демобилизовать, распустить, авторы искажали действительную историю. В. И. Ленин решал вопросы слома старой армии далеко не так, как об этом писали историки. Признание авторами ленинской теории слома старой армии неизбежно потребовало бы от них и признания того, что Советское правительство в поисках возможностей для обеспечения военной защиты имело намерение использовать старую армию. А это ломало бы созданную ими схему исторического процесса. В целях сохранения своей схемы некоторые историки неверно оценивали демократизированную старую армию после Октября 1917 г. Так, Н. И. Шатагин писал: «Несмотря на принятые меры по демократизации старой армии и сближению ее с трудящимися массами, она не могла быть надежной опорой Советской власти. Ее организация была порочна в основе, она не отвечала классовой природе социалистического государства рабочих и крестьян»²⁷. Эту точку зрения повторили другие авторы. Так, Х. И. Муратов писал: «Старая армия, даже демократизированная, ни в коем случае не могла остаться как организм после победы

---

²³ Н. Кузьмин. От Красной гвардии к Красной Армии. П., 1921; Н. Мовчин. Комплектование Красной Армии. Исторический очерк. М., 1926; С. Венцов. От Красной гвардии к вооруженному народу. М. – Л., 1927; Н. П. Вишняков, Ф. И. Архипов. Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927, стр. 17; Н. И. Подвойский. От Красной гвардии к Красной Армии. – «Историк-марксист», 1938, кн. 1; В. Воронин. Ленин и оборона Советского государства; И. И. Власов. В. И. Ленин и строительство Советской Армии. М., 1958 и др.

²⁴ Л. М. Спирин. Указ. соч., стр. 2.

²⁵ Л. И. Филипчиков. Указ. соч., стр. 15; Ф. И. Гудченко. Указ. соч., стр. 6; И. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 21, 26; Д. А. Воропаев, А. М. Иовлев. Указ. соч., стр. 4; А. И. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. М., 1957, стр. 13; Х. И. Муратов. Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1958, стр. 37 и др.

²⁶ Историки не увидели ленинскую постановку вопроса о слома старой армии. Ее увидел философ К. В. Спиров. Рассматривая вопросы слома буржуазно-помещичьей армии в связи с характеристикой проблемы мирного перехода от капитализма к социализму, К. В. Спиров правильно отметил, что В. И. Ленин под сломам этой армии понимал проведение в ней полной демократизации. Правильно уловив ленинскую концепцию, автор, однако, лишь поставил проблему слома старой армии, не раскрыв ее глубокого содержания и не сделав попытки показать практическое значение ленинской теории слома старой армии для организации военной защиты Советской республики (К. В. Спиров. В. И. Ленин о слома буржуазно-помещичьей армии и создании армии нового типа. Сборник материалов, посвященный 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Изд. Военной ордена Суворова 1-й степени Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М., 1900, стр. 187–195).

²⁷ Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 26.

пролетарской революции. Новому социалистическому государству нужна была и новая армия»²⁸. Д. М. Гринишин придерживался такого же мнения. Он писал: «Старая армия, несмотря на то, что после Октября и была демократизирована, не могла быть надежной опорой Советского государства. Ее классовая природа, организация и обучение не соответствовали социальной сущности нового, социалистического государства»²⁹.

Из всей литературы следует выделить работу И. М. Волкова, который впервые по-новому поставил вопрос о старой армии. Не разбирая вопроса о сломе старой армии, он правильно писал о том, что первое время В. И. Ленин, Советское правительство намеревались использовать старую армию для нужд обороны Советской республики³⁰. К сожалению, в рамках опубликованной им статьи И. М. Волков не мог дать более глубокий анализ поставленного вопроса.

В настоящей книге главное внимание сосредоточено на вопросах военного строительства в связи с организацией военной защиты Советской республики. Все другие вопросы затрагиваются в ней лишь постольку, поскольку они помогают выяснению основного вопроса – строительства вооруженных сил Советской страны в 1917–1920 гг.

Можно ли было использовать старую армию?

Октябрьская революция произошла в разгар Первой мировой войны, когда Россия вела военные действия с державами австро-германского блока, которые, по данным Ставки, в это время держали на русском фронте более 158 пехотных и кавалерийских дивизий, насчитывавших свыше 1,5 млн. хорошо вооруженных и обученных солдат³¹. И хотя Советское правительство с первых же своих шагов начало борьбу за мир, никто не мог гарантировать, что грозный враг, находившийся всего лишь в нескольких переходах от Петрограда, не воспользуется трудной военной обстановкой революционной России и не начнет наступления с целью поживы за счет нашей Родины.

Военная обстановка настоятельно повелевала большевистской партии и Советскому правительству срочно решить проблему организации военной защиты Советской республики от внутреннего и внешнего врага.

К моменту, когда большевистская партия и Советское правительство практически приступили к обеспечению обороны страны, в Советской республике имелись две военные

---

²⁸ Х. И. Муратов. Указ. соч., стр. 37.

²⁹ Д. М. Гринишин. Указ. соч., стр. 330.

³⁰ И. М. Волков. Указ. соч., стр. 94–95.

³¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 78–79; ф. 3, оп. 12, д. 4, л. 187. Приводя эти данные Ставки, следует отметить, что в нашей литературе содержатся весьма противоречивые сведения о численности войск держав Четверного союза, которые противник держал против русского фронта к моменту установления Советской власти. А. Зайончковский для ноября 1917 г. называет цифру в 107 дивизий (А. Зайончковский. Мировая война 1914–1918 гг., т. II. М., 1938, табл. после 282 стр.). Н. А. Таленский утверждает, что к началу кампании 1918 г. Германия держала против русского фронта свыше 75 дивизий (Н. А. Таленский. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1944, стр. 93). Д. В. Вержховский и В. Ф. Ляхов пишут, что в августе 1917 г. против русского фронта находилось 124 дивизии держав Четверного союза, что представляло наибольшее числа дивизий противника с начала войны (Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964, стр. 287). Нет данных о численности войск Четверного союза против русского фронта в статистических сборниках и других официальных изданиях («Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах)». М., 1925; «Мировая война в цифрах». М. – Л., 1934. В первом издании Большой Советской Энциклопедии указано, что на 1 октября 1917 г. на Восточном фронте насчитывалось 1186000 штыков и сабель австро-германских войск (БСЭ, т. 44, М., 1939, стр. 603). Во втором издании БСЭ не приведены даже эти цифры. Нет данных и в пятитомной «Истории гражданской войны в СССР».

организации – Красная гвардия и старая русская армия. Общая численность Красной гвардии к моменту Октябрьского вооруженного восстания примерно доходила до 200 тыс. рабочих³².

После Октябрьской революции Красная гвардия продолжала быстро развиваться. Возникали крестьянские и солдатские, а также смешанные красногвардейские отряды. Строительством Красной гвардии руководили местные партийные организации, Советы и военно-революционные комитеты, действовавшие на основании общих указаний Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б)³³. Необходимость борьбы с внутренней контрреволюцией заставляла организаторов Краевой гвардии главное внимание обращать на то, чтобы как можно скорее сформировать отряды и двинуть их на борьбу с врагом. Военно-техническая сторона дела создания этой вооруженной силы интересовала их в меньшей степени. В силу этих причин Красная гвардия не сложилась в единую централизованную военную организацию. Везде, где формировались отряды Красной гвардии, создавались и ее руководящие органы – штабы. В Петрограде и Киеве это были главные штабы Красной гвардии, в Москве, Туле, Харькове, Царицыне и Ярославле – центральные штабы Красной гвардии, в Минске – центральная комендатура Красной гвардии. Как правило, штабы подчинялись местной партийной организации, Совету или Военно-революционному комитету. Они объединяли в своем городе все отряды Красной гвардии.

Отсутствие центрального руководства Красной гвардией породило в ней пестроту отрядных формирований. Она имела выборный командный состав и строилась на добровольческих началах. Серьезными недостатками Красной гвардии следует считать слабую военную выучку и отсутствие опыта ведения современной войны. Было ясно, что если для борьбы против войск внутренней контрреволюции, еще недостаточно организованных, можно опереться на Красную гвардию, а также революционные отряды матросов, солдат и партизан, то для отпора регулярным войскам иностранных империалистов потребуются весьма значительные вооруженные силы, способные решать задачи современной войны. Но таких вооруженных сил Советская республика не имела. А интересы военной защиты страны требовали немедленной подготовки к отражению возможного вторжения регулярных войск империалистических государств.

Естественно возникал вопрос: нельзя ли для защиты Советской республики использовать старую армию, которая в ноябре 1917 г. насчитывала до 8 млн. человек, из которых на фронтах находилось 1590 тыс. бойцов (159 пехотных дивизий)³⁴, т. е. примерно столько же, сколько имели на русском фронте и державы австро-германского блока? «Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил»³⁵, она помогла рабочему классу нашей страны свергнуть царизм и в вихре последующих событий сама революционизировалась. В. И. Ленин отмечал, что уже к октябрю-ноябрю 1917 г. армия была наполовину большевистской³⁶.

Таким образом, к моменту, когда возникла необходимость организовать военную защиту Советской республики, в старой армии имелись весьма значительные революционные силы. Но, характеризуя качественные сдвиги, происшедшие в старой армии

³² «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 243–244.

³³ Н. Подвойский. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.–Л., 1927, стр. 45.

³⁴ «История СССР», 1962, № 2, стр. 91.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 236.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 238.

за время войны и революции, нельзя было забывать и другую сторону. Старая армия и после свержения царизма осталась под властью царских генералов и офицеров, сохраняя контрреволюционный дух. В. И. Ленин писал: «Всемирно известно – и ход событий наглядно подтвердил, – что эта «республиканская» армия сохраняла корниловский дух благодаря корниловскому командному составу»³⁷.

В свое время Парижская Коммуна уничтожила постоянную армию и заменила ее вооруженным народом³⁸. В то время, когда Парижская Коммуна осуществила этот важный акт, она располагала сильной революционной военной организацией – Национальной гвардией. Эта военная организация олицетворяла собой вооруженный народ и насчитывала 215 батальонов, имевших до 300 тыс. человек. Национальная гвардия по численности значительно превосходила версальскую армию Тьера и могла быть надежной опорой Парижской Коммуны в ее борьбе с врагами³⁹.

Но слепо повторить опыт Парижской Коммуны Советская республика не могла. Роспуск старой армии в Советской республике, когда страна находилась в состоянии войны и не имела необходимых сил для военной защиты, означал бы не только ее разоружение, но и фактически открывал бы фронт врагу, а это неизбежно повело бы к гибели Советской власти. Такая форма слома старой армии в условиях, переживаемых нашей страной, не могла быть проведена. В результате, большевистская партия и Советское правительство отказались от роспуска старой армии и избрали другую форму ее слома – демократизацию в сочетании с постепенной демобилизацией, поскольку В. И. Ленин рассматривал слом постоянной армии и замену ее вооруженным народом как единую проблему. Естественно, что при таком подходе к данной проблеме важную роль играл вопрос о том, в какую организационную форму следует облечь идею «вооруженный народ». Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвигая программное положение о сломах буржуазной государственной машины, высказались за замену постоянной армии вооруженным народом, пролетарской милицией.

Милиционная система представляет собой такую организацию вооруженных сил, при которой военная защита страны осуществляется всеми ее гражданами. Создаются немногочисленные постоянные кадры воинских частей с инструкторами, командирами и зародышами штабов. Все граждане в обязательном порядке обучаются военному делу в районе местожительства или работы, без отрыва их на долгий период от производительного труда. При таком построении милиционная система не нарушает хозяйственную деятельность страны, а, напротив, способствует ее развитию и не требует огромного и постоянного напряжения народных сил и средств. Милиция превращает население страны в военно-организованный народ, который в момент военной опасности становится под боевые знамена и составляет вооруженную силу, вполне подготовленную для отпора врагу.

Выдвигая милиционную систему как основу организации вооруженных сил пролетарского государства, Маркс и Энгельс в то же время допускали возможность создания регулярной армии социалистического государства⁴⁰. Таким образом, когда В. И. Ленину предстояло решать вопрос о том, в какую организационную форму облечь идею «вооруженный народ», он мог выбрать либо пролетарскую милицию, либо постоянную армию. И В. И. Ленин решительно высказался за организацию пролетарской милиции, которая на 95 % состояла бы из рабочих и крестьян⁴¹.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 261.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 390.

³⁹ «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1. М., 1961, стр. 163, 286, 324–325, 345.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 518–519

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 312–323; т. 24, стр. 390.

Высказываясь за милиционную форму военной организации пролетариата, В. И. Ленин исходил из всестороннего учета объективной обстановки, в которой развивалась социалистическая революция в России, и тех преимуществ, которые давала стране милиционная система организации вооруженных сил.

В России за время империалистической войны назревала экономическая катастрофа⁴². Хозяйство страны пришло в полный упадок, развивался голод. Естественно, что пролетариат, победивший в революции, получив в наследство от старого строя разрушенную экономику, должен был вывести страну из состояния грозящей ей экономической катастрофы. Ясно, что для этой цели он должен был мобилизовать все силы страны. Создание постоянной армии в этих условиях оторвало бы значительную массу рабочих от производительного труда, что ослабляло бы не только борьбу за восстановление народного хозяйства, но и оборону страны. Организация милиции, напротив, создавала необходимые условия и для борьбы с экономической разрухой, и для обороны страны.

Таковы были основы военной программы большевиков. Уже 25 октября 1917 г. Военно-революционный комитет Петроградского Совета, обращаясь по радио «К тылу и фронту», сообщил о победе вооруженного восстания в Петрограде и о том, что власть повсеместно переходит в руки Советов. На следующий день II Всероссийский съезд Советов в специальном обращении «К фронту» предложил всем армиям создать временные революционные комитеты для обеспечения революционного порядка и твердости фронта. Съезд извещал войска, что «комиссары Временного правительства сменяются; комиссары Всероссийского съезда выезжают»⁴³.

Как только на фронте были получены эти известия, во многих корпусах и армиях Северного и Западного фронтов были созданы Военно-революционные комитеты (ВРК). В Пскове возник Северо-Западный ВРК, распространивший свою власть на весь Северный фронт и Двинский военный округ. ВРК, образованный в Минске, где дислоцировался штаб Западного фронта, объявил себя органом новой власти на этом фронте.

В ноябре-декабре 1917 г. вся армия была охвачена революцией⁴⁴. Генералы и офицеры, не признавшие Советскую власть, смешались, явные враги Советской власти арестовывались. Старая Ставка была разгромлена, а стоявший во главе ее контрреволюционный генерал Духонин, который временно исполнял обязанности верховного главнокомандующего, был убит возмущенными матросами. 20 ноября 1917 г. Советский Верховный главнокомандующий прапорщик большевик Н. В. Крыленко приступил к реорганизации Ставки. 22 ноября при Ставке был создан ВРК во главе с большевиком Боярским, а на следующий день – Военно-полевой штаб по борьбе с контрреволюцией⁴⁵. Начальником его был назначен прапорщик большевик М. К. Тер-Арутюнянц.

Одновременно большевистская партия и Советское правительство установили свой контроль над бывшим Военным министерством. Этот контроль был возложен на Комитет по военным и морским делам, избранный на II Всероссийском съезде Советов⁴⁶. Сразу же после окончания съезда Советов комитет по инициативе В. И. Ленина был значительно

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 359–361, 388–393, 485–488; т. 25, стр. 295–339.

⁴³ «Известия ЦИК и Петроградского С. Р. и К. Д.», 27 октября 1917 г.

⁴⁴ Там же, стр. 341.

⁴⁵ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 379, л. 25; Л. Гапоненко. Указ. соч., стр. 159–160.

⁴⁶ Комитет был избран 26 октября в составе В. А. Ангонова-Овсеенко, П. Е. Дыбенко и Н. В. Крыленко.

пополнен видными военными работниками большевистской партии. Как рассказывает об этом Н. И. Подвойский, уже утром 27 октября В. И. Ленин вызвал его к себе и сказал: «Я думаю о том, как сконструирован Комитет, справятся ли со своим делом Антонов-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко, вошедшие в Комитет»⁴⁷. Здесь же Н. И. Подвойский получил указание от В. И. Ленина войти в состав комитета и включить в него дополнительные кандидатуры.

«Получив приказание начать работу в Комитете по военным и морским делам, а также выставить туда дополнительных кандидатов, – пишет Н. И. Подвойский, – я в тот же день собрал заседание Военно-революционного комитета. Сюда были приглашены ответственные работники Военной организации»⁴⁸. Обсуждая самым всесторонним и тщательным образом кандидатуры, мы сконструировали Военный Комиссариат в следующем составе: оставили прежних кандидатов и присоединили к ним Мехоношина, Лазимира, Еремеева, Васильева, Склянского и меня. Все названные товарищи должны были составить Совет военных комиссаров или Совет Народных Комиссаров по военным и морским делам – название не было точно установлено. Все товарищи были полноправными членами этого Совета, равно ответственными за ведение дела. Официальное же представительство отдавалось уже назначенной II съездом Советов тройке. Девять товарищей, входящих в Совет, распределяют между собой различные обязанности. Являясь автономными каждый в своей отрасли, они должны были руководствоваться в работе общими решениями Совета Народных Комиссаров по военным и морским делам. Протокол о сконструировании Совета был передан В. И. Ленину. Ленин согласился с разработанной структурой военного наркомата»⁴⁹.

В течение 3–5 ноября Совет Наркомвоена провел ряд заседаний, на которых рассмотрел весьма важные вопросы: об организации работы Совета и реорганизации управления бывшего Военного министерства, о демократизации армии. При рассмотрении этих вопросов было сформировано Бюро Совета Наркомвоена в составе трех человек и решено организовать канцелярию Совета. Во все главные управления бывшего Военного министерства назначались комиссары, и устанавливалось правило, что без подписи комиссара ни одно распоряжение, исходящее от того или иного органа бывшего Военного министерства, не должно считаться действительным⁵⁰.

Особое внимание было уделено проблеме демократизации армии⁵¹. С докладом по этому вопросу выступил Н. В. Крыленко, огласивший проект декларации Совета Наркомвоена «К солдатам революционной армии», в которой предлагалось упразднить все чины и различия между военнослужащими, а также все знаки отличия; установить одинаковое содержание для всех военнослужащих; ввести для военнослужащих общую со всеми гражданами подсудность и предоставить им всю полноту политических прав; упразднить институт кадетских корпусов и средних учебных военных заведений, юнкерские училища реформировать в кратковременные курсы командного состава; наличный состав

⁴⁷ Н. И. Подвойский. Ленин и организация Красной Армии, стр. 6–7.

⁴⁸ Имеется в виду Военная организация при ЦК РСДРП (б).

⁴⁹ Н. И. Подвойский. Ленин и организация Красной Армия, стр. 6–7. Приведенные воспоминания Н. И. Подвойского позволяют сделать вывод о том, что Комитет по военным и морским делам, созданный II Всероссийским съездом Советов, был преобразован в Народный Комиссариат по военным и морским делам 27 октября 1917 г., а не в декабре 1917 г., как это утверждал в свое время автор («Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 49).

⁵⁰ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 2–9, 12–19.

⁵¹ Там же.

юнkerов, за исключением тех, кто предан суду, отправить на фронт солдатами в действующую армию; ввести полную выборность командного состава; изменить положение о выборных войсковых организациях и установить во всех технических и окружных управлениях коллективное руководство в лице представителей от служащих данного управления и профессиональных союзов⁵².

8 ноября Н. В. Крыленко выступил с подробным докладом о декларации на собрании делегатов фронта и тыла⁵³.

Одновременно с разработкой программы слома старой армии Совет Наркомвоена подготовил декрет о демобилизации старой армии. 10 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет о демобилизации рядовых 1899 г. призыва, тем самым было положено начало «постепенному сокращению численности армии»⁵⁴.

Наркомвоену нужно было как можно быстрее взять в свои руки бывшее Военное министерство, которое, как и ставка Духонина, превращалось в очаг контрреволюции. Встретив Октябрьскую революцию враждебно, служащие ряда центральных управлений бывшего Военного министерства на собраниях выносили резолюции протеста против Советской власти, раздавались призывы к саботажу⁵⁵. Временный управляющий бывшим Военным министерством генерал А. А. Маниковский отдал распоряжение по войскам Московского военного округа не заменять назначенных командиров выборными, начальник Генерального штаба генерал В. В. Марушевский вступил в переговоры с отстраненным Духониным и сделал попытку саботировать мирные переговоры⁵⁶.

19 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина заслушал доклад о бывшем Военном министерстве и принял постановление: генералов Малиновского и Марушевского арестовать, немедленно начать энергичную чистку бывшего Военного министерства и произвести удаление ненадежных элементов высшего командного состава⁵⁷.

После ареста Маниковского и Марушевского общее управление бывшим Военным министерством приняли на себя Н. И. Подвойский вместе с членами Совета Наркомвоена Б. В. Леграном, К. А. Мехоношиным и Э. М. Склянским. С 24 ноября эта коллегия приступила к подробному ознакомлению с делами министерства⁵⁸.

23 ноября 1917 г. Совет Наркомвоена опубликовал «Проект декларации Народных Комиссаров по военным и морским делам, представленный утверждению Совета Народных Комиссаров»⁵⁹. «Рабочее и Крестьянское Правительство Народных Комиссаров, – говорилось в проекте, – призвано создать свободную армию вооруженных граждан, армию рабочих и крестьян с широким самоуправлением выборных солдатских организаций. Новая

---

⁵² Там же, л. 2–6.

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 464, оп. 1, д. 82, л. 22.

⁵⁴ «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 66.

⁵⁵ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 1.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 1.

⁵⁹ «Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 23 ноября 1917 г.

армия, взамен господства буржуазии, обеспечит власть рабочих и крестьян. Осуществляя волю II Всероссийского съезда Советов, Народные Комиссары по военным и морским делам в качестве первых шагов своей работы по переустройству армий кладут, на пути ее замены всеобщим вооружением народа, в основу следующие начала...⁶⁰ Армия, реорганизованная на таких началах, будет силой, способной отстаивать интересы рабочих и крестьян. Правительство ставит своей задачей заботу о сокращении армии путем демобилизации солдат старших возрастов и непризыванием солдат до 20-летнего возраста. Солдаты! Во имя революции и ее развития Правительство обращается к вам. Да здравствует революционная армия рабочих и крестьян!»

30 ноября Военно-революционный комитет при Ставке принял «Проект положения о демократизации армии» и в тот же день телеграфно довел его до сведения войск. 1 декабря проект был опубликован. Всем солдатским комитетам, главнокомандующим фронтами, командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и полков предписывалось впредь до утверждения положения о демократизации армии руководствоваться этим проектом⁶¹.

Проект вводил выборность командного состава, отменял офицерские чины, звания и ордена, всю полноту власти передавал солдатским комитетам. Высшим органом солдатского самоуправления объявлялась солдатская секция ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В проекте положения было записано, что «армия служит воле трудового народа и подчиняется власти Народных Комиссаров, опирающейся на волю Советов и их доверие»⁶². Этим положением Военно-революционный комитет при Ставке существенно дополнял проект декларации Совета Наркомвоена. Проект положения был воспринят в армии как приказ Верховного главнокомандования.

Успех демократизации армии был закреплен правительственным постановлением. 15 декабря Совет Народных Комиссаров заслушал доклад Н. В. Крыленко и принял декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии»⁶³. Декреты провозглашали: «Армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдата революционной армии». «Армия, служащая воле трудового народа, подчиняется воле верховного выразителя этой воли – Совету Народных Комиссаров». Полновластными органами в армии стали солдатские комитеты и Советы; упразднились все чины и звания; отменялись титулование, ордена и все прочие знаки отличия; вводилась выборность командного состава и должностных лиц, и определялся порядок проведения этих выборов. 17 декабря эти декреты за подписью В. И. Ленина и всех членов Совета (коллегии) Наркомвоена были опубликованы в советской печати и стали достоянием солдатской массы. Введение их в жизнь повело к быстрому завершению демократизации армии, которая почти полностью закончилась к концу декабря⁶⁴.

Так, за несколько недель, не распуская старую армию, большевики решительно сломали ее. Были «разрушены почти до основания недемократические учреждения в

---

⁶⁰ Далее перечисляются практические пункты, связанные с демократизацией армии и совпадающие с протокольной записью декларации, обсуждавшейся в Совете Наркомвоена 3–5 ноября. 1917 г.

⁶¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 379, л. 25–26.

⁶² Там же, л. 25.

⁶³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 42.

⁶⁴ ЦГАСА, ф. 137, оп. 1, д. 12, л. 1; Л. Гапоненко. Указ, соч., стр. 181; М. И. Капустин. Указ, соч., стр. 308.

армии»⁶⁵, власть вырвана из рук контрреволюционного командного состава, и установлена власть выборных солдатских комитетов и Советов. В. И. Ленин, выступая 11 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, указал, что «старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами – отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена»⁶⁶.

Одновременно с демократизацией старой армии началась разработка плана перехода от постоянной армии к милиционной системе строительства вооруженных сил Советской республики⁶⁷.

Обсуждая эту проблему в течение последней недели ноября и первой недели декабря, Наркомвоен запросил мнение военных специалистов Генерального штаба о целесообразности сохранения некоторой части войск демократизированной армии для использования их в качестве кадров будущей милиционной армии⁶⁸.

Старые военные специалисты не признавали необходимости слома старой армии, особенно в то время, когда Советская республика не покончила еще с войной. Они считали, что России нет надобности отказываться от существующей армии, что все ее довоенные ячейки нужно во что бы то ни стало сохранить, а общую численность армии свести к 1300 тыс. человек, т. е. к предвоенному уровню. Строительство вооруженных сил Советского государства должно было, по их мнению, осуществиться на основе частей и соединений старой армии. Эта точка зрения была высказана представителем Генерального штаба полковником В. В. Даллером в его докладе, сделанном на совещании по демобилизации армии, созванном Наркомвоенном 28 ноября⁶⁹.

Вскоре по поручению Наркомвоена Генеральный штаб представил докладную записку о конструировании будущих вооруженных сил Советской республики⁷⁰. В основу их организации была положена идея создания смешанной системы вооруженных сил. При этом часть армии было предложено использовать для охраны границ, а часть – в качестве кадров будущей милиции⁷¹.

Этот план обсуждался 8 декабря 1917 г. на совещании, созванном коллегией Наркомвоена. Предложение Генерального штаба об использовании войск старой армии на границах не вызвало возражений. Что же касается второго предложения, то оно было отклонено. Для будущей милиционной армии решено образовать новые организованные ячейки на местах из лиц, прошедших необходимую военную подготовку и крепко связанных с местным населением общностью интересов⁷².

16 декабря Совет Народных Комиссаров заслушал доклад Н. В. Крыленко «О

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 361.

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 420.

⁶⁷ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 118, л. 1 об. – 2; ЦГВИА, ф. 3664, оп. 1, д. 10, л. 230.

⁶⁸ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2, 25–26.

⁶⁹ «Известия ЦИК», 7 декабря 1917 г., стр. 10–11.

⁷⁰ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

переходных формах устройства армии в период демобилизации»⁷³. И хотя в протоколе отмечено, что «произошел только обмен мнений», нам представляется, что Совет Народных Комиссаров на этом заседании дал Наркомвоену необходимые указания о том, как развертывать военное строительство. Подтверждение этому мы видим в событиях, происшедших 17 декабря. В этот день коллегия Наркомвоена, решив завершить дискуссию, провела совещание совместно с представителями Генерального штаба и фронтовыми делегатами Общеармейского съезда по демобилизации армии. Главное внимание совещание уделило вопросу о порядке формирования тех отрядов, которые должны будут нести службу по окончании демобилизации старой армии до тех пор, пока не будет создана милиционная армия. Было решено эти отряды создать на основе добровольного поступления граждан на военную службу и лишь в крайнем случае привлекать недостающие контингенты военнотружущих путем принудительного набора годных для военной службы граждан, преимущественно младших возрастов⁷⁴.

Из отчета Н. В. Крыленко видно, что Наркомвоен отказался от предложения Генерального штаба сохранить некоторое число войсковых частей старой армии для использования их на охране границ Советской республики и принял решение создать на фронте корпуса Народной гвардии.

Было бы ошибочным предполагать, что Н. В. Крыленко выражал лишь свою точку зрения или взгляды только коллегии Наркомвоена. Скорее следует думать, что содержание отчета Н. В. Крыленко было одобрено Советом Народных Комиссаров и что Верховный главнокомандующий изложил, таким образом, правительственную точку зрения на вопросы военного строительства. Однако тут же возникает вопрос: где и когда Советское правительство приняло такую точку зрения? Чтобы разобраться в этом вопросе, следует вновь вернуться к заседанию Совета Народных Комиссаров 16 декабря. Мы не располагаем точными сведениями о том, какие вопросы поставил Н. В. Крыленко в своем докладе и как проходил обмен мнениями. Но само название доклада и тот факт, что до этого заседания коллегия Наркомвоена считала возможным использовать часть старой армии для охраны безопасности границ Советской республики и не помышляла о создании Народной гвардии, наталкивает на единственно возможный вывод, что именно на заседании Совета Народных Комиссаров 16 декабря и родилась идея создания Народной гвардии. Но чем было вызвано изменение планов Наркомвоена и почему было принято решение создать Народную гвардию? Ответ на этот вопрос дает детальное ознакомление с состоянием фронта.

К 16 декабря, когда Н. В. Крыленко сделал свой доклад на заседании Совета Народных Комиссаров, он располагал многочисленными фактами, свидетельствующими о том, что старая армия все больше и больше утрачивала свою боеспособность и вряд ли была в силах удержать фронт в случае наступления противника. К этому времени резко изменился боевой состав фронтов. Особенно отчетливо это можно проследить на данных о численном составе двух важнейших фронтов – Северного и Западного. Если 1 октября здесь имелось 661 163 штыка, то к 16 декабря это число уменьшилось более чем на 26 % и составляло 484 975 штыков⁷⁵. Такое резкое сокращение общей численности штыков не могло произойти только в результате развертывавшейся демобилизации. Как известно, с 10 ноября по 12 декабря были демобилизованы лишь солдаты призыва 1899–1900 гг., увольнение солдат призыва 1901 г. началось 12 декабря⁷⁶. Принимая расчет каждого увольняемого года призыва,

⁷³ Е. Н. Городецкий. Демобилизация армии в 1917–1918 гг. – «История СССР», 1958, № 1, стр. 17.

⁷⁴ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2, 26–27.

⁷⁵ История СССР», 1962, № 2, стр. 99.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 3664, оп. 1, д. 10, л. 235.

сделанный Е. Н. Городецким в процентах к общему числу демобилизованных⁷⁷, и считая, что на каждый из них приходилось столько же, сколько и на призыв 1902 г., т. е. 3,7 %, мы получим, что на уволенных по демобилизации солдат призыва 1899–1901 гг. приходилось не более 11 % всего состава действующей армии, т. е. около 165 тыс. человек. Но этот расчет касается всех фронтов, а по данным о боевом составе Северного и Западного фронтов видно, что за полтора месяца общая численность штыков на этих фронтах сократилась на 176188 человек. Подобное явление отмечалось и на других фронтах. Отсюда следует сделать вывод, что снижение численности штыков нужно относить не только за счет происходившей демобилизации, но и за счет все возрастающего дезертирства.

Многочисленные факты свидетельствовали о нежелании солдат оставаться в окопах четвертую военную зиму. Участились случаи невыполнения приказов, самовольного ухода с позиций целых соединений, отказа сменять дивизии, находившиеся на позициях, и т. д.⁷⁸ В условиях все нарастающего развала старой армии Наркомвоен пришел к неизбежному выводу, что вряд ли ему удастся удержать и укрепить фронт до того момента, когда будет заключен мир с державами австро-германского блока, если не будут приняты срочные меры к созданию новой вооруженной силы из добровольцев старой армии. Так родилась идея создания на фронте Народной гвардии.

Во второй половине декабря вопрос об удержании и укреплении фронта приобрел особую остроту. После доклада Н. В. Крыленко В. И. Ленин решил детально ознакомиться с состоянием армии. 17 декабря он прибыл на совещание представителей армий и фронтов, выделенных Общеармейским съездом по демобилизации армии, и попросил участников совещания ответить на вопросы составленной им анкеты⁷⁹.

На следующий день, 18 декабря, Совет Народных Комиссаров обсудил итоги этого опроса. С докладом о положении на фронте и состоянии армии выступил Н. В. Крыленко. Ответы делегатов Общеармейского съезда еще раз убедили Советское правительство в правильности его выводов о необходимости реорганизовать фронт. Совет Народных Комиссаров принял резолюцию, предложенную В. И. Лениным, в которой «были намечены усиленные меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности»⁸⁰. Таким образом, Совет Народных Комиссаров этим постановлением не только подтвердил те указания, которые он дал Наркомвоену 16 декабря, но и потребовал усилить меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности.

Получив указания Совета Народных Комиссаров, Наркомвоен поручил Генеральному штабу разработать проект ближайших практических мер по реорганизации армии и усилению фронта. При этом он просил учесть возможность продолжения военных действий и уделить особое внимание вопросу создания новой армии на добровольческих началах⁸¹.

К 21 декабря проект ближайших практических мер по реорганизации армии и усилению фронта был готов. Учитывая возможность возобновления военных действий и в целях усиления фронта, Генеральный штаб предложил:

- сохранить на фронте 100 пехотных дивизий⁸², пополнить их до штатов военного

⁷⁷ Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 27.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 6, 9-11.

⁷⁹ Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 17.

⁸⁰ Там же, стр. 19.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 215, л. 45.

⁸² Как уже отмечалось, по данным Ставки, в ноябре на фронте насчитывалось 159 пехотных дивизий.

времени;

- немедленно вывести в глубокий тыл возможно большее число войсковых частей, обремененных конским составом, и всю тяжелую позиционную артиллерию, а также удалить из фронтовой полосы все тыловые учреждения, не нужные для борьбы в течение ближайших трех-четырех месяцев;

- подготовить армейскую базу в Московском или Казанском военном округе, где сосредоточить соответствующие интендантские, артиллерийские, инженерные, санитарные и прочие склады, мастерские и заведения.

Что касается создания новой армии, то Генеральный штаб предложил организовать из солдат-добровольцев 144 пехотных полка, сформировать из них 36 дивизий по 10 тыс. человек. Таким образом, новая армия должна была иметь общую численность в 360 тыс. человек. Для ее формирования рекомендовалось создать базу в Московском районе⁸³.

21 декабря этот проект поступил в Наркомвоен, и на следующий день, 22 декабря, с его содержанием была ознакомлена Ставка Верховного главнокомандующего⁸⁴. Однако тревожная обстановка, сложившаяся на фронте, не позволила Советскому правительству и военному командованию рассмотреть предложения Генерального штаба и принять соответствующее решение. Более того, она вынудила Советское правительство изменить свои планы. Дело укрепления обороноспособности Советской республики и строительства ее вооруженных сил потребовало иных методов решения этой задачи.

«Народная гвардия»

22 декабря от Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко из Ставки было получено сообщение, потребовавшее принятия срочных мер к усилению фронта. Н. В. Крыленко сообщил о безудержном уходе с позиций солдат с Румынского фронта. Чтобы устранить причины самовольного оставления солдатами рядов армии, Н. В. Крыленко предложил отвести войска Румынского фронта на несколько переходов в тыл⁸⁵.

Учитывая остроту положения, создавшегося на фронте, и важность предложения Н. В. Крыленко, коллегия Наркомвоена вечером 22 декабря созвала экстренное совещание для обсуждения этих вопросов. На совещание были приглашены представители Генерального штаба, и, что особенно важно, в его работе принял участие В. И. Ленин⁸⁶.

Совещание вышло далеко за рамки обсуждения вопроса о положении на Румынском фронте. Было ясно, что весь фронт неудержимо разваливается, что старая армия окончательно утратила боеспособность, воевать не может и нужно решать проблему военной защиты Советской республики заново. Совещание убедило В. И. Ленина и военное командование в том, что вряд ли можно дальше рассчитывать на использование старой армии для нужд обороны. Учитывая сложившуюся обстановку и необходимость принятия срочных мер для удержания фронта, совещание решило временно приостановить работу по строительству милиции и все усилия сосредоточить на организации новой постоянной армии, которая могла бы надежно обеспечить безопасность страны. Для удержания фронта было решено в спешном порядке, по возможности в течение 8–10 дней, двинуть туда имевшиеся в Петроградском и Московском военных округах отряды Красной гвардии и

⁸³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 215, л. 9, 45–46.

⁸⁴ Там же, л. 1–4.

⁸⁵ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2 об. – 3.

⁸⁶ Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 19.

немедленно приступить к организации в тех же округах, главным образом в Московском, до десяти новых корпусов Красной гвардии общей численностью в 300 тыс. человек⁸⁷.

Так жизнь заставила большевиков сделать крутой поворот в своей военной политике. Решение временно приостановить милиционное строительство и срочно создать новую постоянную армию было единственно возможным и правильным в той военно-политической обстановке, которая сложилась в стране в конце 1917 г.

После совещания в Наркомвоене работа по организации новой армии быстро развернулась в тылу и на фронте.

23 декабря по инициативе Н. И. Подвойского в Петрограде состоялось экстренное собрание представителей Наркомвоена, Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б) и Главного штаба Красной гвардии Петрограда, где обсуждался проект практических мер по созданию новой армии. Председателем собрания был Н. И. Подвойский, секретарем – Ф. П. Никонов. В работе собрания приняли участие Н. М. Потапов, В. А. Трифонов, И. К. Юренев и другие военные работники, всего 15 человек⁸⁸.

В результате обмена мнениями было решено новую армию назвать социалистической, немедленно приступить к ее формированию и после проведения мобилизации в Красную гвардию спешно отправить на фронт пять эшелонов красногвардейцев. Собрание высказалось за издание декрета об организации социалистической армии и для технической работы по ее созданию сформировало штаб, в состав которого вошли видные работники Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б) и Главного штаба Красной гвардии Ф. П. Никонов, В. А. Трифонов, И. Ю. Юренев и многие другие военные работники.

Обязанности членов штаба были распределены следующим образом. И. Ю. Юреневу поручалось в кратчайший срок разработать проект создания социалистической армии, на Ф. П. Никонова возлагалась ответственность за организацию отрядов социалистической армии (вербовка инструкторов, создание командного состава и приведение отрядов в боевое состояние). При этом в каждый отряд рекомендовалось влить опытных солдат и матросов. Маркову было поручено руководство мобилизационным отделом штаба (вся работа по формированию), Киселеву – заведование транспортным отделом, Барбару – мобилизация транспорта, Потапову – обеспечение боевым снаряжением, Янишевскому вместе с представителем Красной гвардии – снабжение отрядов, Трифонову – заведовать финансовым делом.

Агитационная часть была возложена на Бонч-Бруевича, Долгашева, Рович и Степанова. Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов поручалось выработать воззвание к петроградским рабочим и объявить призыв добровольцев в ряды социалистической армии.

Вскоре выяснилась необходимость уточнить ряд вопросов, связанных с созданием социалистической армии в тылу. Прежде всего нужно было договориться о том, кто будет вести работу в Петрограде и во всей стране, создавать ли для руководства работой во всероссийском масштабе какой-то специальный орган или возложить эту задачу на Всероссийское бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б). Нужно было также решить вопросы организации партийной работы в связи со строительством армии – создание ячеек, выделение пропагандистов, агитаторов, организаторов и инструкторов. Для рассмотрения этих вопросов 26 декабря вновь собралась Военная организация⁸⁹.

---

⁸⁷ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 3.

⁸⁸ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 80.

⁸⁹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68; л. 2–5. Документ неполно и с некоторой редакционно й правкой опубликован в сб. «Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии». М., 1923, т. 1, стр. 112–122 и в журнале

На ее собрании выступили руководители Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б) В. И. Невский и Н. И. Подвойский. Первый остановился на теоретической, второй – на организационно-практической стороне создания социалистической армии. Н. И. Подвойский указал, что по расчетам за полтора месяца можно создать социалистическую армию в 300 тыс. штыков, которая послужит «цементом и скелетом новой армии», но для этого нужно использовать все силы Военной организации, повести усиленную агитацию, создать большевистские ячейки там, где их не было, выделить пропагандистов, организаторов и инструкторов.

Собранием Военной организации было решено не создавать специальную организацию для руководства формированием социалистической армии. Организованный 23 декабря штаб был утвержден, а общее руководство созданием социалистической армии возлагалось на Наркомвоен в лице Н. И. Подвойского и К. А. Мехоношина и представителей Красной гвардии⁹⁰. Работу по созданию социалистической армии в Петрограде поручалось вести партийным организациям. Было принято также решение о создании большевистских ячеек в армии и об усилении агитационной, организационной и вербовочной работы.

Учитывая, что работа по организации социалистической армии потребует значительных денежных средств, Совет Народных Комиссаров еще 23 декабря принял декрет об отпуске Наркомвоену 10 млн. руб. на организацию добровольческих отрядов⁹¹.

Активную деятельность развернула и Ставка. Поскольку строительство социалистической армии связывалось с реорганизацией фронта, Ставка должна была в первую очередь выработать методы строительства новой армии на фронте и подготовить соответствующие приказы и инструкции, которыми войска должны были руководствоваться. К этой сложной работе Н. В. Крыленко привлек крупных военных специалистов, бывших генералов – начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича, его помощника С. Г. Лукирского и др.⁹²

Чтобы привлечь к строительству социалистической армии широкие круги революционных солдат и офицеров старой армии, 23 декабря Н. В. Крыленко послал на фронт телеграмму, содержащую проект приказа о создании Народной социалистической гвардии⁹³. Учитывая состояние переговоров о заключении мира, Верховный главнокомандующий предупредил армию о том, что Советская республика может встать перед грозной неизбежностью священной революционной войны и что в этих условиях перед народом стоит ответственная задача – создать вооруженную силу для отпора врагу. Н. В. Крыленко писал: «Товарищи! Армия устала. Армия изнемогла... Должна быть создана новая армия вооруженного народа. К такой армии, зачатками которой явилась Красная гвардия рабочих, я призываю всех, кому дорога свобода. Должна быть создана повсюду революционная Народная социалистическая гвардия на фронте и в тылу»⁹⁴.

В эту гвардию, продолжал Н. В. Крыленко, будут привлекаться лишь «истинные поборники свободы и революции», и поэтому она будет строиться на основах

«Красная летопись», 1928, № 1 (25), стр. 127–135.

⁹⁰ В конце декабря на совещании петроградских отрядов Красной гвардии членами коллегии Наркомвоена были избраны В. А. Трифонов и И. Ю. Юренев (ЦПА НМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1946, л. 5).

⁹¹ «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 593.

⁹² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 102; оп. 2, д. 215, л. 37.

⁹³ Там же, оп. 2, д. 214, л. 2–4; ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 1, 15, 25; ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

⁹⁴ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

добровольчества, без какого-нибудь принуждения. «Всякий вошедший в ряды Народно-социалистической рабоче-крестьянской гвардии должен знать, что он идет в ряды борцов, чья обязанность жить сражаясь и умереть в борьбе». «Те, кто не может, кто не чувствует в себе силы идти на эту борьбу, пусть не идут. Нам нужна революционная армия бойцов, а не армия тех, кто думает о своей хате». Добровольцы могут вступать в Народно-социалистическую гвардию как в одиночку, так и ротами, батальонами и полками, по рекомендации полковых и ротных солдатских комитетов. «Самая крепкая революционная дисциплина должна господствовать в этих частях. Революционный суд из солдат должен спаять мощной связью всех бойцов социалистической гвардии и карать за нарушение общей дисциплины».

Управление Северного фронта, получив 23 декабря телеграмму Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, созвало совещание с приглашением представителей армейских комитетов и комиссаров армий⁹⁵. Совещание одобрило проект приказа Ставки и на его основе выработало для своего фронта «Положение о сформировании революционной Красной Армии»⁹⁶, в котором рекомендовало:

1. Немедленно приступить к созданию на основе принципа добровольчества полков Красной гвардии, взяв за основу наиболее крепкие дивизии, в которые переводить из других дивизий ротами и батальонами волонтеров. В обмен на эти роты и батальоны посылать из революционных частей роты и батальоны, составленные из солдат, отказавшихся вступить в новую армию добровольцами.

2. Добровольческий полк в момент, определяемый армейским комитетом, объявить приказом по войскам фронта полком Красной гвардии. С этого момента одновременно с изменением наименования полка ввести: революционную дисциплину, обязательные занятия и назначить добровольцам повышенное содержание. При вступлении в полк каждый волонтер должен дать обязательство перед всем полком об исполнении обязанностей революционного солдата. Жалование волонтеру определить 50 руб. в месяц, одновременно увеличить паек семьям до реальной его стоимости.

3. При вступлении в число добровольцев каждый волонтер должен дать обязательство служить в армии не менее шести месяцев, в случае же неисполнения этого обещания он передается революционному суду.

Эти предложения во многом были использованы Ставкой при подготовке соответствующих положений и инструкций для войск о создании новой армии. Западный фронт высказал свои соображения по этому вопросу несколько позже.

Получив поддержку Северного фронта, Верховный главнокомандующий 25 декабря направил в войска приказ, в котором он повторил содержание своей телеграммы от 23 декабря⁹⁷.

Это был первый официальный акт от лица Советского правительства, провозгласивший создание новой армии Советской республики и призывавший солдат дружно откликнуться на зов Родины.

К этому времени военное положение Советской республики резко ухудшилось. Государства Антанты не ответили на призыв Советского правительства от 17 декабря заключить всеобщий справедливый, демократический мир, поставив тем самым нашу страну перед необходимостью заключения сепаратного мира с державами австро-германского

⁹⁵ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 1; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 46, л. 25.

⁹⁶ «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 75–76; ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 1. В Положении впервые появляется термин «Красная армия». Однако, как видно из текста документа, этот термин совещание употребило случайно, всего два раза. Большей частью применялся термин «Красная гвардия».

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

блока. Но как только державы австро-германского блока убедились, что союзники России не примут участия в мирных переговорах, они решили упрочить свое военное и экономическое положение за счет Советской республики и перешли к открытой захватнической политике.

Военная обстановка заставила ускорить дело создания новой армии. Время не ждало. Советская республика должна была усилить оборону и подготовиться к отпору врагу.

К 28 декабря Ставка разработала «Общие соображения по сформированию армии на началах добровольчества»⁹⁸.

Ставка пришла к заключению, что обособленное формирование новой, социалистической армии не позволит быстро реорганизовать фронт и неизбежно поведет к его ослаблению. Поэтому, чтобы не допустить ослабления фронта, она высказалась против, хотя бы и временной, изоляции старой армии и предложила провести не замену старой армии новой, а как бы «перекристаллизацию элементов и перерождение в самой среде армейской массы»⁹⁹. Для этого предлагалось одновременно начать: а) формирование добровольческих частей в тылу действующей армии; б) вкрапливание формируемых в ближайшем тылу добровольческих войсковых единиц в ряды действующей армии; в) формирование добровольческих частей в рядах самой действующей армии¹⁰⁰.

В развитие «Общих соображений по сформированию армии на началах добровольчества» Ставка разработала «Примерную инструкцию по формированию революционных батальонов Народно-социалистической гвардии в районе дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе»¹⁰¹.

В инструкции были сформулированы цели создания Народно-социалистической гвардии, принципы ее формирования, порядок записи добровольцев и формирования добровольческих частей.

Большой интерес представляет раздел, в котором говорится о целях создания Народно-социалистической гвардии и принципах ее формирования. В разделе говорилось следующее:

«Народно-социалистическая гвардия создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир...

Народно-социалистическая гвардия формируется исключительно на основе добровольческого принципа, причем доступ в ее ряды открыт для всех без различия национальностей и годов призыва.

Народно-социалистическая гвардия должна служить как материальная опора Советской власти и зародыш образования армии вооруженного народа до проведения в жизнь реформы по введению всеобщего вооружения народа.

Кроме добровольно выраженного желания, для вступления в ряды Народно-социалистической гвардии необходимы: при вступлении индивидуальном – рекомендация общественно-демократических организаций или по крайней мере двух членов таковых и при вступлении целыми частями – коллективно-круговая порука всех и поименное голосование»¹⁰².

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 100–102.

⁹⁹ Там же, л. 101.

¹⁰⁰ Там же, л. 100.

¹⁰¹ Там же, д. 1166, л. 113–114.

¹⁰² Эти положения впоследствии легли в основу постановления Общеармейского съезда по демобилизации армии о создании корпусов социалистической армии и декрета Совнаркома о создании Красной Армии.

Работа по формированию революционных частей на фронте возлагалась на корпусные солдатские комитеты. Инструкция устанавливала следующий порядок формирования. Корпусной солдатский комитет должен был определить, какие из полков корпуса можно считать устойчивыми в боевом и революционно-социалистическом отношении (желательно по расчету три полка на корпус). Затем он должен был объявить эти полки полками Народно-социалистической гвардии такого-то корпуса. Такой же порядок отбора в Народно-социалистическую гвардию устанавливался для артиллерийских частей корпуса. Инженерные, технические и саперные части корпуса инструкция предписывала сохранять без изменений.

После проведения отбора полков солдатские комитеты переформируемых полков должны были объявить в каждой роте и команде запись добровольцев. В пределах каждого батальона все солдаты, не пожелавшие вступить добровольцами в Народно-социалистическую гвардию, должны были зачисляться в одну роту, которая получала название «регулярной роты». Регулярные роты трех батальонов должны были сводиться в один «регулярный батальон», а регулярные батальоны – в «регулярные полки».

Такой же порядок переформирования устанавливался и для всех остальных полков корпуса, которые не были объявлены полками Народно-социалистической гвардии. Однако здесь выделение добровольцев должно было идти не сверху, а снизу. Корпусной комитет должен был выделить народногвардейские роты, которые затем нужно было свести в народногвардейские батальоны. Сформированные таким образом народногвардейские батальоны подлежали выделению из корпуса и включению в полки Народно-социалистической гвардии.

Таким образом, по инструкции Ставки, действующая армия в результате переформирования должна была разделиться на две части – Народно-социалистическую гвардию и «регулярную армию». Все регулярные войска подлежали демобилизации в общем порядке¹⁰³, а до этого на них возлагались гарнизонная служба, охрана передвижения войск и грузов, а также несение общих военных обязанностей наравне со всеми войсками до подхода революционных пополнений.

Так как для формирования Народно-социалистической гвардии полки, включенные в ее состав, отводились с переднего края обороны в район дивизионных резервов, это могло ослабить фронт. Поэтому Ставка предписывала командующим войсками закончить всю работу по формированию народногвардейских полков за 20 суток с момента открытия записи добровольцев. Работа по переформированию 1-го Сибирского и 17, 22, 42 и 49-го армейских корпусов, которые составляли фронтовые резервы, должна была закончиться в течение 30 суток со дня получения этой инструкции¹⁰⁴.

Верховное главнокомандование, стремясь удержать на фронте наиболее сознательную часть армии, приняло меры к широкой популяризации идеи создания социалистической армии на основе добровольного привлечения в ее ряды истинных приверженцев Советской власти. Утром 29 декабря в газете «Армия и Флот рабочей и крестьянской России» было опубликовано обращение Верховного главнокомандующего к трудящимся Советской России с призывом записываться в революционную Народно-социалистическую гвардию. Это был первый открытый призыв от имени Советского правительства, в котором рабочие и крестьяне предупреждались, что Советская власть стоит перед возможностью новой войны в защиту завоевания революции и что поэтому должна быть создана новая армия.

В этот же день большевистская фракция Общеармейского съезда по демобилизации внесла разработанный ею проект создания социалистической армии на обсуждение съезда и

---

¹⁰³ С момента формирования Народно-социалистической гвардии декреты Советского правительства о демобилизации распространялись лишь на солдат, состоявших в «регулярных войсках».

¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1166, л. 114.

поручила председателю съезда большевику Цибульскому ознакомить делегатов с этим документом. Выступивший на съезде Н. И. Подвойский призвал от имени Наркомвоена способствовать всеми силами скорейшему созданию социалистической армии. В итоге целого дня обсуждений большевистский проект был принят 153 голосами. Против голосовало 40 и 13 человек воздержались¹⁰⁵.

Отмечая, что «правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа», съезд в то же время указал, что «факт господства буржуазии в государствах Западной Европы и еще не ликвидированной войны» накладывает на Советскую власть обязанность быть готовой в любой момент вооруженной рукой отстаивать принципы возвещенного революцией демократического мира. Исходя из этих соображений, съезд признал необходимым «немедленно приступить к организации корпусов социалистической армии»¹⁰⁶. Было решено, что новая армия должна строиться путем добровольного вступления в ее ряды граждан по рекомендациям революционно-социалистических партий и рабочих, солдатских и крестьянских организаций, стоящих на платформе Советской власти. Учитывая необходимость удержания фронта, съезд указал, что в тылу принцип добровольчества проводится в жизнь «немедленно», а на фронте – «постепенно, по мере замены всех демобилизуемых элементов социалистическими формированиями из тыла». Большое место в постановлении отводилось материальному обеспечению добровольцев и их семей.

30 декабря Верховный главнокомандующий направил в войска два важных документа: «Общие соображения по формированию армии на началах добровольчества» и «Примерную инструкцию по формированию революционных батальонов Народно-социалистической гвардии...» Он предписал закончить всю работу по реформированию корпусов в течение 30 суток¹⁰⁷.

Поскольку армия является одним из важнейших орудий государства, Советское правительство, приступившее к созданию новой армии, должно было оформить столь важное событие в жизни первого в мире социалистического государства законодательным актом. Первым шагом в этом направлении было принятие на заседании ВЦИК 3 января 1918 г. ленинской Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Пятый пункт ее гласил: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов»¹⁰⁸. Декларация присваивала новой армии Советской республики наименование «Рабоче-Крестьянская Красная Армия». Тем самым четко определялось, какую армию создает Советская власть, и ликвидировался уже имевшийся к тому времени разнобой в ее наименовании. Так, Наркомвоен, Всероссийское бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б) и Общеармейский съезд по демобилизации старой армии называли новую армию «социалистической армией», Ставка – «народно-социалистической гвардией», Управление Западного фронта – «народно-революционной гвардией», Управление Северного фронта – «красной народной гвардией», а Центральный комитет действующей армии и флота –

¹⁰⁵ Отчет о заседании съезда опубликован в газете «Армия и Флот рабочей и крестьянской России» (31 декабря 1917 г., стр. 2–3). Н. И. Подвойский ошибочно утверждает, что съезд обсуждал этот вопрос 24 декабря («Историк-марксист», 11938, кн. 1, стр. 24).

¹⁰⁶ «Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 31 декабря 1917 г., стр. 3.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 2003, он. 2, д. 318, л. 7–10; ф. 2031, оп. 1, д. 1166, л. 114.

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 386.

«интернационально-социалистической армией»¹⁰⁹. Ни одно из этих наименований не раскрывало природу и назначение армии Советской республики, а отмеченный нами разницей только запутывал дело ее строительства.

Начало организации РККА

Вскоре началась разработка проекта декрета Совета Народных Комиссаров о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также инструкции для агитаторов и положения об управлении Рабоче-Крестьянской Красной Армией. Эта сложная работа была поручена Агитаторской коллегии, выделенной Общеармейским съездом по демобилизации армии¹¹⁰. 8 января состоялось первое заседание Агитаторской коллегии¹¹¹. На этом заседании был обсужден вопрос о выработке инструкции агитаторам. В основу этой инструкции решено было положить два документа: 1) постановление Общеармейского съезда по демобилизации армии и 2) инструкцию Управления Северного фронта о формировании революционных батальонов Красной гвардии¹¹². Для составления инструкции Агитаторская коллегия создала комиссию в составе Бисярина, Жемчугова, Климина, Курочкина и Шешукова. Комиссии было предложено: изложить задачи Красной Армии в полном соответствии с постановлением Общеармейского съезда по демобилизации армии и 1-м параграфом инструкции Управления Северного фронта; сформулировать условия поступления и материального обеспечения добровольцев так, как это сделано во 2-м параграфе инструкции Управления Северного фронта; вопросы организации армии трактовать в соответствии с 8–11-м параграфами постановления Общеармейского съезда по демобилизации армии¹¹³. Комиссии рекомендовалось в виде отдельного приложения к инструкции дать 3–5-й параграфы инструкции Управления Северного фронта.

Комиссией была выработана «Инструкция организаторам-агитаторам по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии»¹¹⁴. Эта инструкция вместе с приложенными к ней 3–5-м параграфами инструкции Управления Северного фронта по существу содержала план строительства Красной Армии.

¹⁰⁹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 80; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 318, л. 23–25; оп. 1, д. 38, л. 372; ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 11.

¹¹⁰ Агитаторская коллегия в составе 46 человек была выделена 31 декабря 1917 г. («Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 3 января 1918 г., стр. 3). После того как Общеармейский съезд, закончив работу, закрылся 3 января 1918 г., Агитаторская коллегия в своей дальнейшей деятельности по всем вопросам, которые ей приходилось решать, выступала от имени Общеармейского съезда по демобилизации армии (ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 42).

¹¹¹ ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

¹¹² Инструкция Управления Северного фронта целиком повторяет «Примерную инструкцию по формированию революционных батальонов Народно-социалистической гвардии в районе дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе», высланную Ставкой войскам телеграммой Н. В. Крыленко № 8945 от 30 декабря 1917 г. Однако следует указать, что инструкция Управления Северного фронта выгодно отличается от инструкции Ставки тем, что в ней конкретизированы некоторые важные вопросы (ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 11).

¹¹³ ЦГАСА, ф. 1–3/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

¹¹⁴ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 61. Инструкцией пользовались до 2 февраля 1918 г., пока Всероссийская коллегия по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии не опубликовала новую инструкцию («Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 2 февраля 1918 г.).

Ввиду важности этого документа приведем основные пункты¹¹⁵:

1. Постоянная армия служила материальным орудием классового могущества буржуазии и строилась на принципе насильственного порабощения людей, скованных одной мертвой дисциплиной палки.

Правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа, защищающего те формы социалистического и политического строя общества, которые единственно обеспечивают полноту власти Советов – полновластие народов.

Факт господства буржуазии в государствах Западной Европы и еще не ликвидированной войны заставляет, однако, Советскую власть быть готовой в любой момент вооруженной рукой отстаивать принципы возведенного русской революцией демократического мира.

Исходя из этих соображений, немедленно приступить к организации корпусов социалистической армии на следующих основаниях: Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из:

а) солдат действующей армии, б) запасных частей и в) всех добровольцев, желающих вступить в ряды ее, для защиты завоеваний революции, борьбы за демократический мир и торжество социализма.

Красная народная Армия формируется исключительно на добровольческих началах, причем доступ в ее ряды открыт для всех граждан без различия национальностей не моложе 18 лет.

2. Условия поступления и материальное положение. Кроме добровольно выраженного желания, для поступления в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии необходимы: при одиночном вступлении – рекомендация общественно-демократических организаций или по крайней мере двух членов таковых и при вступлении целыми частями – круговая порука всех и поименное голосование.

Каждый доброволец при вступлении в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию дает обязательство: а) пробыть в ее рядах не менее шести месяцев, б) подчиняться выборным организациям и выборному командному составу в полном сознании долга необходимости революционной дисциплины.

Солдаты РККА состоят на полном государственном довольствии и на расходы получают 25 руб. в месяц.

Примечание: газетами и брошюрами солдаты снабжаются за счет государства.

3. Семьи солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии получают натурой: квартиру с отоплением и освещением, одежду, обувь, хлеб, жиры, крупу, соль, приварок, сахар и чай по местным потребительным нормам, а где таковых нет – по местным нормам довольствия армии. В деревнях взамен имеющихся в натуре перечисленных видов довольствия выдаются металлические изделия, необходимые для хозяйства, мануфактура и обувь.

4. Семьи солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии пользуются бесплатной медико-санитарной помощью.

5. Семьи воинов, погибших или пострадавших, должны быть обеспечены специальным государственным страхованием.

Упомянувшееся нами приложение к этой инструкции без каких-либо изменений повторяло 3–5-й параграфы инструкции Управления Северного фронта.

После принятия инструкции Агитаторская коллегия рассмотрела проект декрета о назначении Всероссийской коллегии по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготовленный Наркомвоенном. Ввиду того, что этот проект намечал лишь контуры организации управления Красной Армии, коллегия выделила из числа своих членов

¹¹⁵ «Инструкция организаторам-агитаторам состояла из 14 параграфов. Автор не приводит здесь 6–14-й параграфы, так как в них сформулированы только практические указания агитаторам о том, как они должны развешивать работу на местах.

комиссию в составе Андреева, Григорьева, Литке, Микошо и Шешукова, которой поручалось детально разработать этот вопрос¹¹⁶. Кроме того, Агитаторская коллегия выделила из своего состава специальное бюро, которому поручалось вести всю дальнейшую разработку документов, связанных с организацией Красной Армии¹¹⁷. По согласованию с Наркомвоенно это бюро стало именоваться «Временным бюро по созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и действовало на правах временного отдела Наркомвоенно¹¹⁸. Просуществовав только с 8 по 18 января, Временное бюро успело детально разработать организационную структуру Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии, определило компетенцию ее отделов и подотделов, подготовило проекты декретов Совета Народных Комиссаров по организации Красной Армии и еще до их издания развернуло практическую работу по созданию вооруженных сил Советской республики¹¹⁹.

Условия, в которых создавалась Красная Армия, и добровольческий принцип ее комплектования выдвигали на первый план вопрос о развертывании массовой агитации и пропаганды идеи создания Красной Армии. С этой целью 10 января Временное бюро решило образовать Организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии с двумя подотделами: организационным и агитационным.

Организационный подотдел предполагалось составить из представителей Петроградского Совета, Главного штаба Красной гвардии Петрограда, Иногородного отдела ВЦИК и Агитационной коллегии, выделенной Общеармейским съездом по демобилизации.

Агитационный подотдел составить из представителей агитационных коллегий Петроградского Совета, ВЦИК, Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б), Петроградского комитета РСДРП (б), левых эсеров и одного представителя Временного бюро. Одновременно Временное бюро постановило разослать в Советы и солдатские комитеты циркуляры и инструкции по вопросам организации Красной Армии, выпустить воззвания и открыть запись на курсы агитаторов. Подотделам предлагалось немедленно связаться с Советами, штабами Красной гвардии и солдатскими комитетами, разослать агитаторов и развернуть работу по созданию Красной Армии¹²⁰.

12 января Временное бюро обратилось с просьбой в Наркомвоен созвать на III Всероссийском съезде Советов из числа фронтовых делегатов совещание по вопросу организации новой армии¹²¹. 13 января члены Временного бюро Григорьев, Иоргенбергер, Литке, Микошо и Никонов подготовили проекты декретов Совета Народных Комиссаров об организации Красной Армии и об учреждении Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. Ими же был разработан проект приказа Всероссийской коллегии о Временном главном штабе РККА¹²². В тот же день Временное бюро приняло эти проекты и

¹¹⁶ ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, л. 42.

¹¹⁹ Там же, д. 17.

¹²⁰ ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 43.

¹²¹ Там же, л. 56.

¹²² Там же, л. 58; ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 113

передало их Наркомвоену¹²³.

14 января под председательством Н. В. Крыленко открылось первое заседание фронтовых делегатов, прибывших на III Всероссийский съезд Советов¹²⁴. На этом заседании с докладом о создании Красной Армии выступил Н. И. Подвойский. Докладчик указал, что «основой армии должен быть рабочий класс и ядром – Красная гвардия, куда вливаются массы беднейшего крестьянства и вообще трудящихся, не эксплуатирующих чужого труда»¹²⁵. Н. И. Подвойский говорил, что, обсуждая вопрос об организации Красной Армии, Советское правительство рассчитывает, что «для создания ядра, из которого будет черпаться запас для отсылки на фронт в оставшийся там скелет армии», можно будет использовать безработных рабочих Петрограда и Москвы. Н. И. Подвойский предложил главные усилия в строительстве Красной Армии направить на формирование ее частей в тылу, т. е. передвинуть центр тяжести этой работы из действующей армии в среду трудящихся города в деревни. Выдвигая это предложение, Н. И. Подвойский учитывал как общее настроение старой армии, так и первые итоги записи добровольцев в ряды социалистической армии на фронте. Общее настроение солдатской массы не сулило успеха делу создания новой армии на фронте. Оттуда приходили сводки одна тревожнее другой. 5 января штаб Северного фронта телеграфировал Ставке, что случаи ухода с позиций целых частей и одиночных солдат стали обычным явлением. «Дезертирство, – говорилось в сообщении штаба фронта, – растет и принимает все большие и большие размеры»¹²⁶. Из 3-й армии Западного фронта сообщали, что солдаты не желают заступать на позицию, «считают войну законченной, ожидают прихода на смену Красной гвардии. Дезертирство растет, и скоро на позиции останутся одни штабы и остатки имущества»¹²⁷. Солдаты, устав от ужасов войны, были не в силах оставаться больше в окопах и неудержимо рвались домой.

Ясно, что при таких настроениях солдат трудно было ждать хороших итогов записи добровольцев на фронте. Так оно и было в действительности. На Северном фронте, где предполагалось предварительную запись добровольцев окончить к 15 января, к этой дате в Красную Армию записалось лишь около 7500 человек¹²⁸. Не лучше было положение и на других фронтах. Из штаба Западного фронта сообщали, что новые формирования до сего времени не дали осязательных результатов¹²⁹.

Н. И. Подвойский имел серьезные основания для того, чтобы предложить все усилия в строительстве Красной Армии сосредоточить в тылу. Однако Н. В. Крыленко не согласился с Н. И. Подвойским и продолжал настаивать на развертывании формирования Красной Армии на фронте. Но совещание отвергло предложение Н. В. Крыленко и поддержало Н. И. Подвойского¹³⁰.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 1.

¹²⁵ Ввиду того, что протокол заседания не раскрывает основное содержание доклада Н. И. Подвойского, мы используем сведения об этом докладе, опубликованные в его статье «От Красной гвардии к Красной Армии» («Историк-марксист», 1938, кн. 1, стр. 28).

¹²⁶ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 56.

¹²⁷ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 236–237.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. 2031, оп. II, д. 215, л. 104–105; оп. 2, д. 401, л. 124, 138–140.

¹²⁹ ЦГАСА, ф. 3, т. 1, д. 16, л. 236–237.

¹³⁰ Н. И. Подвойский. От Красной гвардии к Красной Армии. – «Историк-марксист», 1938, кн. 1, стр. 23; он

Приняв предложение Н. И. Подвойского, совещание обсудило вопрос о создании Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Выступая с докладом о создании Красной Армии, Н. И. Подвойский указал на то, что Совет Народных Комиссаров организовал коллегию из четырех членов для организации Красной Армии¹³¹. Совещание приняло также проект декрета Совета Народных Комиссаров о создании Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА, подготовленный Временным бюро.

15 января состоялось второе заседание фронтовых делегатов. На этот раз в центре их внимания был проект декрета Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, выработанный Временным бюро¹³². С докладом выступил заместитель наркома по военным делам Э. М. Склянский. Совещание единогласно утвердило проект.

В тот же день Наркомвоен внес проекты обоих декретов в Совет Народных Комиссаров для утверждения их Советским правительством. Придавая огромное значение законодательному оформлению создания Красной Армии, В. И. Ленин немедленно включил их в повестку дня проходившего в это время заседания Совета Народных Комиссаров¹³³. Но в ходе обсуждения проекта декрета об организации Красной Армии выяснилось, что этот проект нуждается в серьезном редактировании.

В проекте недостаточно ясно определялись классовая природа и назначение армии буржуазного государства, неполно формулировалась цель создания Красной Армии, не раскрывался ее классовый характер и сужалась база, на которой должна была строиться армия Советского государства. Составители проекта не учли экономических трудностей, переживаемых страной, и дали невыполнимые обещания солдатам Красной Армии в отношении материального обеспечения членов их семей. Естественно, что Совет Народных Комиссаров мог принять этот проект лишь с серьезными поправками. Вспоминая об этом заседании Совета Народных Комиссаров, В. П. Затонский писал, что за редактирование проекта декрета взялся В. И. Ленин. «Он заявил, что не закроет собрания, пока этот декрет не будет принят, вооружился пером и начал тут же выправлять декрет, вычеркивать целые параграфы, изменяя редакцию, внося существенные изменения»¹³⁴.

После того как проект декрета был отредактирован В. И. Лениным, он был единогласно принят Советом Народных Комиссаров¹³⁵. Одновременно Совет Народных Комиссаров принял декрет о создании Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии¹³⁶.

Принятием этих декретов завершился начальный и самый трудный период мучительных поисков форм организации вооруженных сил Советского государства.

же. Ленин и организация Красной Армии, стр. 9.

¹³¹ На этом заседании впервые упомянуто о создании этой коллегии. Создание Всероссийской коллегии следует отнести не к 19 декабря 1917 г., как это утверждал Н. И. Подвойский, а к 9–14 января 1918 г. (подробно по этому вопросу см.: «История СССР», 1962, № 2, стр. 105.

¹³² ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 2.

¹³³ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 23 февраля 1928 г.

¹³⁴ В. П. Затонский. На заре Красной армии, – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 1. М., 1928, стр. 41.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ В дальнейшем эта организация будет именоваться «Всероссийская коллегия».

Боевое крещение Красной Армии

Красная Армия была в стадии становления, когда на долю Советской республики выпало тяжелейшее испытание. 27 января делегации держав Четверного союза в Брест-Литовске предъявили условия, на которых они соглашались заключить мирный договор с Советской республикой. Они потребовали аннексии Польши, Литвы и значительной части Белоруссии, Латвии и Эстонии. По существу Советскому правительству был предъявлен ультиматум: или удовлетворение территориальных притязаний – тогда мир, или отклонение этих требований – тогда война.

Предъявляя ультиматум, германское правительство и его военное командование были хорошо осведомлены о военно-экономическом и внешнеполитическом положении Советской республики. Они считали, что если ультиматум будет отвергнут и можно будет продолжать войну, так как Советская республика, утратившая обороноспособность, окажется в критическом положении и вряд ли сумеет воевать, тогда Германия и ее союзники получат богатейшую военную добычу.

Военное положение Советской республики к концу января 1918 г. было действительно трудным. Перед лицом такого грозного врага, как державы Четверного союза, она была беззащитна. Красная Армия только создавалась, а старая русская армия доживала последние дни. Боевой состав фронтов продолжал катастрофически падать. Для примера возьмем Северный фронт, прикрывавший столицу Советской республики Петроград. Если к 1 ноября 1917 г. в строевых частях этого фронта имелось 356 995 человек, то к 12 января 1918 г. стало лишь 154 573 человека^[137]. Не лучше обстояло дело и на других фронтах^[138]. Дезертирство изо дня в день увеличивалось. По неполным подсчетам штаба Северного фронта, в начале января 1918 г. в неделю из каждого корпуса дезертировало до 500 солдат^[139]. По мере того, как переговоры в Брест-Литовске затягивались, дезертирство росло и приняло колоссальные размеры. Штаб Западного фронта в конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. в ряде телеграмм в Ставку доносил: «...боевого фронта фактически не существует, солдаты массами уходят самовольно в тыл, и в случае наступления немцев нет никакой надежды задержать германские войска ни на рубеже бывших позиций первой полосы, ни на каких бы то ни было позициях в тылу»^[140]. В середине января 1918 г. из штаба Западного фронта в Ставку стали поступать сведения о полном развале обороны. В донесении от 15 января сообщалось, что в 15-м армейском корпусе 3-й армии в результате массового дезертирства оголились позиции: «...15-верстный участок от Петруши до Лесные-Муляры занят тремя ротами до 35–40 штыков в каждой; участок от Лесные-Муляры до Авласы никем не занят; окопы на перешейке озер Мядель и Нарочь никем не заняты, хотя официально там считается восемь рот, но они находятся в тылу»^[141]. В 3-м армейском корпусе 10-й армии пехота и артиллерия 5-й и 27-й пехотных дивизий оставили позиции и ушли в тыл. Дезертировавшие солдаты часть вооружения бросили на дорогах. Готовились уйти в тыл солдаты 73-й пехотной дивизии^[142]. 516-й полк 2-й армии ушел на станцию Люсино и потребовал отправки в Екатеринбург^[143]. В донесении от 17 января из штаба этого же фронта поступило сообщение о том, что в 35-м армейском корпусе 3-й армии три роты были посланы на вокзал для несения службы, но все солдаты дезертировали и разъехались по домам^[144].

Из 5-й армии Северного фронта 15 января телеграфировали в Ставку, что «армия абсолютно небоеспособна»^[145]. Из 12-й армии того же фронта 16 января сообщили, что о прочности какого-либо участка фронта говорить нельзя, «все решительно части совершенно небоеспособны»^[146]. Из 1-й армии Северного фронта 17 января сообщили, что состояние армии не позволяет рассчитывать на удержание важнейших участков позиции^[147]. О том, что боеспособность армии катастрофически падает, сообщали и другие фронты.

Ослабляло обороноспособность фронта не только массовое дезертирство, но и полное разрушение оборонительных позиций. Из штаба Западного фронта 17 января донесли, что в 3-й армии «...первой укрепленной полосы не существует: окопы занесены снегом, фортификационные сооружения разбираются солдатами и местными жителями на топливо, колья проволочных заграждений вытаскиваются на топливо, позиционные дороги занесены и запущены, имеются лишь протоптанные тропинки от жилых землянок к кухням и к немецким

лавкам». Относительно позиции 2-й армии сообщалось: «обороноспособность первой полосы равна нулю, так как окопы разрушены и занесены снегом... Люди живут в полуразрушенных землянках и не желают их чинить, мечтая о скором возвращении домой»^[148]. О состоянии обороны Северного фронта дает яркое представление телеграмма в Ставку из штаба 12-й армии от 16 января 1918 г.: «...Работы по укреплению позиций, притом крайне слабые, велись лишь по октябрь. В ноябре они совершенно прекратились и теперь не только не улучшаются, но даже и не поддерживаются. В 136-й дивизии наблюдалось даже обратное явление, именно – порча окопов, обшивки и т. д. Поддерживают лишь жилые блиндажи и то лишь в мере крайней к тому необходимости... От снега позиции совершенно не очищаются и им совершенно занесены как окопы и ходы сообщения, так и все проволочные заграждения и наблюдательные пункты. Таким образом, имевшаяся позиция в настоящее время не имеет никакого боевого значения, можно определенно сказать, ее не существует... Говорить что-либо о прочности обеспечения какого-либо участка совершенно не приходится, все решительно части совершенно небоеспособны, драться не хотят и к маневрированию небоеспособны, никакие резервы, никакие группировки пользы принести здесь не могут. Все это будет грозно выглядеть лишь на карте, на самом же деле по причинам материального и морального состояния частей будет совершенно бесполезно... Таким образом, надеяться на удержание в случае наступления противника какого-либо участка занимаемого расположения совершенно нельзя. Можно определенно сказать, что при первом же выстреле все побежит назад, оставив трофеями противнику всю материальную часть. Самое большое, на что можно надеяться, это на доблесть отдельных бойцов и кучек, которые никакого, конечно, влияния на ход боя иметь не будут»^[149].

О катастрофическом состоянии русского фронта германское командование было хорошо осведомлено. Оно решило не упустить возможности реализовать свой план вторжения в пределы нашей страны. Уже 5 января в ходе мирных переговоров верховное командование германской армии приказало главнокомандующему Восточным фронтом готовить наступление против России. Для этой цели была разработана наступательная операция, получившая условное название «Фаустшлаг» («Удар кулаком»). Основные силы противника, согласно этому плану, сосредоточивались на трех направлениях: петроградском, центральном (в Белоруссии) и южном (на Украине)^[150]. Еще до срыва брестских переговоров в Ставку поступали сведения о деятельной подготовке германских войск к наступлению. 15 января в Ставку и Наркомвоен поступила телеграмма из штаба Западного фронта, в которой говорилось, что «данными случайного войскового наблюдения, так как организованная разведка отсутствует, в последнее время устанавливается, что противник производит интенсивные работы по расчистке окопов, местами обнаружено усиление частей в передовой линии, усиленные занятия в тылу... Все это указывает на то, что противник принимает меры для обеспечения возможности быстрого наступления в случае разрыва мирных переговоров»^[151]. 26 января, накануне вручения ультиматума делегациями держав Четверного союза, около 13 час. в штаб Западного фронта поступило донесение от главы группы военных консультантов советской мирной делегации бывшего генерала А. А. Самойло, в котором он предупреждал о вероятности германского наступления в случае разрыва мирных переговоров. Это донесение в тот же день было отправлено с фельдъегерем в Ставку^[152]. В этих условиях советская делегация в Брест-Литовске должна была проявить максимум выдержки, терпения и бдительности. Однако, имея точные директивы Советского правительства: держаться до ультиматума немцев, а после предъявления ультиматума принять его^[153], Троцкий не выполнил этих директив. 28 января от имени Советского правительства он заявил, что мирный договор на германских условиях не подпишет, что Советское правительство считает войну прекращенной и армию демобилизует. В этот же день советская мирная делегация, за исключением группы военных консультантов во главе с А. А. Самойло, выехала в Петроград. Мирные переговоры были сорваны. Такое поведение Троцкого развязало руки германским империалистам. Но газеты очень скупо сообщили о случившемся. «Правда» в передовой статье подвела итоги переговоров и в заключение заявила, что германские империалисты, возможно, сделают попытку разгромить остатки русской армии, но в то же время высказывалась мысль, что такая возможность маловероятна^[154].

Несмотря на срыв переговоров, Наркомвоен, Ставка и главнокомандующие армиями фронтов не верили в возможность германского вторжения. 30 января в газетах был опубликован приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. Сообщив о заявлении Троцкого,

Н. В. Крыленко писал: «...В связи с этим предписываю немедленно принять все меры к объявлению войскам, что война с Германией, Австрией, Турцией, Болгарией с этого момента считается прекращенной. Никакие военные действия иметь места не могут. Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всем фронте. Штабам фронтов и армий предписывается принять меры к уходу войск с передовой линии и сосредоточению их в линии резервов для дальнейшей отправки, согласно общему демобилизационному плану перевозок, в глубь России...»^[155]

На основе приказа Верховного главнокомандующего командование 12-й армии издало директиву об отводе войск в тыл, а для охраны пограничной линии намечалось сформировать отряды из солдат-добровольцев Красной Армии из расчета по 4 человека на версту побережья и по 12 человек на версту сухопутной линии. В директиве указывалось, что в случае, если германские войска начнут военные действия и поведут наступление, охраняющим частям боя не принимать и на атакованном участке отходить, держа связь с соседями и своевременно сообщая в тыл^[156].

Над Советской республикой сгущались тучи. Военная гроза была готова разразиться каждую минуту.

16 февраля^[157] в 19 час. 30 мин. генерал Гофман официально заявил А. А. Самойло, что 18 февраля в 12 час. кончается перемирие и возобновляется состояние войны. А. А. Самойло немедленно телеграфно доложил Советскому правительству о заявлении Гофмана. Телеграмма с этим сообщением была получена в Петрограде 17 февраля в 1 час. 05 мин.^[158] Германия попраля элементарные обязательства. Согласно условиям перемирия, каждая из сторон обязывалась в случае прекращения перемирия предупредить другую сторону за семь дней. Германия предупредила Советскую республику за два дня. Но германские империалисты пошли в своем вероломстве дальше. Они начали боевые действия на один день раньше названного ими самими срока. 17 февраля из штаба 10-й армии Западного фронта поступило сообщение, что германские войска перешли в наступление и заняли деревни Саковщина и Бартениха, а в районе местечка Воложин, станции Полочаны и блокпоста 654-й версты появились германские разведчики^[159]. Положение становилось критическим. Н. В. Крыленко был вынужден обратиться с запросом к Советскому правительству: оказывать сопротивление наступающему противнику или нет. Для обсуждения создавшегося положения 17 февраля вечером состоялось срочное заседание Центрального Комитета РСДРП (б). На нем было решено оказывать врагу всяческое сопротивление^[160].

18 февраля в 12 час. началось общее наступление войск держав Четверного союза. Враг бросил в наступление 70 пехотных и три кавалерийские дивизии^[161]. Наступление развернулось на огромном фронте от Ревеля до Галаца. Прорывом у Двинска и переходом через Западную Двину германцы начали стремительный натиск. В этот день остатки старой армии, выполняя приказ Н. В. Крыленко от 30 января, не принимая боя, начали отход в глубь страны. Местами этот отход вылился в панику и повальное бегство, сопровождавшееся массовым дезертирством. Из штабов армий в Ставку поступали сводки одна тревожнее другой. Штаб 3-й армии сообщил, что солдаты 6-й пехотной дивизии постановили отойти в район Глубокое, ст. Парафиново и демобилизоваться^[162]. Из 12-й армии донесли, что «часть людей без памяти бежит в Лембург»^[163]. Из 10-й армии поступили сведения, что «среди войск, занимающих позицию, началась паника»^[164]. Штаб 1-й армии докладывал, что солдаты 2-го Выборгского полка Выборгской бригады 28-го корпуса, разобрав продовольственный склад и бросив вооружение, боеприпасы и обмундирование, разбежались^[165].

Видя в германском нашествии реальную угрозу Советской власти, Совет Народных Комиссаров в ночь на 19 февраля послал в Берлин радиограмму с протестом против вероломного наступления и о согласии подписать мирный договор на тех условиях, которые делегации держав Четверного союза выдвинули в своем ультиматуме 27 января^[166].

Казалось, германское правительство и военное командование достигли того, чего они добивались своим ультиматумом, и немедленно ответят Советскому правительству согласием перейти от языка пушек к языку дипломатии. Но день 19 февраля не принес улучшения в обстановке. Напротив, положение ухудшалось с каждым часом. Натиск противника не ослабевал. Враг, продолжая быстро двигаться вперед, 19 февраля захватил ряд крупных городов и железнодорожных узлов, в том числе Минск, Луцк и Ровно.

Выполняя указания ЦК РСДРП (б) и СНК, Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко отдал приказ войскам, находившимся на фронте, «оказывать сопротивление разбойничьему набегу войск держав Четверного союза и в случае необходимости очищать ту или иную позицию и уничтожать все имущество, которое нельзя вывезти»^[167]. Но остановить старую армию было уже невозможно. Она панически бежала, увлекая за собой и красноармейские отряды^[168]. Это отмечали многочисленные сводки, поступающие из армии. Так, из 12-й армии 20 февраля сообщили, что части армии беспорядочно отходят, наблюдается массовое дезертирство: два полка 109-й дивизии и два полка 3-й особой дивизии 43-го корпуса совершенно «растаяли», на фронте остались лишь одни штабы. В 38-м и 37-м полках 10-й Туркестанской дивизии все солдаты сроков службы до 1916 г. включительно разошлись по домам^[169]. Из 1-й армии 20 февраля докладывали, что части армии продолжают отходить. «60-я дивизия самочинно расплылась». Полки Выборгской бригады 28-го корпуса с вечера рассеялись^[170].

Фронт на всем протяжении от Петрограда до границы с Украиной включительно был обнажен^[171]. Лишь отдельные красноармейские отряды, носившие характер партизанских формирований, с большим или меньшим успехом сдерживали противника. На рижско-псковском направлении 19 и 20 февраля самоотверженно сдерживал натиск врага 2-й красноармейский полк, в районе Цесис сопротивление оказывали отдельные отряды, г. Валк защищал отряд, сформированный из красноармейцев и солдат старой армии и т. д.^[172] Создавалось угрожающее положение. Советское правительство уже третий день терпеливо ждало ответа германского правительства на свою радиogramму, посланную в ночь на 19 февраля. Оно надеялось, что германское правительство и военное командование проявят благоразумие и прекратят наступление, а поэтому других каких-либо шагов к организации обороны, кроме приказа Н. В. Крыленко войскам об оказании сопротивления врагу, принято не было. Больше того, Советское правительство не считало еще необходимым принять меры, чтобы приостановить демобилизацию солдат 1910–1912 гг. призыва^[173]. Все большевистские газеты в течение первых трех суток наступления врага весьма скупо освещали ход событий и не призывали население к отпору врагу. Первые известия о нашествии войск германского империализма были опубликованы лишь 19 февраля^[174]. В этот день «Правда» в передовой статье «Разбойничий поход» сдержанно сообщала, что германские империалисты подло и бесчестно нарушили условия перемирия и, продиктовав свою волю австрийским подручным, начали поход против страны Советов. Раскрывая цели этого похода, «Правда» писала: «Разделаться с революцией – вот основная задача германского империализма и его вассалов».

20 февраля газеты также вышли без особых призывов к населению. В «Правде» в этот день был опубликован лишь текст радиogramмы Совета Народных Комиссаров германскому правительству, посланной в ночь на 19 февраля.

Советское правительство проявило величайшую выдержку, оно ждало ответа германского правительства и, видимо, считало, что еще не время бить в набат и поднимать народ на отпор врагу.

Но вот истекал и день 20 февраля, а ответа от германского правительства все еще не было. Напряжение достигло апогея. Ждать больше было нельзя. Нужно было немедленно и быстро организовать оборону. Промедление могло привести к гибели Советской власти. Враг неудержимо рвался вперед. Он уже выходил на линию Ревель – Псков и создавал тем самым реальную угрозу Петрограду. Германские войска, форсировав Березину, стремительно двигались к Орше. К этому времени на центральном направлении были захвачены Полоцк и ряд других городов и населенных пунктов. Враг подходил к «Смоленским воротам» (междуречье Днепра и Западной Двины), захват которых открывал кратчайший путь к Москве. Германские войска стремительно двигались к жизненным центрам страны. Смертельная опасность нависла над Советской республикой.

Поздно ночью 20 февраля Совет Народных Комиссаров собрался для решения вопроса о мобилизации сил на отпор врагу. Учитывая, что до сих пор Советское правительство еще не информировало трудящихся о создавшейся обстановке, Совет Народных Комиссаров принял обращение «К трудящемуся населению всей России». Заявив о своей готовности заключить даже самый тяжелый мир, Советское правительство в то же время предупредило рабочих, крестьян и солдат, чтобы они были готовы к отпору германскому империализму, который может не остановиться ни перед чем «...в своем стремлении сломить Советскую власть, отнять землю у

крестьян, восстановить власть помещиков, банкиров и монархии». Совет Народных Комиссаров призвал все Советы, армейские организации, рабочих и крестьян приложить все силы к упорядочению транспорта и улучшению продовольственного дела, к установлению в армии и в стране строжайшей дисциплины. Этот волнующий документ заканчивался призывом: «Рабочие, крестьяне, солдаты! Пусть знают наши враги, извне и внутри, что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови»^[175]. Так был сделан первый шаг к организации решительного отпора врагу. Утром 21 февраля все могли прочитать это обращение в большевистских газетах.

В тот же день Совет Народных Комиссаров принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!» Этот декрет был написан В. И. Лениным^[176]. Декрет требовал все силы и средства страны направить на революционную борьбу. Всем Советам и революционным организациям вменялось в обязанность обеспечить защиту каждой позиции до последней капли крови. Строжайше требовалось при отступлении, при вынужденном отходе уничтожать железнодорожные пути и сооружения, а весь подвижной состав – вагоны и паровозы – направлять в глубь страны. Под личную ответственность председателей Советов предписывалось уничтожать хлеб, все продовольственные продукты, а также все ценное имущество, которым грозила опасность попасть в руки врага. Совет Народных Комиссаров потребовал, чтобы рабочие и крестьяне в полосе фронта мобилизовали батальоны для рытья окопов и в эти батальоны включили всех работоспособных мужчин и женщин из лагеря буржуазии, тех же, кто окажет сопротивление, расстреливать. Агентов врага, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов расстреливать на месте. Вся печать, противодействующая делу революционной обороны, подлежала закрытию.

Руководствуясь ленинским декретом «Социалистическое отечество в опасности», Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко 21 февраля подписал приказ, в котором объявлял революционную мобилизацию^[177].

В этот же день Наркомвоен издал приказ об учреждении Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, которому поручалось привести Петроград в осадное положение. В состав штаба вошли В. Д. Бонч-Бруевич, В. Н. Васильевский, К. С. Еремеев, М. М. Лашевич, К. А. Мехоношин и И. Ю. Юренев^[178]. Петроградский Совет создал Комитет революционной обороны Петрограда^[179].

21 февраля стало также известно, что враг, продолжая упорно рваться вперед, занял на северо-западе важный населенный пункт и узел железных дорог г. Режицу, тем самым он выходил на псковское направление, а на западе, на центральном направлении, занял Оршу – важный пункт в преддверии «Смоленских ворот». Тем самым создавалась реальная угроза Смоленску. За четыре дня наступления (с 18 по 21 февраля) враг на отдельных участках фронта продвинулся в глубь нашей страны на 300 км и больше. К угрозе с северо-запада и запада прибавилась новая угроза – с юго-запада, возникшая в результате предательства Центральной Рады, которая обратилась к Германии с просьбой «защитить ее от угрозы, идущей с севера от большевиков»^[180].

Утром 22 февраля «Правда» и другие большевистские газеты вышли с тревожными вестями. На их страницах были опубликованы декрет Советского правительства «Социалистическое отечество в опасности», приказ Верховного главнокомандующего о революционной мобилизации, приказ Наркомвоена об образовании Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, приказ этого штаба об объявлении Петрограда на осадном положении. Газеты писали, что отныне Советская страна вступает в смертельную схватку с германским империализмом.

«Рабочие и солдаты! – звала «Правда». – Разбойному набегу немецких белогвардейцев двинем навстречу революционные отряды Рабочей и Крестьянской Красной Армии!

Рабочие Петрограда, солдаты! Передовые борцы! Поднимайтесь на защиту революционной столицы, Красной крепости мировой революции.

К оружию!»^[181]

Но германские войска продолжали наступление. 22 февраля они заняли на петроградском направлении Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль, тем самым выходили на подступы к Гевелю и Нарве, южнее ими был захвачен Псков^[182]. Казалось, все сулило успех германскому плану «Фаустшлаг». Но уже зрели силы могучего отпора врагу.

Продолжая осуществлять мероприятия, направленные к быстрейшей организации отпора врагу, большевистская партия и Советское правительство прежде всего занялись организацией оперативного управления войсками. С ликвидацией Ставки^[183] руководство остатками отступавших войск легло на отдельные штабы: на северо-западе и западе – на штабы старых Северного и Западного фронтов, на юго-западе – на действовавший там Революционный штаб, а в пределах Украины – на штаб советских войск юга России во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко^[184]. Деятельность этих штабов никто не объединял.

При создавшейся обстановке отсутствие централизованного руководства войсками могло катастрофически сказаться на дальнейшей обороне страны. Нужно было срочно создать такой центр, который мог бы объединить оперативное руководство войсками и обороной. С этой целью 22 февраля Комитет революционной обороны Петрограда был расширен до 30 человек. В его состав вошли представители ВЦИК, Наркомвоена, Петроградского Комитета большевиков и левых эсеров. Здесь были Я. М. Свердлов, М. М. Володарский, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, В. Д. Бонч-Бруевич, К. С. Еремеев и др. Председательствовал на заседаниях комитета Я. М. Свердлов, секретарем комитета был С. И. Гусев. Всю деятельность комитета направлял В. И. Ленин. Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа как самостоятельный орган перестал существовать, его состав был влит в Комитет революционной обороны Петрограда, который с этого дня фактически стал всероссийским органом по руководству обороной страны^[185]. 25 февраля из состава комитета было выделено бюро в составе Я. М. Свердлова, К. С. Еремеева, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношина, Н. И. Подвойского, М. С. Урицкого, двух представителей левых эсеров (М. А. Спиридоновой и Я. М. Фишмана), бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича и бывшего поручика В. М. Смирнова^[186].

22 февраля была приостановлена демобилизация солдат^[187]. Исполком Петроградского Совета принял решение: объявить субботу 23 февраля «Днем защиты социалистического отечества»^[188].

Германскому правительству стало ясно, что дальнейшее продвижение немецких войск в глубь России будет сопряжено не только с большими потерями, но и, главное, с затягиванием войны. А это не входило в планы германского правительства, так как ему нужно было подготовиться к отражению весеннего наступления войск Антанты на Западном фронте. Чтобы развязать себе руки для борьбы с Антантой, германское правительство было вынуждено покончить с войной на востоке и заключить мир с Советской республикой. 22 февраля в Уцянах (район Двинска) германское правительство передало советскому парламентарю свой ответ на радиogramму Совета Народных Комиссаров, посланную в ночь на 19 февраля. Ответ содержал новые условия, на которых германское правительство соглашалось заключить мирный договор. Условия эти были значительно тяжелее, чем те, что содержались в ультиматуме от 27 января. Германия потребовала аннексии Польши, Литвы и части Белоруссии, вывода советских войск из Эстонии, Латвии и Финляндии, аннексии Турцией Карса, Ардагана и Батума, а также признания власти Украинской Центральной Рады и заключения мира с ней. Советской республике предлагалось уплатить денежную контрибуцию в 6 млрд. марок.

Германский ответ был получен Советом Народных Комиссаров лишь утром 23 февраля^[189]. В этот день во всех районах Петрограда огромный поток рабочих, солдат и матросов с утра двинулся на сборные пункты, где должны были проводиться митинги. Ораторами на этих митингах были видные работники большевистской партии: М. М. Володарский, А. В. Луначарский, А. И. Окулов и др.^[190] Во всех 15 пунктах города, где проводились митинги, – в Народном Доме, в театре «Фурштадт», в кинотеатре «Уран», на крупнейших заводах и в казармах – также была организована запись добровольцев в Красную Армию. Весь день 23 февраля в столице царил патриотический подъем. Но вот в ночь на 24 февраля были получены сведения о падении Пскова^[191]. Над Петроградом нависла смертельная угроза. На защиту колыбели социалистической революции, на защиту Советской республики поднялась многотысячная армия питерских рабочих. Комиссар отдела формирования Всероссийской коллегии В. И. Иванов вспоминает: «Это было 23 февраля 1918 г. День прошел сравнительно спокойно. Еще чувствовалась некоторая нервность в советских и военных учреждениях северной столицы. Приходили тревожные вести с немецкого фронта, но никто точного положения не знал. И лишь в ночь, с получением сведений о падении Пскова, питерский пролетариат заволновался. На всех фабриках и заводах, в паровозных депо, на военных судах – в порту раздаются

бесперывные тревожные гудки. Возмущенные рабочие толпятся у своих фабрик и друг другу передают: «Владимир Ильич поехал по фабрикам», видимо, революции грозит опасность. Оживление необычайное! Выносятся резолюции – умереть, но не отдавать колыбели великой революции. Рабочие спешно вооружаются, строятся боевые отряды. В 4 часа утра 24 февраля ко мне в номер гостиницы «Франция» поспешно вбежал Н. И. Подвойский и заявил: «собирайся немедленно на фронт». Тут же на листке блокнота написал предписание выехать всей коллегии отдела формирования, председателем которой я был, на Псковский фронт для формирования штаба»^[192].

С воспоминаниями В. И. Иванова перекликаются воспоминания другого члена Всероссийской коллегии, Ф. П. Никонова, который пишет, что в Петрограде в ночь на 24 февраля по тревожным гудкам заводов было мобилизовано около 35 тыс. рабочих, солдат и моряков, спешно брошенных навстречу врагу^[193]. Командование псковских отрядов, подводя итоги боев с германскими войсками под Псковом, в своем приказе писало: «В ночь с 23 на 24 февраля тревожные гудки Петроградских заводов призывали к оружию всех сознательных граждан, всех идейных борцов за Советскую республику, всех защитников завоеваний революции. По зову Советской власти к вокзалам начали стекаться отряды войск, твердо решивших своей грудью прикрывать столицу»^[194].

В эти часы, когда над Петроградом тревожно ревели заводские и фабричные гудки, в Смольном в ночь с 23 на 24 февраля собрались члены ВЦИК, чтобы обсудить вопрос о новых германских условиях мира.

В. И. Ленин, выступивший на этом заседании с докладом, доказывал необходимость принятия новых условий мира^[195]. 116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся, заседание решило принять германские условия. Решение ВЦИК было тотчас же передано Советом Народных Комиссаров в Берлин, и утром 24 февраля оно было получено германским правительством. Вечером 24 февраля в Брест-Литовск выехала советская мирная делегация^[196].

В тот же день Н. В. Крыленко послал германскому командованию следующее заявление: «Полагая, что с момента заявления Совета Народных Комиссаров согласия принять предложенные германским правительством условия заключения мира отпадает всякий повод к продолжению военных действий. Настоящим прошу ответить, полагает ли также германское верховное командование, что с момента получения германским правительством указанного ответа Совета Народных Комиссаров тем самым устанавливается перемирие на тех же условиях, что и до последовавшего 18 февраля возобновления военных действий со стороны германского командования»^[197].

Заявление Н. В. Крыленко было получено германской ставкой 24 февраля в 13 час. 35 мин., но ответа на него не последовало^[198]. Видимо, германское правительство не желало нового перемирия, и его войска продолжали наступать.

Но германская военщина не увидела того, что буквально в течение нескольких дней в настроении масс произошел перелом, что Россия 24 февраля уже не была похожа на Россию 22 февраля. Уже 23 февраля массы стали подниматься на защиту Советской страны.

Трудящиеся прифронтового района и центра страны дружно поднялись на борьбу с врагом. Пример высокого советского патриотизма показали рабочие Петрограда. В городе не было рабочего коллектива, который бы не откликнулся на призыв Советского правительства защитить Советскую Родину. Рабочие соединенных кабельных заводов дали Красной Армии отряд в 500 добровольцев, завод «Вулкан» сформировал два отряда – в 450 и 100 человек, завод «Рессора» дал до 200 добровольцев, Франко-Русский завод – 150, Фарфоровый завод – 100 добровольцев. Красноармейские отряды были созданы рабочими и других заводов. Всего в Петрограде к 1 марта записалось в Красную Армию до 22 тыс. рабочих-добровольцев^[199].

Создавая отряды Красной Армии, коллективы рабочих Петрограда и Петроградского района одновременно принимали решения о поголовном выступлении на фронт для защиты революции. Такие решения были приняты рабочими заводов: Айваз, Александровского, Крейтона, Лангезипена, быв. Лесснер, Невского судостроительного, Нового арсенала, «Промот», Редькина, Сестрорецкого оружейного, фабрики «Скорород», вагонных мастерских и многих других^[200]. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов сообщил 26 февраля газете «Известия»: «...формируем и отправляем отряды Красной Армии. Подъем в рабочих районах большой. Один

Сестрорецкий завод отправил сегодня 1000 ч., завтра отправляем еще 2-й отряд. Идут записываться целые заводы, мужчины и женщины от 18 до 50 лет»^[201].

Газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» 1 марта 1918 г., подводя итоги первых дней мобилизации рабочих, сообщала о том, что на многих фабриках и заводах рабочие встали под ружье в полном составе. Наплыв добровольцев в Красную Армию до того значителен, что не хватает оружия для их немедленного вооружения и перевозочных средств для их немедленной отправки навстречу германским войскам.

Для приема добровольцев в Красную Армию в Петрограде было создано более 14 сборных пунктов. Они были организованы в Московских, Преображенских, Финляндских, Дерябинских, Павловских и других казармах. Важным пунктом сбора добровольцев были Новочеркасские казармы, где шло формирование 1-го корпуса Красной Армии^[202]. Одним из центров сбора добровольцев был также Смольный.

Тревога за судьбу Родины охватила рабочих и Московского района. 25 февраля 4 тыс. рабочих и служащих завода быв. Гужон приняли решение немедленно приступить к организации отрядов Красной Армии^[203]. В этот же день рабочие Рождественского трамвайного парка на общем собрании приняли резолюцию: «Заслушав доклад о текущем моменте и видя, что нашей революции грозит смертельная опасность, заявляем – мы, рабочие, готовы в рядах Красной Армии защищать наши завоевания до последней капли крови»^[204].

27 февраля 1918 г. в печати сообщалось, что в Москве «запись в Красную Армию идет очень успешно. Есть много фабрик и заводов, где все рабочие записываются поголовно. Вообще настроение в рабочих кварталах очень приподнятое. Совет рабочих депутатов решил в случае, если мир не будет заключен, в полном составе отправиться на фронт». К концу февраля 1918 г. в Москве в ряды Красной Армии записалось до 20 тыс. человек. Лесом штыков встали на путях наступавших германских войск и города прифронтовой полосы. Только Нарва, Колпино и Царское Село к 26 февраля дали до 12 тыс. добровольцев^[205]. Смоленск к 28 февраля выставил 1000 добровольцев^[206]. Витебск к 25 февраля дал тоже до 1000 человек^[207]. Значительные силы добровольцев к 25 февраля дали Ямбург, Новоржев и другие прифронтовые города^[208].

Создавались и специальные коммунистические отряды. Так, студенческая организация при Петроградском комитете РСДРП (б) организовала студенческие коммунистические отряды Красной Армии. 28 февраля все большевики – студенты Университета им. Шанявского в Москве записались в Красную Армию^[209]. Районный комитет РСДРП (б) Московского района Петрограда создал большевистский «отряд коммунаров»^[210]. МК РСДРП (б) в середине февраля принял постановление, обязавшее всех членов партии вступить в Красную Армию^[211].

Крестьянские массы прифронтовой полосы, почувствовав, какую серьезную угрозу представляло нашествие врага, начали организовывать боевые партизанские отряды для борьбы с германскими захватчиками. 27 февраля в Луге состоялся крестьянский съезд, на котором присутствовали представители 14 уездов. Собрание постановило: «немедленно приступить к созданию социалистической Красной Армии для защиты Советской власти от немецких юнкеров и русской буржуазии»^[212].

Крестьяне выносили решения, обязывавшие всех способных носить оружие вступать в Красную Армию, а уклоняющихся лишать земли и выселять из общества. В столицу направлялись крестьянские ходоки для получения инструкций, указаний и оружия^[213].

В Курской губернии к концу февраля в Красную Армию и партизанские отряды записалось до 40 тыс. человек^[214]. Крестьяне Ефросиньевской волости создали партизанский отряд, а крестьяне Вознесенской волости объявили поголовную мобилизацию мужчин от 18 до 50 лет. За оружием были направлены ходоки в Петроград, Невель и другие пункты^[215].

Солдаты старой армии не могли оставаться безучастными к тому народному движению в защиту социалистической Родины, которое возникло в Петрограде в ночь на 24 февраля 1918 г. Солдаты Нарвского гарнизона на собрании 24 февраля постановили: всем гарнизоном вступить в Красную Армию. Из солдат 179-го и 180-го пехотных полков, 285-го пехотного запасного полка и артиллерийской бригады 45-й дивизии был составлен сводный отряд Красной Армии^[216]. 28 февраля на митинге военнослужащих Петроградского гарнизона была принята резолюция, призывавшая солдат к отпору немцам^[217]. 10-й Финляндский полк, расквартированный в районе Петрограда, заявил о своей готовности отдать все силы на защиту Советской власти^[218]. В Ржевском уезде Кавказская и 84-я дивизии полностью перешли в Красную Армию. Вместе с

рабочими в Ржевском уезде насчитывалось более 15 тыс. красноармейцев^[219]. 3-й пехотный запасный полк в Гатчине к 26 февраля сформировал из добровольцев-солдат партизанский отряд в 175 бойцов, который выехал на фронт в район Пскова. Солдаты этого отряда обратились с призывом к другим полкам формировать такие же отряды для отпора наглому врагу^[220].

Весьма значительный вклад в оборону Советской республики внесли моряки. Они вступали целыми командами в ряды Красной Армии. Так, матросы миноносцев «Генерал Кондратенко», «Пограничник», «Сокол» и «Михаил» 25 февраля приняли следующую резолюцию: «Мы, матросы... в тяжелую минуту испытания революции считаем необходимым пойти на ее защиту, образовать сводный морской красный отряд и биться за социализм до последней капли крови»^[221]. Матросы тысячами вступали в Красную Армию.

Если до германского нашествия массы только раскачивались и с трудом шли в ряды Красной Армии, то в момент, когда над страной нависла смертельная опасность, народ отдавал своих лучших сынов в Красную Армию. Даже такой ярый недруг Советской республики, как лорд Черчилль, вынужден был признать: «С поразительной энергией создавалась Красная Армия для защиты революции в России»^[222].

Как отдельные ручейки, сливаясь, составляют могучую реку, так отдельные отряды рабочих, крестьян, солдат и матросов сливались в мощный поток, из которого выростала молодая Красная Армия, стремительно двинувшаяся навстречу полчищам германского империализма.

В районе Нарвы с врагом сражались красноармейский отряд под командованием В. М. Азина, сводный отряд под командованием А. Я. Клявс-Клявина, 1-й и 4-й красноармейские полки, отряды латышских стрелков, 1-й Ревельский Красный эстонский полк, организованный В. Э. Кингисеппом, отряд венгерских интернационалистов во главе с Бела Куном и Эрне Пором. Эти отряды сражались под общим командованием назначенного на Нарвский участок бывшего командующего 12-й армией генерала Д. П. Парского^[223]. В районе Гдова сражались красноармейские отряды под командованием Я. Ф. Фабрициуса^[224]. В районе Пскова дрались отряды под командованием бывшего полковника Г. И. Пехливанова. Начальником штаба отряда был член Всероссийской коллегии Ф. П. Никонов^[225].

На центральном направлении сражались Витебский, Оршанский, Могилевский красноармейские отряды под общим командованием главнокомандующего войсками Западного фронта А. Ф. Мясникова, а также отряды Западного фронта по борьбе с контрреволюцией, которыми командовал Р. И. Берзин^[226].

На Украине, севернее Белгорода, врагу давали отпор отряды Р. Ф. Сиверса; в районе Новозыбкова – Хутора Михайловского – 2-я революционная армия Западного фронта по борьбе с контрреволюцией; в районе Бердичева и Житомира – отряды под командованием В. И. Киквидзе; Киев защищали отряды Г. И. Чудновского, А. И. Иванова, В. Н. Боженко, Довнар-Запольского; у станции Бородянка – отряд железнодорожников; у Фастова – отряд Ю. М. Коцюбинского; в районе Ромны – отряды Е. Б. Бош и В. М. Примакова; в Кременчуге – Кременчугский отряд. На юге Украины сражались две советские армии: 1-я – в районе Жмеринки и далее на юг, 3-я – в районе р. Днестра^[227].

Так в боях с войсками германского империализма родилась новая военная организация – армия Советской республики – Красная Армия.

3 марта 1918 г. Германия подписала мирный договор с Советской республикой.

Перед Советским правительством встала сложная задача – привести в порядок имеющиеся части Красной Армии и развернуть советские вооруженные силы, подготовить страну к грядущим битвам.

«Военные специалисты» и отмена выборности

Первым важным актом Совета Народных Комиссаров в области военного строительства после заключения Брестского мира было образование Высшего Военного Совета.

19 марта, состоялось расширенное заседание Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина. На заседание были приглашены наркомвоен Н. И. Подвойский, военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич и заместитель начальника Морского Генерального штаба контр-адмирал В. М. Альтфатер. На обсуждение был вынесен

вопрос «Об организации Высшего Совета Народной Обороны»^[228]. Доклад правительству по этому вопросу был подготовлен членами коллегии Народного Комиссариата по морским делам В. М. Альтфатером и И. И. Вахрамеевым^[229].

Обсудив этот доклад, Совет Народных Комиссаров постановил: «Во главе дела обороны страны ставится Высший Военный Совет, на который возлагаются следующие задачи: а) преподание Военному и Морскому ведомствам основных заданий по обороне государства, б) преподание ведомствам обороны заданий по организации вооруженных сил страны (армии и флота), в) объединение деятельности армии и флота и разрешение всех общих для Военного и Морского ведомств вопросов, г) наблюдение за выполнением ведомствами обороны возложенных на них задач и д) систематическое собирание фактических сведений о всех военных, по их познаниям и боевому опыту пригодных на должности высшего военного командования.

В состав Высшего Военного Совета входят: 1) в качестве председателя – Народный комиссар по военным делам; два специалиста военного дела и один специалист военно-морского дела, обладающих военными знаниями и боевым опытом;

2) Народный комиссар по морским делам, член коллегии Народного Комиссариата по военным делам»^[230].

Совет Народных Комиссаров назначил Троцкого председателем Высшего Военного Совета и Наркомвоенном и ввел в состав Высшего Военного Совета Н. И. Подвойского. К. А. Мехоношин и Э. М. Склянский были назначены заместителями членов Высшего Военного Совета.

Приступая к практическому осуществлению плана военного строительства, Советскому правительству предстояло выполнить трудную работу. Нужно было выработать новые формы внутренней организации и порядка в армии, формы управления войсками. Предстояло решить проблему командных кадров, воспитания и обучения войск, вопросы стратегического развертывания армии и организации снабжения войск всем необходимым, а также сотни других специфических военных вопросов.

Учитывая, что решение этих вопросов потребует соответствующих знаний и опыта, что без знаний легко сбиться на импровизацию и погубить все дело, Советское правительство поручило выработку детальных планов военного строительства военным специалистам Высшего Военного Совета во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем.

Так был сделан новый смелый шаг навстречу широкому использованию знаний и опыта старых военных специалистов. Он продолжил курс на использование военных специалистов в деле военного строительства Советской республики, который Советское правительство взяло еще в дни февральского нашествия австро-германских войск.

К этому времени В. И. Ленин уже имел сложившиеся взгляды на вопрос о том, каким должно быть отношение победившего пролетариата к старой буржуазной интеллигенции. Еще за два месяца до Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» писал: «Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадёжных «сопротивленцев») поставить их на новую государственную службу. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.»^[231]

Разрабатывая вопросы организации социалистического строительства, В. И. Ленин в декабре 1917 г. в статье «Как организовать соревнование?» писал: «Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя»^[232]. Мысли об использовании старых специалистов для нужд социалистического строительства были развиты В. И. Лениным в его последующих трудах^[233].

Взяв курс на использование представителей буржуазной культуры в государственном строительстве Советской республики, Коммунистическая партия и Советское правительство не имели оснований отказываться и от использования лучших представителей военной интеллигенции. «... Их знания, их опыт и труд нам нужны, – указывал В. И. Ленин, – без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и

оставалась как материальный базис социализма»^[234]. В. И. Ленин решительно подчеркивал, что раз нам приходится строить власть из тех элементов, которые оставлены нам капитализмом, нельзя ее строить, отказавшись от использования такого наследия капиталистической культуры, как интеллигенция^[235].

Таким образом, использование опыта и знаний старой интеллигенции вообще и военной интеллигенции в частности выдвигала сама жизнь.

Задача использования опыта и знаний старых военных специалистов облегчалась тем, что за время войны 1914–1918 гг. состав офицерского корпуса претерпел серьезные изменения, пополнившись выходцами из интеллигентов и мелкой буржуазии.

Лучшие представители военной интеллигенции, полные чувства патриотического долга, сразу же, как только Советское правительство приступило к созданию Красной Армии, стали добровольно вступать в ее ряды. Такие деятели старой армии, как М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, В. М. Гиттис, Ю. Н. Данилов, В. Н. Егорьев, С. С. Каменев, Д. М. Карбышев, А. И. Корк, П. П. Лебедев, С. Г. Лукирский, Д. Н. Надежный, А. П. Николаев, Д. П. Парский, Г. И. Пехливанов, Н. М. Потапов, Н. И. Раттэль, А. А. Самойло, П. П. Сытин, А. Е. Снесарев, А. К. Степин, Б. М. Шапошников, Н. М. Филатов и сотни других бывших генералов и офицеров, с первых дней существования Красной Армии связали свою судьбу с судьбой Советского государства и его армии.

Решение Советского правительства широко использовать старую военную интеллигенцию в строительстве Красной Армии имело первостепенное значение при разрешении одной из важнейших проблем военного строительства – проблемы укомплектования армии командными кадрами.

Организуя Красную Армию, Коммунистическая партия учитывала, что только пролетарский командный состав сумеет создать настоящую социалистическую армию, что только красные офицеры будут иметь среди солдат этой армии должный авторитет^[236]. Но таких командиров в распоряжении Советской власти было ничтожно мало. Это были бывшие солдаты и унтер-офицеры – коммунисты и беспартийные пролетарии, которые в годы мировой войны за боевые заслуги получили офицерские звания. Революционеров из числа старых офицеров, которые связали свою жизнь с большевиками и могли стать красными командирами, было и того меньше.

Изыскивая источники получения командных кадров для Красной Армии, партия в первую очередь использовала для этой цели своих военных работников, а также коммунистов, имевших хотя бы незначительный военный опыт, особенно рабочих-красногвардейцев, прошедших опыт баррикадных боев в революции 1905–1907 гг. и сражавшихся с белогвардейскими бандами Керенского, Краснова, Каледина, Дутова и других врагов Советской власти в период ее становления. Одновременно партия выдвигала на руководящие командные посты своих видных деятелей.

Другим важным источником, откуда черпались командные кадры Красной Армии, были революционные солдаты, матросы и унтер-офицеры старой армии, добровольно вступившие в отряды Красной Армии в первые месяцы ее существования. Так как военные знания большинства красногвардейцев, солдат, матросов и унтер-офицеров были недостаточны, их в меру возможностей обучали основам военного дела в сети ускоренных, краткосрочных командных курсов. Первые командные курсы были сформированы еще в феврале 1918 г. в Петрограде, Ораниенбауме, Москве, Твери и Казани. Они готовили командиров взводов и были рассчитаны на 3–4-месячный курс обучения. Всего было создано 10 курсов, в том числе для подготовки пехотных командиров – 4, артиллерийских – 3, кавалерийских – 2 и инженерных – 1. На этих курсах в феврале 1918 г. обучалось 5270 человек^[237]. Но эти курсы готовили лишь младший и средний командный состав. Слушатели, окончившие эти курсы, могли стать командирами взводов, рот и в крайнем случае батальонов. А формирующаяся армия нуждалась в таких специалистах, которые могли стать во главе полков, дивизий, армий и фронтов, обеспечить нормальную работу штабов всех степеней и обучать военному делу не только солдат, но и младших и средних командиров.

Все это побудило Советское правительство принять решение использовать опыт и знания старых военных специалистов и взять на службу бывших генералов и офицеров старой армии.

Уже несколько позже, подводя итоги военного строительства, В. И. Ленин говорил по поводу использования бывших генералов и офицеров в Красной Армии: «Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии»^[238]. Таким образом, старая военная интеллигенция стала третьим источником формирования командных кадров Красной Армии.

...Высший Военный Совет сразу же после его формирования приступил к разработке плана организации вооруженных сил и начал приводить в порядок войска, которые за время боев с наступающими австро-германскими войсками сосредоточились вблизи демаркационной линии^[239].

Высший Военный Совет одновременно готовил общий план организации вооруженных сил Советской республики. Основы этого плана были изложены М. Д. Бонч-Бруевичем в докладной записке на имя председателя Совнаркома В. И. Ленина, представленной 15 марта 1918 г.^[240]

Вырабатывая этот план, Высший Военный Совет придерживался принятого Советским правительством курса на организацию постоянной Красной Армии и одновременное развертывание милиционного строительства. Не имея никакого опыта в области милиционного строительства, военные специалисты Высшего Военного Совета главное внимание в плане уделяли вопросам организации армии, а проблему милиционного строительства затрагивали лишь в самой общей форме (о целях Всевобуча).

Учитывая, что в тот период Германия держала против Советской республики армию, насчитывавшую более 1,5 млн. человек, Высший Военный Совет, исходя из убеждения, что Германия и впредь будет стремиться держать против нашей страны не меньшее количество войск, предложил под прикрытием завесы сформировать армию общей численностью не менее 1,5 млн. человек, не считая тех, кто должен обслуживать штабы и всякого рода тыловые учреждения.

Армию рекомендовалось создавать из всех родов войск: пехоты, конницы, артиллерии и вспомогательных войск, имея на вооружении все современные военно-технические средства. В целях подготовки пополнения для армии предлагалось обучение населения военному делу (Всевобуч). Для подготовки нужного Всевобучу инструкторского состава Высший Военный Совет предусматривал создание во всех губернских и уездных городах, а также вообще в крупных населенных пунктах в кадровых учебных частях (рот и батальонов). Армия должна была состоять из трех частей: действующей армии (для борьбы с войсками империалистов), гарнизонных войск и учебных частей (для Всевобуча). Структура войск предлагалась такая же, какая была принята в старой русской армии: роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса и армии, но с учетом опыта войны 1914–1918 гг.

Для комплектования армии намечалось введение принципа обязательной военной службы.

Придавая большое значение вопросам подготовки командного состава вооруженных сил, Высший Военный Совет предложил при всех военных отделах Советов создать школы взводных командиров, а для подготовки специалистов высокой квалификации – высшие военные школы и академии.

Высший Военный Совет рекомендовал ликвидировать коллегиальное управление войсками и установить в них единоначалие. При командирах корпусов и войсковых объединений предлагалось иметь ответственных правительственных комиссаров. Выборность командного состава по этому плану отменялась, она сохранялась лишь для должностей ротного и батальонного командиров, но при условии, что командир батальона выбирается ротными командирами полка, а ротный командир – всеми взводными командирами полка. Участие красноармейцев в выборах командного состава исключалось.

Советское правительство приняло этот план и положило его в основу военного строительства^[241]. Лишь отдельные положения плана, как, например, предложения об отмене добровольческого принципа и введении обязательной военной службы, о частичном сохранении выборного начала для командного состава и об отмене коллегиального управления войсками и введении единоначалия, были отклонены.

Предлагая отменить добровольческий принцип комплектования, Высший Военный Совет учитывал только недостатки армии, создаваемой на основе этого принципа. Но он не учел социальных и экономических условий, в которых предстояло перейти к новому принципу комплектования армии.

К моменту, когда Высший Военный Совет выдвинул это предложение, в Красной Армии насчитывалось до 300 тыс. человек. В ней господствовала отрядная форма организации. Отряды насчитывали от нескольких десятков до нескольких тысяч человек^[242]. Созданная на основе добровольческого принципа Красная Армия не могла быстро расти и всегда находилась под угрозой убыли ее личного состава (доброволец должен был прослужить в Красной Армии не менее 6 месяцев)^[243]. Пестрота отрядных формирований мешала организации планомерного снабжения войск всем необходимым и не позволяла наладить централизованное управление войсками. Добровольческий принцип не позволял обеспечить армию регулярным пополнением и затруднял привлечение к военной службе широких слоев трудящегося крестьянства. Все говорило о том, чтобы отменить добровольческий принцип. Его нужно было отменить не только в силу названных недостатков, а главным образом потому, что он ограничивал возможность создания большой постоянной армии. В самом деле, что можно было ждать от добровольческого принципа в условиях мирной передышки, если в период борьбы за мир, когда над Советской республикой нависла смертельная опасность и враг стремительно наступал, в Красную Армию вступило всего лишь до 300 тыс. добровольцев. Никто не мог гарантировать, что в условиях мирной передышки добровольческий принцип позволит сформировать постоянную армию в 1,5 млн. человек, как это предлагал ВВС. Сознвая, что нельзя строительство армии ставить в зависимость от случайностей, связанных с добровольческим принципом, ВВС и предложил отказаться от этого принципа и ввести для укомплектования армии принцип обязательной военной службы.

Казалось, что предложение Высшего Военного Совета не должно было встретить возражений. Однако Совет Народных Комиссаров не считал возможным принять его. Советское правительство учитывало не только военно-техническую сторону дела, но, главное, экономические и политические факторы, игнорирование которых могло погубить все дело строительства армии и организации военной защиты Советской республики. Сохраняя добровольческий принцип, Советское правительство решало проблему создания Красной Армии и укрепления обороны страны, достигая наименьшего отрыва людей от производительного труда. А это было очень важно при страшном экономическом разорении страны, унаследованном Советской республикой от помещичье-буржуазного строя. Введение обязательной военной службы потребовало бы систематических призывов граждан на военную службу и отрывало бы от производительного труда десятки и сотни тысяч рабочих и трудящихся крестьян. Сохраняя добровольческий принцип организации армии при одновременном развертывании милиционного строительства, Советское правительство обеспечивало решение как военных, так и экономических задач.

Нельзя было вводить обязательную службу в марте 1918 г. и по другим причинам. Чтобы отменить добровольческий принцип и ввести обязательную военную службу, нужно было иметь мобилизационный аппарат, который бы организовал учет военнообязанных и мог обеспечить их призыв в нужное время. Такого аппарата Советская республика еще не имела, а без него переход к обязательной военной службе был невозможен. Кроме того, Высший Военный Совет не учел того, что старая армия еще не была полностью демобилизована. Окончательный срок ее демобилизации был намечен Наркомвоеном на 12 апреля^[244]. После демобилизации 2 марта 1918 г. солдат сроков службы 1913–1915 гг. Советскому правительству предстояло еще демобилизовать солдат последних четырех сроков службы – 1916–1919 гг., что составляло 73 всего личного состава старой армии^[245]. После почти четырех лет войны солдаты должны были вернуться домой, отдохнуть. Без этого вводить новый принцип комплектования армии было даже опасно. Солдаты знали, что натиск германских войск был отбит, непосредственная угроза Советской республике миновала, и они не поняли бы, во имя чего их вновь призывают под ружье.

Учитывая все это, Советское правительство не приняло предложение Высшего Военного Совета об отмене добровольческого принципа и введении обязательной военной службы.

По-иному был решен и вопрос об отмене выборного начала для командного состава Красной Армии. Поскольку Советское правительство взяло курс на широкое использование старой военной интеллигенции, существовавший в ту пору принцип выборного начала мог стать серьезным тормозом для военного строительства. Нельзя было не учитывать, что бывшие генералы и офицеры, добровольно вступившие в Красную Армию, могли не встретить доверия

со стороны красноармейцев, и последние могли не избрать их на командные должности. Чтобы это недоверие исчезло, красноармейцам нужно было испытать своих командиров в строю и в бою. Но для этого было необходимо, чтобы бывшие генералы и офицеры стали командирами Красной Армии. Уже поэтому выборное начало должно было уступить место принципу назначения командного состава. Вот почему Совнарком не согласился с предложением Высшего Военного Совета даже о частичном сохранении выборного начала для командного состава (для должностей ротного и батальонных командиров) и решил отменить этот принцип.

21 марта 1918 г., видимо, не без согласия Совета Народных Комиссаров, Высший Военный Совет издал приказ об отмене выборного начала в Красной Армии^[246]. В этот же день Всероссийская коллегия выступила с обращением ко всем гражданам, окончившим военные учебные заведения и занимавшим командные должности в старой армии. От имени Советского правительства Всероссийская коллегия призвала военных специалистов вступать в Красную Армию, где им предоставлялись должности от младшего офицера до начальника дивизии^[247].

Советское правительство открыло широкий доступ бывшим генералам и офицерам в ряды Красной Армии. Это доверие послужило стимулом для вступления многих из них в Красную Армию. В короткий срок, когда Красная Армия строилась на основе добровольческого принципа, в ее ряды пришло столько командиров из числа бывших генералов и офицеров – добровольцев, что их хватило бы на укомплектование командным составом до 20 дивизий^[248]. Это было большим успехом военной политики Советского правительства...

Учитывая новизну принятого метода военного строительства, В. И. Ленин решил провести совещание и обсудить все спорные вопросы. Оно состоялось 25 марта 1918 г. в Кремле в кабинете председателя Совета Народных Комиссаров^[249]. К сожалению, работа совещания не протоколировалась, и о нем мы можем судить лишь по воспоминаниям его участников С. И. Аралова и А. Ф. Мясникова^[250]. В совещании приняли участие работники Наркомвоена, ВВС, Московского военного округа, в том числе С. И. Аралов, М. Д. Бонч-Бруевич, А. Ф. Мясников, Н. М. Потапов, Н. И. Ратэль, Э. М. Склянский, всего 40–50 военных работников. Совещание проходило под председательством В. И. Ленина. Главными вопросами, вокруг которых разгорелись споры, были вопросы о привлечении военных специалистов, об обязательной военной службе, о роли коммунистов в армии, о командирах и комиссарах и их взаимоотношениях. А. Ф. Мясников так передает ход совещания: «В течение нескольких часов идет спор вокруг вопросов о военных специалистах, общей организации армии, мобилизации, роли коммунистов в армии и т. д. Главнейшая тема – с военными специалистами или без них. Подавляющее большинство собравшихся высказывается против привлечения военных специалистов. Товарищ Ленин только слушает. В конце собрания он лишь вкратце резюмирует все сказанное. Как будто бы он хочет на этом закончить собрание. Мы предлагаем вынести резолюцию соответственно с духом речей большинства ораторов. Тогда Ленин бросает нам: «Но ведь это только совещание. Вы попросили выслушать вас, мы вас выслушали, весьма благодарны за информацию, а теперь разрешите нам, Центральному Комитету партии, вынести решение по данному вопросу, используя, разумеется, и ваш опыт и ваши советы»^[251].

31 марта 1918 г. под председательством В. И. Ленина состоялось заседание Пленума ЦК РКП (б), на котором обсуждалась общая политика Центрального Комитета партии, в том числе вопрос «о курсе на «деловых людей»». Учитывая, что период завоевания власти кончился и развертывается строительство Советского государства, Пленум Центрального Комитета указал на необходимость привлечения к работе знающих, опытных, деловых людей. «Саботаж интеллигентных кругов сломлен, техники идут к нам, надо их использовать»^[252].

7 апреля 1918 г. ЦК РКП (б) подтвердил решение мартовского Пленума Центрального Комитета^[253], а в скором времени ЦК партии принял программу мирного социалистического строительства, в которой задача использования старых специалистов была выдвинута как одна из главных задач партии. Эта программа изложена в ленинских «Тезисах о задачах Советской власти в настоящий момент», опубликованных 28 апреля 1918 г.^[254]

Развертывание Красной Армии

Весной 1918 года началась детальная разработка плана формирования и развертывания Красной Армии.

Высший Военный Совет в первую очередь стал готовить ликвидацию отрядных формирований и введение в армии регулярных частей и соединений.

Начало сложной работы по реформированию отрядов в регулярные части было положено принятием твердых штатов частей и соединений Красной Армии. По заданию Советского правительства Всероссийская коллегия подготовила проект структурной организации пехотной дивизии и передала его для технической разработки в ВВС. Для решения этого вопроса ВВС создал Совещание представителей высшего военного управления страны под председательством помощника военного руководителя ВВС С. Г. Лукирского. В течение 22 и 23 марта 1918 г. совещание рассмотрело проект организации вооруженных сил Советской республики^[255]. Было решено основным соединением Красной Армии считать дивизию. Хозяйственной или отдельной частью был признан полк.

Материалы этого Совещания послужили основой для выработки штатов частей и соединений Красной Армии. К середине апреля эти штаты были подготовлены и 20 апреля 1918 г. объявлены приказом Наркомвоена. В мае 1918 г. последовали некоторые дополнения к штатам^[256].

Согласно принятым штатам, пехотная дивизия должна была создаваться как общевойсковое соединение, включавшее в свой состав все рода войск: пехоту, кавалерию, артиллерию, войска связи, инженерные войска, авиацию и тыловые части. При этом все пехотные единицы, входящие в дивизию, начиная от роты и до бригады, должны были формироваться только из одного рода войск – пехоты. Пехотная дивизия должна была иметь три стрелковые бригады (в каждой по два стрелковых полка с численным составом одного стрелкового полка в 2866 человек), артиллерийскую бригаду в составе пяти артиллерийских дивизионов (трех легких, мортирного и полевого тяжелого артиллерийского дивизиона) и позиционной батареи для стрельбы по воздушным целям – всего 1732 человека, кавалерийский полк – 872 человека, батальон связи – 967 человек, инженерный батальон – 1366 человек, воздухоплавательный отряд – 269 человек, авиационную группу – 139 человек и тыловые учреждения. Всего в дивизии должно было состоять 26 972 человека; предусматривалось иметь боевого элемента 14 220 человек^[257] (8802 штыка и 480 сабель)^[258]. Дивизия вооружалась 288 пулеметами и 68 орудиями. Лошадей в пехотной дивизии должно было быть 10 048.

Соотношение родов войск в дивизии выглядело так: пехота составляла 63,76 % штатной численности, кавалерия – 3,24, артиллерия – 6,43, войска связи – 3,59, инженерные войска – 5,06, воздухоплавательные войска – 0,99, авиация – 0,51 и тыловые органы – 16,42 %. Пехота являлась главным родом войск.

В принятых штатах Красной Армии процент пехоты, кавалерии и артиллерии был меньшим по сравнению с исторически сложившимися пропорциями родов войск в армиях, имеющих вековую историю^[259].

Соотношение родов войск в армиях различных стран (в %)

Армия	Пехота	Кавалерия	Артиллерия
Германская	75	7	14
Австро-Венгерская	80	8	9
Французская	78	6	13
Итальянская	82	3,5	11
Красная Армия	63,76	3,24	6,43

Апрельско-майские штаты пехотной дивизии были рассчитаны на добровольческий принцип комплектования армии, когда нельзя было обеспечить регулярное пополнение войск^[260].

Именно исходя из этих штатов, Высший Военный Совет подготовил план формирования и развертывания Красной Армии. 19 апреля 1918 г. этот план был утвержден коллегией Наркомвоена^[261], а 21 апреля 1918 г. представлен Совету Народных Комиссаров^[262].

В плане формирования и развертывания Красной Армии рассматривались два вопроса: 1) численность формируемой армии и ее боевой состав и 2) стратегическое развертывание и группировка советских войск. Поскольку к этому моменту Высший Военный Совет разработал структуру и штаты пехотной дивизии, он получил возможность уточнить и общую численность

формируемой армии, определить ее боевой состав. Если раньше, как уже отмечалось, ВВС, не имея при этом точного представления о численности вооруженных сил империалистических государств, сосредоточенных на границах Советской республики, предполагал создать армию общей численностью в 1,5 млн. человек, то к началу апреля 1918 г., когда советское военное командование располагало точными данными, что державы австро-германского блока сосредоточили на границах нашей страны 71 1/2 пехотные дивизии: 39 германских, 30 1/2 австро-венгерских и 2 болгарских^[263], первоначальный план формирования и развертывания Красной Армии пришлось изменить.

В результате оценки возможностей Советской республики и стратегической группировки войск империалистических государств на границах нашей страны, а также учитывая, что Красная Армия строилась на основах добровольческого принципа, Высший Военный Совет предложил теперь создать постоянную армию общей численностью не менее 1 млн. человек. Высший Военный Совет считал, что ему удастся сформировать 38–40 дивизий первой очереди. Кроме этих дивизий, было намечено в тыловых пунктах – Вятке, Казани, Симбирске, Самаре, Сызрани, Саратове, Пензе и Нижнем Новгороде – приступить к формированию дивизий второй очереди, которые должны были составить стратегический резерв Верховного главнокомандования.

План формирования и развертывания Красной Армии был одобрен В. И. Лениным. Вспоминая об этом, военный руководитель ВВС М. Д. Бонч-Бруевич писал: «Все подробно разработанные Высшим Военным Советом планы я доложил Владимиру Ильичу. Это произошло уже в Москве. Ленин принял меня в своем кабинете в Кремле в здании бывших судебных установлений...

Как всегда, нисколько не торопясь и с обязательной для него уважительностью выслушав мой доклад, Ленин одобрил все основные его положения.

– Сегодня это, видимо, лучшее решение вопроса об обороне Республики, – сказал он, голосом подчеркнув первое слово. Об этой интонации Владимира Ильича я вспомнил спустя несколько месяцев, когда лозунг одно миллионной армии был им заменен приказом о создании армии трехмиллионной»^[264].

По одобрении Советским правительством плана формирования и развертывания Красной Армии Высший Военный Совет немедленно приступил к его практическому осуществлению. Предстояло провести исключительно трудную работу.

Как уже отмечалось, апрельский план предусматривал формирование 38–40 пехотных дивизий первой очереди и, кроме того, создание ряда дивизий в тыловых районах, которые должны были составить стратегический резерв Верховного главнокомандования. Но тогда еще не было определено общее число дивизий, которые нужно было создать. Такое уточнение было сделано только в мае.

По уточненному плану в течение 1918 г. намечалось сформировать 88 пехотных дивизий, 28 из них должны были развернуться в западной пограничной полосе и ближайшем ее тыле. Ввиду особой важности этих формирований они должны были создаваться как внеочередные. Остальные 60 дивизий решено было формировать в 11 военных округах страны: 30 дивизий в первую очередь и 30 – во вторую. Внеочередные 28 дивизий и первоочередные 30 дивизий предполагалось свести в 10 армий. Кроме того, намечалось формирование трех кавалерийских дивизий – по одной в Орловском, Московском и Туркестанском военных округах.

Все дивизии должны были формироваться на началах добровольчества и комплектоваться по территориальной системе^[265].

3 мая 1918 г. Высший Военный Совет предписал военным советам Северного и Западного участков завесы и Московского района обороны развернуть существовавшие отряды в пехотные дивизии. Для каждой внеочередной дивизии было намечено известное число уездов, на которые возлагалось пополнение отрядов для развертывания их в дивизии. В целях соблюдения принципа землячества и в интересах организационных для каждой дивизии назначались уезды одной и той же губернии. Назначение уездов разных губерний допускалось только в исключительных случаях. ВВС приказал именовать дивизии по названиям тех губерний, в районе которых они формируются^[266].

В предвидении дальнейшего роста численности Красной Армии особое значение придавалось добровольцам, вступившим в ряды Красной Армии в первые недели ее существования. Телеграммами от 29 апреля и 26 мая Высший Военный Совет требовал от всех военачальников и

политических комиссаров смотреть на добровольцев Красной Армии как на ядро будущей армии, как на будущих младших инструкторов^[267].

Хотя добровольческий принцип строительства Красной Армии имел много организационных недостатков, такой подход к оценке добровольческого элемента имел все основания. Добровольческий принцип дал возможность привлекать в армию лучших представителей рабочих, крестьян, солдат и матросов всех народов, населявших Россию. Украинцы, белорусы, армяне, чеченцы, ингуши, татары, киргизы составляли свои красноармейские отряды. В Баку, например, из 35 тыс. красноармейцев подавляющее большинство принадлежало к местным национальностям, в Грозном в числе 16 тыс. красногвардейцев были и русские, и чеченцы. В Казани к 17 апреля 1918 г. был создан мусульманский полк^[268]. В Москве был расположен татаро-башкирский батальон в 141 человек^[269]. Особенно активно шли в Красную Армию латыши. Отряды латышских стрелков возникали по всей стране. В Вологде в отряд латышских стрелков вступило 68 человек^[270]. В Новгороде находился 7-й Баусский латышский полк численностью в 600 человек^[271]. В Витебске сформировался латышский конно-разведывательный отряд в 76 человек^[272]. В Петрограде в марте 1918 г. в 1-м корпусе Красной Армии был Латышский коммунистический отряд, насчитывавший 507 человек, а затем, когда его перевели в Москву, в корпус влился Эстонский коммунистический отряд в 250 человек^[273]. В Москве к середине мая 1918 г. было несколько латышских стрелковых полков, в том числе 1-й Усть-Двинский, 2-й Рижский, 3-й Курземский, 4-й Видземский, 9-й Латышский, Кавалерийский латышский советский полк, Латышский батальон связи и другие части^[274].

Широкий размах получило формирование интернациональных частей Красной Армии. Рабочие и трудящиеся крестьяне из числа военнопленных австрийцев, венгров, чехов, немцев обращались к советским властям за разрешением вступить добровольцами в Красную Армию. Иностраных рабочих и крестьян принимали в Красную Армию только при условии предварительного принятия советского гражданства.

Огромная тяга интернационалистов в ряды Красной Армии вызвала к жизни и появление соответствующих организаций, которые занимались комплектованием интернациональных частей. В Киеве был создан Штаб межнациональных революционных сил^[275], в Москве военнопленные интернационалисты создали организацию «Интернационал»^[276].

Во многих городах Советской республики создавались интернациональные отряды Красной Армии. В Тамбове 5 марта 1918 г. группа чехов обратилась в военный отдел Совета с просьбой принять ее вместе с командным составом в ряды Красной Армии^[277]. Из Епифани Тульской губернии 30 апреля 1918 г. сообщали, что «на митинге военнопленных вынесена резолюция с приветствием русской революции и Советской власти, а также принято постановление – командировать одного представителя в Москву в организацию военнопленных «Интернационал» для получения директив и указаний по организации военнопленных»^[278].

Военнопленные вступали в Красную Армию в одиночку и группами. В Златоусте, например, 18 апреля 1918 г. в Красную Армию записались три военнопленных австрийца^[279]. В Красноярске из 181 военнопленного был создан отряд. В Симбирске и интернациональный отряд вступило 108 человек, в Томске – 250^[280]. Красноармейские отряды из военнопленных формировались в Харькове, Твери, Тюмени, Пензе и многих других городах^[281].

Национальные и интернациональные формирования Красной Армии проявили себя героически в борьбе с международной буржуазией и внутренней контрреволюцией.

Красноармейцы-добровольцы тщательно оберегали чистоту своих рядов от проникновения чуждых, враждебных и случайных элементов. В Красную Армию принимали далеко не каждого желавшего вступить в ее ряды. Часто сами отряды при приеме добровольцев устанавливали определенные требования, которые каждый вступающий обязан был принимать безоговорочно, в противном случае ему отказывали. Эти требования вырабатывались в самих отрядах и являлись законом не только для тех, кто здесь уже состоял, но и для тех, кто вступал.

Обязательства, которые давали вступающие в отряд добровольцы, при всем их разнообразии имели одну цель: укрепить отряд, воспрепятствовать проникновению в него вражеских элементов. В особом пехотном полку, например, каждому вступающему в отряд ставили следующие условия: «не роптать, не предъявлять никаких требований; подчиняться всем приказаньям»^[282].

Высокая сознательность и патриотизм получили отражение в своеобразной присяге-клятве, которую добровольцы давали при вступлении в отряд. Красноармейцы Петрограда клялись: «Вступая в Семью Рабоче-Крестьянской Красной Армии добровольно и сознательно, принимая на себя свою долю тяжкой и святой борьбы угнетенного и обездоленного народа, даю обещание перед братьями по оружию, перед всем трудящимся народом и перед революционной совестью своей – достойно, без измены, без страха и колебаний бороться за великое дело, которому отдали свою жизнь лучшие дети рабочей и крестьянской семьи, – за дело победы Советской власти и торжества социализма. Обязуюсь пробыть в рядах РККА не менее 6 месяцев и точно, без отступлений, исполнять все обязанности красноармейца. Ясно сознаю, что получивший оружие из рук народной власти берет на себя великие обязанности и несет огромную ответственность. Ясно сознаю и твердо помню, что не исполнивший своих обязанностей член РККА карается суровым судом революционной власти и навсегда изгоняется из среды вооруженных защитников рабочей революции»^[283].

Красноармейцы часто не довольствовались подобного рода торжественными обещаниями и старались присвоить своему отряду особое наименование; в Петрограде были созданы: «Железный отряд защиты пролетарской революции», «Особый отряд Красной Армии», в Самаре – «Железно-дисциплинированный полк», в Уфе из коммунистов был создан «Боевой отряд смерти»^[284].

Красноармейцы сами вводили в отрядах строжайшую дисциплину. Добровольцы первого головного отряда Красной Армии (Петроград) на собрании приняли следующие обязательства:

«1) Все товарищи-волонтеры должны держать себя вполне сознательно и хулиганских выходок ни в коем случае не допускать. Если же таковые будут наблюдаться, виновные будут преданы товарищескому суду, вплоть до исключения из Красной Армии с позором.

2) Лица при разведках или наступлении и во время сражения или отступления должны честно исполнять свое дело и грабежей не учинять. Виновные должны быть расстреляны своими же товарищами.

3) Все приказания выборных начальников должны беспрекословно исполняться. В революционной Красной Армии не может быть места лентяям, туеядцам и трусам.

4) Всякие реквизиции без особого на то разрешения начальника эшелона безусловно не допускаются, а потому все виновные в таковых действиях подлежат наказанию, согласно § 2»^[285].

Стремление к дисциплине у бойцов было настолько велико, что всякое нарушение ее преследовалось строжайшим образом. Когда взводный командир 1-й роты Волынского 5-го номерного батальона Красной Армии пришел в расположение батальона в пьяном виде, красноармейцы потребовали обсуждения этого факта на общепатальонном собрании. 3 марта 1918 г. состоялось собрание красноармейцев батальона, на которое были приглашены бойцы 1-го партизанского отряда питерских печатников. После долгого обсуждения вопроса красноармейцы и партизаны вынесли следующее решение: «Чтобы впредь все знали, что пьянство, картежная игра, туеядство и прочие пороки, наносящие смертельный удар великому делу спасения завоеваний революции, будут беспощадно искореняться, взводного отдать в распоряжение революционного суда при городском районе Совета Р. и С. Д. Каждый уличенный в пьянстве, картежной игре и т. д. будет объявлен контрреволюционером»^[286].

Стихийное стремление бойцов Красной Армии ознаменовать свое вступление в ряды армии торжественной клятвой вскоре было облечено в форму закона. 22 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова была утверждена формула торжественного обещания для красноармейца:

«1) Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии.

2) Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3) Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского правительства.

4) Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5) Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6) Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение, и да покарает меня суровая рука революционного закона»^[287].

Красная Армия явилась действительной носительницей большевистских идей социалистической революции. Организованность, сплоченность, дисциплинированность, патриотизм, самоотверженность – вот характерные черты, присущие добровольцам – первым бойцам Красной Армии. Они стали чертами, отличающими бойца Красной Армии от солдата любой буржуазной армии мира.

В то же время с первых дней, когда стала разворачиваться работа по формированию регулярных дивизий, становилось все яснее, что вряд ли удастся быстро преобразовать отряды в регулярные части и соединения и создать то число дивизий, которое намечал Высший Военный Совет. Когда встал вопрос о высылке пополнений из уездов в пункты формирования дивизий, с мест стали поступать сообщения об огромных трудностях, связанных с вербовкой добровольцев и формированием частей Красной Армии. Отовсюду поступали сообщения о том, что одним необходимо продовольствие, другим – деньги, третьим – обмундирование и снаряжение, а четвертым – все вместе взятое. Только за последнюю неделю апреля такие сообщения поступили из Балашова, Казани, Курска, Малоархангельска, Нижнего Новгорода, Острогжска, Торопца, Тотьмы, Тулы, Черикова и многих других пунктов^[288]. В мае аналогичные сообщения шли непрерывным потоком. Они поступили из Весьегонска, Верхнеудинска, Выксы, Вышнего Волочка, Златоуста, Калязина, Козьмодемьянска, Ливен, Липецка, Малоярославца, Нижнеудинска, Ржева, Солигалича, Тюмени, Устюжны и других мест^[289]. Но вместе с этими сообщениями поступали и более тревожные вести. В ряде мест из-за отсутствия средств, продовольствия и т. д. был прекращен прием добровольцев в Красную Армию. Такие сообщения в конце апреля прислали из Арзамаса, Уфы и Яранска, а в мае о прекращении приема добровольцев сообщили Крестцы, Курмыш, Нижне-Ломов, Рязань, Скопин, Солигалич, Тихвин и другие пункты, а из Инсара 8 мая сообщили: «записавшиеся отпущены домой за недостатком: средств»; из Осташкова известили о том, что за неимением обмундирования и денег пришлось расформировать отряд добровольцев численностью в 400 человек. Такое же сообщение поступило в мае из Пронска^[290].

Учитывая огромные трудности формирования армии, Высший Военный Совет 31 мая 1918 г. уточнил число внеочередных дивизий, которые было намечено сформировать в завесе и Московском районе обороны^[291]. Из отрядов Северного участка завесы предписывалось сформировать Олонецкую, 1-ю Петроградскую, 3-ю Петроградскую, 4-ю Петроградскую, 1-ю Новгородскую, 2-ю Новгородскую, Псковскую дивизии. Из отрядов Западного участка завесы предписывалось сформировать Витебскую, 1-ю Смоленскую, 2-ю Смоленскую, Могилевскую, 1-ю Орловскую, 2-ю Орловскую и Курскую дивизии. Из отрядов Московского района обороны предписывалось сформировать 3-ю Московскую, 2-ю Тверскую, 2-ю Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Воронежскую дивизии. Формирование остальных семи внеочередных дивизий поручалось военкоматам. Военкомат Петроградской трудовой коммуны обязывался сформировать 2-ю Петроградскую дивизию, военкомат Беломорского военного округа – Костромскую, военкомат Ярославского военного округа – Ярославскую, Владимирскую и 1-ю Тверскую дивизии, военкомат Московского военного округа – 1-ю Московскую и Тамбовскую дивизии.

К моменту, когда Высший Военный Совет приступил к реализации принятого плана формирования и развертывания Красной Армии, в ней насчитывалось до 450 тыс. человек^[292]. Учитывая, что для создания 28 внеочередных дивизий по штатам, принятым в апреле – мае 1918 г., потребуется более 750 тыс. человек, Высший Военный Совет директивно предписал боевой состав дивизий формировать на половину штатного состава. Так, если в каждой пехотной дивизии полного штатного состава в одной пехотной роте должно было состоять 72 ряда бойцов,

то по указанию Высшего Военного Совета они должны были формироваться в 36-рядном составе. Все остальные части, входившие в дивизию (кроме пехотных рот), должны были формироваться в полном штатном составе^[293]. Всего в мае 1918 г. удалось сформировать четыре пехотные дивизии: Воронежскую, Гатчинскую, Новоржевскую и Лужскую. Все дивизии были сформированы в завесе^[294]. В конце мая мирная передышка была сорвана. Война изменила все планы военного строительства.

Воинская обязанность и мобилизация

Весной 1918 г. империалисты стран Антанты начали военную интервенцию в Советскую республику. Поправ всякие начала международного права и уважения чужой свободы, англичане в начале марта высадили десант на севере и захватили Мурманск. Японские империалисты 5 апреля высадили десант во Владивостоке и начали интервенцию на Дальнем Востоке. Германские империалисты, завершив оккупацию Украины, не удовлетворившись награбленным; они нарушили Брестский мирный договор и начали интервенцию на юге РСФСР. Наступая из пределов Украины, австро-германские войска 1 мая захватили Таганрог, затем, развивая наступление с целью захвата Дона и Северного Кавказа, они к 10 мая заняли линию Хутор Михайловский – Рыльск – Коренево – Суджа – Обоянь – Волчанск – Двуречная – Ново-Беленькая – Никольское – Чертково. В пределах Донской области враг 8 мая занял Ростов-на-Дону. Над Северным Кавказом нависла угроза вторжения. С захватом ст. Чертково противник перерезал железнодорожную магистраль и прервал прямое сообщение Донской области с центром страны по единственно оставшейся прямой железной дороге на Воронеж. Советские войска, действовавшие в районе Таганрога и Ростова-на-Дону, отступили в направлении на Царицын^[295]. На Дону, Кубани и Северном Кавказе активизировали свои антисоветские действия и белогвардейские формирования Деникина, Краснова и других врагов революции.

Опасаясь дальнейшего развития германской интервенции на юге страны и выхода врага на Волгу, а также в район Кавказа, ВВС образовал в первых числах мая 1918 г. так называемый Северо-Кавказский фронт и включил в него Царицынский район^[296]. Штаб Северо-Кавказского военного округа из Ростова-на-Дону перебазировался в Царицын. Ему и было поручено организовать оборону юга страны. Так на юге страны уже в мае 1918 г. возник первый фронт борьбы против интервентов и белогвардейцев.

25 мая 1918 г. на огромном пространстве, растянувшись по всей Сибирской железной дороге, от Пензы до Владивостока, против Советской власти поднял мятеж чехословацкий корпус, поддержанный силами внутренней контрреволюции. Так на востоке страны возник второй фронт борьбы против интервентов и белогвардейцев.

Мирная передышка кончилась, а вместе с ней кончился и период военного строительства Советской республики в относительно мирной обстановке. Дальнейшее военное строительство развертывалось в огне боев с армиями внутренней и международной контрреволюции.

Учитывая возросшую военную опасность и немногочисленность Красной Армии, а также необходимость срочного создания мощных вооруженных сил, способных отстоять завоевания Октября, Советское правительство было вынуждено отказаться от дальнейшего строительства Красной Армии на основе добровольческого принципа. 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление о принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию^[297] и тем самым законодательно оформил введение нового принципа строительства вооруженных сил Советского государства. Разработка плана проведения принудительного набора поручалась Наркомвоенту^[298]. В директивах, отданных Наркомвоенту, указывалось, что принудительный набор должен проводиться в таких пределах и формах, которые в наименьшей мере нарушали бы ход производительной и общественной жизни тех областей и районов, где этот набор должен проводиться. ВЦИК правильно оценил сложность и трудность предстоящего развертывания мобилизационной работы. При отсутствии налаженного учета военнообязанных и только что начавшейся работы по строительству военкоматов, которые должны были осуществлять принудительный набор, обязательность военной службы могла быть лишь декретирована как норма и что до тех пор, пока не будет создан учет военнообязанных и сформируются военкоматы, всякий обязательный призыв будет носить характер добровольной явки. Учитывая

это, ВЦИК решил провести частичную мобилизацию, призвав лишь один или несколько возрастов.

10 июля V Всероссийский съезд Советов закрепил переход к обязательной военной службе трудящихся Советской республики^[299]. Съезд приветствовал постановления Советского правительства о переходе к мобилизации трудящихся, т. е. о переходе к строительству Красной Армии на основах обязательной военной службы, и возложил на ВЦИК и Совет Народных Комиссаров конкретную разработку вопросов дальнейших призывов трудящихся на военную службу. Им поручалось издать декрет, определяющий число возрастных категорий, подлежащих немедленному призыву в Красную Армию, а также установить сроки и условия приема военнообязанных на военную службу^[300].

Основы строительства Красной Армии были закреплены в первой Советской Конституции, принятой на V Всероссийском съезде Советов. «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, – говорилось в Конституции, – декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов»^[301].

Приступая к разработке плана мобилизационной работы, Наркомвоен должен был учитывать ряд факторов, которые могли оказать влияние на ход мобилизации. Прежде всего нужно было учесть, что переход к мобилизации совершался в условиях развертывающейся гражданской войны и интервенции, когда огромная территория Советской республики подверглась оккупации белогвардейцами и интервентами. Это крайне ограничило мобилизационную базу Советской власти, резко уменьшило численность мужского населения, которое можно было привлечь на военную службу. В то же время резкое сокращение мобилизационной базы усугубило положение рабочих и трудящихся крестьян тех губерний, которые оставались под советским флагом. Усиление мобилизационного бремени, легшее на их плечи, могло вызвать нежелательные эксцессы.

Нужно было учитывать также, что переход к мобилизации неизбежно поведет к резкому изменению социального состава Красной Армии. Если Красная Армия, основанная на добровольческом принципе, состояла главным образом из рабочих, то переход к мобилизации должен был вызвать большой приток в ее ряды трудящихся крестьян и превратить ее по преимуществу в крестьянскую армию. Столь резкое изменение социального состава армии на первых порах могло повести к ослаблению ее организованности и дисциплины, ибо крестьянство в силу своей мелкобуржуазности не обладало еще ясным пониманием необходимости вооруженной защиты Советской власти, ему не были свойственны пролетарская дисциплинированность и организованность. Преобладание крестьянского состава в армии могло повести к росту мелкобуржуазных настроений и ослаблению организованности и дисциплинированности ее воинов. Чтобы оградить Красную Армию от таких явлений, нужно было усилить в ней рабочий костяк и укрепить ее коммунистическое ядро, организовать систематическую большевистскую воспитательную работу в войсках, окружить воинов-крестьян братским вниманием и заботой коммунистов и воинов-рабочих и терпеливо прививать им пролетарскую организованность, дисциплину и сознание необходимости вооруженной защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Только таким путем можно было воспитать из крестьянина сознательного воина, готового самоотверженно защищать Советскую родину.

Наркомвоен, учитывая социально-политические и организационные трудности мобилизационной работы, решил подойти к первому призыву весьма осторожно и тщательно его подготовить, начать с призыва в армию рабочих. Первый призыв намечалось провести в Москве, где был сильный отряд рабочего класса, где находилось Советское правительство, где сильны были партийные, советские и профсоюзные органы и имелся хорошо организованный местный военный аппарат.

Для разработки условий призыва в Наркомвоене было создано Специальное совещание. 2 июня оно выделило из своего состава Чрезвычайную комиссию для проведения в жизнь постановления ВЦИК. Комиссия учреждалась при Московском окружном военкомате и была сформирована из представителей Наркомвоена, Московского военного округа и Совета профсоюзов^[302].

Первое заседание Чрезвычайной комиссии состоялось 3 июня 1918 г. Оно решило выработать обращение к населению Москвы с разъяснением, что формирование частей Красной Армии из числа призываемого населения вызывается неотложной необходимостью решения задач обороны страны^[303]. Комиссия решила укрепить райвоенкоматы опытными работниками из состава 1-й и 2-й Московских советских дивизий и специалистов бывшего Управления начальника Московской местной бригады. Рассматривая предстоящий призыв как первый опыт, который можно будет затем осуществить во всереспубликанском масштабе, Чрезвычайная комиссия решила призвать в первую очередь 10–12 тыс. человек – рабочих и безработных – в возрасте от 18 до 40 лет^[304].

При обсуждении вопроса о том, кто подлежит призыву и кто освобождается от него, было решено освободить от призыва специалистов, необходимых предприятиям, увечных и тяжело больных, а также уголовный элемент. В тех случаях, когда в армию призывали единственного сына или единственного трудоспособного члена семьи, семьям призываемых было решено выдавать необходимое содержание.

8 июня 1918 г. Чрезвычайная комиссия рассмотрела проект «Наставления по призыву рабочего населения Москвы». В проекте было предусмотрено призвать рабочих Москвы и ее пригородов, родившихся в 1897 и 1896 гг., главным образом тех, кто ранее служил в старой армии, а военнообязанных старших возрастов – по мере необходимости. При этом комиссия считала, что для мобилизации 10–12 тыс. человек будет вполне достаточно призыва двух возрастов, к тому же военкоматы не были подготовлены, чтобы осуществить призыв более двух возрастов^[305]. Одновременно комиссия подготовила проект декрета Совета Народных Комиссаров о призыве рабочих Москвы и ее пригородов^[306]. Призыв было решено объявить 18 июня, а первым днем призыва считать 21 июня 1918 г.^[307]

Но пока Наркомвоен подготавливал призыв рабочих Москвы, положение на фронте настолько усложнилось, что правительство вынуждено было 12 июня 1918 г., не ожидая результатов этого призыва, объявить первый призыв рабочих и трудящихся крестьян пяти возрастов (1897–1893 гг.) в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, где развертывались боевые действия против войск контрреволюционного чехословацкого корпуса^[308]. В решении правительства не содержалось при этом никаких указаний о том, как осуществлять этот призыв; разработка правил и положений по этому вопросу возлагалась на Наркомвоен.

14 июня 1918 г. Наркомвоен ввел в действие «Наставление о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян», на основе которого и должен был осуществляться призыв, объявленный Советом Народных Комиссаров 12 июня 1918 г.^[309] Вслед за этим 18 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров объявил призыв рабочих Москвы и ее пригородов. Призыву подлежали рабочие двух возрастов (1897 и 1896 гг. рождения)^[310]. В декрете объявлялось положение о порядке проведения призыва, разработанное Чрезвычайной комиссией в период с 3 по 12 июня 1918 г. Таким образом, для каждого из двух первых призывов было издано особое Наставление почти тождественной редакции.

Ввиду того что все последующие призывы в ходе гражданской войны осуществлялись на основе «Наставления о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян», объявленного в приказе Наркомвоена от 14 июня 1918 г., это Наставление следует считать основным документом об обязательной военной службе. Что касается других Наставлений, в частности разработанного для призыва в Москве и ее пригородах, то они приобрели лишь частный характер.

Согласно Наставлению, объявленному в приказе Наркомвоена 14 июня 1918 г., при уездных военкоматах (а в городах с районным делением – при райвоенкоматах) учреждались приемные комиссии под председательством уездного или районного военного комиссара. В состав каждой комиссии входили в качестве членов: военный руководитель военкомата, два врача, представитель профсоюзов, представители уездного Совета и волостного военкомата (или волостного Совета той волости, граждане которой призывались). Наблюдение за деятельностью уездных комиссий возлагалось на приемную комиссию, образованную при губернском (областном, окружном) военкомате под председательством губернского (областного, окружного) военкома. В состав членов губернских комиссий входили соответствующие представители губернских (областных, окружных) учреждений и общественных организаций. В уездах,

имевших большое число призываемых или занимавших обширную территорию, для ускорения и удобства призыва разрешалось создавать дополнительные призывные пункты. Для этих пунктов должны были создаваться отдельные приемные комиссии на общих основаниях.

Декретом от 17 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров учредил Высшую приемную комиссию при Московском военкомате, на которую возлагалось наблюдение за деятельностью всего призывного аппарата^[311].

Важное значение для правильной организации системы обязательной военной службы приобретал вопрос об освобождении от призыва отдельных групп военнообязанных. Повальная мобилизация, без учета нужд государственных органов и народного хозяйства, могла нанести серьезный ущерб делу обороны Республики. Это обстоятельство не было учтено с достаточной полнотой ни Чрезвычайной комиссией, созданной 2 июня 1918 г., ни Наркомвоеном. В Наставлении для проведения призыва рабочих Москвы и ее пригородов было указано, что «от приема на военную службу освобождаются комиссиями, кроме неспособных к службе, только лица, недостойные служить в армии по своим нравственным качествам»^[312]. В то же время «Наставление о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян», объявленное в приказе Наркомвоена от 14 июня 1918 г., кроме лиц, не способных к службе, и лиц, недостойных служить в армии по своим нравственным качествам, предусматривало освобождение от военной службы служащих на железных дорогах и квалифицированных рабочих в числе, не превышающем 5 % всех принятых в уезде на военную службу.

Ввиду отсутствия учета военнообязанных Наставление устанавливало порядок, согласно которому одновременно с объявлением призыва все фабричные, торгово-промышленные и другие предприятия и заведения, а также волостные, сельские и в городах домовые комитеты обязывались представлять в военкоматы именные списки работающих и проживающих у них служащих, рабочих и крестьян с указанием возраста. Эта мера обеспечивала контроль за явкой военнообязанных на призывные пункты.

Имея в виду, что без налаженного учета военнообязанных проведение дальнейших призывов будет затруднено, Совет Народных Комиссаров 29 июля 1918 г. принял декрет «О принятии на учет годных к военной службе граждан в возрасте от 18–40 лет»^[313]. Согласно этому декрету, все граждане в возрасте от 18 до 40 лет объявлялись военнообязанными и по первому призыву правительства должны были явиться на военную службу. Декрет вводил в действие утвержденное Наркомвоеном «Временное руководство для учета военнообязанных». Ведение учета возлагалось на волостные и уездные (а в городах с районным делением – на районные) военкоматы.

Основным учетным документом военнообязанного устанавливалась «Личная карточка», в которой заполнялись графы о годности или освобождении военнообязанного от военной службы, о военной специальности, воинском звании, образовании, профессии и др. Всего в «Личной карточке» было 23 графы. Но среди них не было граф о социальном происхождении и социальном положении, а также о партийной принадлежности военнообязанного^[314]. Отсутствие этих данных в «Личной карточке» приводило на практике к нарушению принципов укомплектования Красной Армии по классовому признаку и засорению ее рядов классово чуждыми элементами. Но чтобы в той спешке, в которой проводилась мобилизация, увидеть это, нужны были месяцы, а времени было в обрез, детально изучать каждое положение об обязательной военной службе не было возможности, армию было необходимо создавать немедленно.

Вслед за первой мобилизацией рабочих Москвы и ее пригородов, когда в ряды Красной Армии были призваны рабочие 1897 и 1896 гг. рождения, 2 июля 1918 г. был объявлен призыв рабочих этих же возрастов в Петрограде и его пригородах и проведена мобилизация рабочих Москвы, родившихся в 1895–1893 гг., ранее служивших в артиллерии и инженерных войсках^[315]. Так начался период частичных мобилизаций, который продолжался до 29 августа 1918 г. Второй период – период общих мобилизаций – начался 11 сентября 1918 г. и длился до конца гражданской войны.

15 июля 1918 г. Высший Военный Совет обсудил итоги хода первых мобилизаций. Было признано, что хорошо подготовленный призыв рабочих Москвы прошел с полным успехом и дал Красной Армии пополнение до 10 тыс. человек. Одновременно Высший Военный Совет признал,

что мобилизация рабочих и трудящихся крестьян в трех восточных военных округах в силу развернувшихся здесь военных действий прошла неудачно и не дала желаемых результатов^[316].

Успех призыва в Москве и неудача мобилизации в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах натолкнули Высший Военный Совет на мысль о том, чтобы провести ряд мобилизаций в среде рабочего класса. Всероссийскому главному штабу было поручено разработать план этих мобилизаций^[317].

18 июля Совет Всероссийского главного штаба в докладе коллегии Наркомвоена изложил основы плана мобилизации рабочих^[318]. Этим планом предусматривалось мобилизовать в Москве и Петрограде рабочих, родившихся в 1895–1893 гг., и на этом прекратить дальнейшие призывы рабочих указанных городов. Совет Всероссийского главного штаба предполагал, что эти призывы дадут Красной Армии пополнение до 25 тыс. человек. Все последующие призывы предполагалось осуществить в Московской, Петроградской, Владимирской и Нижегородской губерниях. План предусматривал мобилизовать здесь рабочих, родившихся в 1897–1896 гг.^[319]

23 июля эти предложения обсуждались Высшим Военным Советом и были приняты. Из призванных рабочих решено было сформировать 1-ю Владимирскую, 1-ю Новгородскую, 1-ю Нижегородскую, 2-ю Московскую, 5-ю Московскую, 6-ю Московскую, 2-ю Петроградскую и 3-ю Петроградскую пехотные дивизии. В случае нехватки людей для формирования этих дивизий намечалось призвать в названных губерниях рабочих, родившихся в 1895–1893 гг.^[320] 29 июля были призваны рабочие Москвы и Петрограда, родившиеся в 1895–1893 гг., и рабочие Московской, Петроградской, Владимирской, Нижегородской, Вятской и Пермской губерний, родившиеся в 1897–1896 гг.^[321] В августе были проведены еще три призыва рабочих; при этом мобилизация затрагивала как те районы, где проводились призывы в июне – июле, так и новые районы, в частности Иваново-Вознесенскую и Костромскую губернии. 15 августа были призваны рабочие Московской, Петроградской и Владимирской губерний, родившиеся в 1895–1893 гг., 18 августа – рабочие Московской, Петроградской и Владимирской губерний, родившиеся в 1895–1893 гг., ранее служившие в артиллерии, инженерных и технических войсках, и рабочие Нижегородской губернии, родившиеся в 1895–1893 гг., а также рабочие, родившиеся в 1892–1888 гг., ранее служившие в артиллерии, инженерных и технических войсках^[322], 26 августа были призваны рабочие Иваново-Вознесенской и Костромской губерний, родившиеся в 1897–1896 гг., и рабочие, родившиеся в 1895–1893 гг., ранее служившие в артиллерии, инженерных и технических войсках^[323]

По существу это был период мобилизации рабочих в Красную Армию, так как из 15 призывов рядового состава, проведенных с 12 июня по 29 августа, 11 призывов распространялись только на рабочих и не затрагивали трудящихся крестьян. Наибольшая нагрузка во время этих призывов приходилась на Москву и Петроград, а также Московскую, Петроградскую, Владимирскую и Нижегородскую губернии, в которых было проведено не только большее число мобилизаций рабочих, но было мобилизовано и большее число возрастных групп. В то же время 2 августа в Московской, Петроградской, Владимирской, Нижегородской, Вятской и Пермской губерниях был объявлен специальный призыв рабочих – бывших унтер-офицеров, родившихся в 1898–1895 гг.

После первого призыва, объявленного 12 июня 1918 г. в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, последовал еще ряд призывов: 27 июля^[324] были призваны рабочие и крестьяне 1897–1893 гг. рождения в Верхотурском и Кунгурском уездах Екатеринбургского округа, а также в Сердобском и Кузнецком уездах Саратовской губернии, 15 августа – крестьяне 1897–1896 гг. рождения в Вятской губернии, 23 августа – рабочие и крестьяне 1900–1899 гг. рождения в Орловском военном округе, 29 августа – рабочие и трудящиеся крестьяне 1897–1893 гг. рождения в Цивильском, Чебоксарском, Козьмодемьянском, Свияжском, Ядринском и Царевококшайском уездах Казанской губернии^[325]. Если рабочие мобилизации повсеместно прошли с большим успехом^[326], то уже первые мобилизации крестьян показали, что здесь придется преодолевать большие трудности.

Мятежи крестьян против мобилизации произошли во многих уездах. Наиболее крупный мятеж произошел в ночь с 5 на 6 августа в Велижском уезде, где был разогнан Совет и убит военком^[327]. 10 августа из Богородска писали, что в районе Ильинского погоста подняли мятеж кулаки, вооруженные винтовками и пулеметами^[328]. Орловский окружной военкомат сообщал, что в связи с объявлением мобилизации заметно усилилась контрреволюционная агитация, а

кое-где имели место мятежи. 19 августа в Ливенском уезде Орловской губернии левые эсеры организовали мятежи в 12 волостях. Имея в своем распоряжении около 2 тыс. штыков, мятежники захватили Ливны, расстреляли четырех уездных военкомов и других советских работников. Мятежи произошли в Малоархангельском уезде Орловской губернии, в дер. Рудня Воронежской губернии и других местах^[329].

Во многих местах были отмечены случаи отказа от регистрации явки по мобилизации. 29 августа из Почапа Орловской губернии сообщали, что большинство военнообязанных отказывается от явки по мобилизации. В Волхове из 183 призванных явилось лишь 100 человек^[330].

На ход мобилизации и формирования Красной Армии влияли не только трудности классовой борьбы, но и общая разруха страны, не позволявшая планомерно снабжать армию всем необходимым. По сообщению из Борисоглебска Тамбовской губернии от 23 июля 1918 г., «Военный Комиссариат приказал вновь мобилизованных солдат численностью 256 человек отпустить на полевые работы до 1 августа ввиду того, что для всех мобилизованных не хватало обмундирования и вооружения»^[331]. Из Рязани 23 августа писали, что препятствием к организации Красной Армии служит недостаток продовольствия^[332]. Тамбовский губернский военкомат сообщил 25 августа, что «мобилизация не производится из-за недостатка вооружения и снаряжения»^[333]. Такие же известия десятками поступали из других мест.

И все же, несмотря на все эти трудности, первые мобилизации дали Красной Армии значительное пополнение. Только с 12 июня по 29 августа в Красную Армию было призвано 540 123 человека^[334]. Призыв рабочих – унтер-офицеров, объявленный 2 августа, дал Красной Армии 17 800 человек^[335].

Создавая Красную Армию из рабочих и трудящихся крестьян, Советское правительство признало необходимым привлечь нетрудовой элемент к выполнению разных работ по обслуживанию армии и нужд обороны. В соответствии с этой линией Совет Народных Комиссаров принял решение о создании тылового ополчения. Согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 20 июля 1918 г., призыву в тыловое ополчение подлежали все граждане в возрасте от 18 до 45 лет, которые не зачислялись в Красную Армию. Призыв в тыловое ополчение должен был производиться одновременно с призывом в Красную Армию по одним и тем же территориальным районам и возрастным категориям. За неявку по призыву в тыловое ополчение виновный предавался суду и подвергался лишению свободы с принудительными работами не менее чем на два года и конфискации всего имущества.

Из ополченцев формировались безоружные рабочие батальоны, роты и команды для окопных, строительных, дорожных и других работ. Все командные должности в этих частях замещались лишь военными служащими Красной Армии.

Первый призыв в тыловое ополчение был объявлен 29 августа 1918 г. в шести уездах Казанской губернии (Цивильском, Чебоксарском, Козьмодемьянском, Свияжском, Ядринском и Царевококшайском) для ополченцев пяти возрастов (1897–1893 гг. рождения). В том же году последовали еще четыре призыва: в Приволжском, Московском, Петроградском и Орловском военных округах. В результате всех этих призывов в тыловое ополчение было привлечено 19 возрастов с общим числом призванных 5799 человек^[336].

Интервенция и гражданская война остро поставили вопрос об укомплектовании армии командным составом. Если в первые месяцы военного строительства потребность в командных кадрах немногочисленной, основанной на добровольческом принципе комплектования Красной Армии удовлетворялась сравнительно легко, то с переходом к строительству советских вооруженных сил на основах обязательной военной службы, когда полки, бригады и дивизии формировались на основе единых штатов, нужно было в короткие сроки дать армии тысячи командиров. По данным Всероссийского главного штаба, потребность Красной Армии в командном составе к лету 1918 г. превышала 55 тыс. человек^[337].

Рассчитывать на то, что эта потребность сможет быть удовлетворена за счет командных курсов и бывших офицеров, добровольно вступающих в ряды Красной Армии, было нельзя. Поэтому приходилось принудительно призывать на службу бывших офицеров и других военных специалистов старой армии. Это, конечно, была нелегкая задача, к тому же Советскому правительству приходилось решать ее в очень сложных условиях. В. И. Ленин указывал, что «задача соединить вооружение рабочих и крестьян с командованием бывших офицеров, которые

большой частью сочувствуют помещикам и капиталистам, есть труднейшая задача»^[338]. Правда, к тому моменту, когда встал этот вопрос, в Красной Армии был создан институт военных комиссаров, и в частях и соединениях имелись сотни коммунистических ячеек, которые могли обеспечить контроль над деятельностью старых военных специалистов.

Большое значение в решении этой задачи имели, в частности, такие мероприятия, как отмена выборности командного состава, осуществленная еще весной 1918 г. Как уже отмечалось, в соответствии с курсом на использование старых военных специалистов 21 марта было отменено выборное начало в армии. Через месяц, 22 апреля 1918 г., ВЦИК принял декрет о порядке замещения должностей в Красной Армии. Декрет исключал выборное начало и устанавливал строгий порядок назначения командного состава^[339].

Учитывая, что среди бывших офицеров и военных чиновников, получивших возможность добровольно вступать в ряды Красной Армии, могут оказаться и лица, которые будут стремиться к подрыву армии изнутри, партия и правительство приняли необходимые меры к тому, чтобы закрыть доступ в Красную Армию враждебным элементам. Для этой цели было установлено предварительное аттестование всех лиц, выразивших желание занять командные должности в армии, при этом списки кандидатов на замещение командных должностей должны были публиковаться в печати. Для аттестования бывших офицеров на командные должности в Наркомвоене еще 1 апреля 1918 г. была создана Аттестационная комиссия^[340]. 16 мая 1918 г. Наркомвоен преобразовал Аттестационную комиссию в Высшую аттестационную комиссию^[341].

Для приема на службу лиц командного состава и их аттестования Наркомвоен разработал и ввел в действие «Временные правила», которые были объявлены в приказе Наркомвоена 18 июня 1918 г.^[342] Согласно «Временным правилам», каждый желавший занять командную должность в Красной Армии был обязан подать заявление в местный военкомат. Военкоматам вменялось в обязанность публиковать в печати фамилии лиц, выразивших желание поступить на службу в Красную Армию, с краткими данными о их прежней служебной деятельности. Всем гражданам предоставлялась возможность в 10-дневный срок после первой публикации сделать заявление об этих лицах.

В развитие «Временных правил» приема на службу лиц командного состава и порядка их аттестования 22 июня 1918 г. Наркомвоен ввел в действие проект «Временных правил о зачислении в резерв лиц командного состава для назначения на командные должности в формируемой армии»^[343]. Резервы образовывались при окружных военных комиссариатах и штабах дивизий. Для военных округов величина резерва устанавливалась в 15 % и для дивизий – в 85 % штатного состава командиров частей, учреждений и заведений округа и дивизий.

Создание резервов командных кадров имело большое практическое значение в военном строительстве. Резерв превращался в своеобразный фильтр, не пропускавший в Красную Армию тех старых военных специалистов, которые не заслуживали доверия Советского государства.

Указанные мероприятия открывали доступ в Красную Армию лучшим представителям старой военной интеллигенции, добровольно соглашавшимся занять командные должности, и создавали необходимые условия для принудительного набора бывших офицеров, военных чиновников и других старых военных специалистов в Красную Армию.

Мысль об использовании старых военных специалистов получила одобрение V Всероссийского съезда Советов. В постановлении «Об организации Красной Армии» съезд, отметив необходимость дальнейшей подготовки советских командных кадров, проникнутых идеями Великой Октябрьской социалистической революции, указал в то же время на необходимость широкого использования опыта и знаний многочисленных военных специалистов из числа офицеров старой армии.

Первый призыв старых военных специалистов был объявлен постановлением Совета Народных Комиссаров от 29 июля 1918 г. В Красную Армию были призваны бывшие офицеры, военные чиновники, военные врачи и младший медицинский персонал (фармацевты, фельдшеры и лекарские помощники) шести возрастов – 1897–1892 гг. рождения^[344]. Этот призыв не носил общереспубликанского характера и проводился лишь в Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской и Пермской губерниях, а также в угрожаемых районах Восточного фронта – в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, где по декрету Совета Народных Комиссаров от 12 июня 1918 г. была проведена первая массовая мобилизация трудящихся.

В постановлении Совнаркома указывалось, что призыв должен быть проведен на основании «Наставления о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян», объявленного в приказе Наркомвоена от 14 июня 1918 г. Советское правительство подтверждало порядок зачисления старых военных специалистов на службу в Красную Армию, установленный в декрете ВЦИК от 22 апреля 1918 г. и приказах Наркомвоена № 468 и 472. Все призванные бывшие офицеры и военные чиновники должны были зачисляться в резерв и распределяться по войскам лишь после аттестования их в установленном порядке^[345]. На медицинский персонал этот порядок не распространялся.

Все дальнейшие призывы бывших офицеров и военных чиновников проводились по этому принципу.

Образование фронтов Гражданской войны

Несмотря на то, что выступления против Советской власти не стихали с момента Октябрьской революции, широкомасштабная гражданская война началась с мятежа чехословацкого корпуса, когда в течение первой недели июня 1918 г. чехословаки захватили Самару, Курган, Омск и много других населенных пунктов.

Советское правительство в течение некоторого времени с начала чехословацкого мятежа не предпринимало решительных действий к организации вооруженных сил на возникшем фронте. Как отмечал В. И. Ленин, «На чехословацкое восстание многие сначала смотрели, как на эпизод контрреволюционных бунтов»^[346]. Но уже 30 мая Совет Народных Комиссаров сделал первый шаг к организации вооруженных сил на востоке. В Москву был вызван руководитель большевиков Северо-Западной области бывший главнокомандующий старым Западным фронтом А. Ф. Мясников, которого Совет Народных Комиссаров назначил главнокомандующим всеми войсками, боровшимися против мятежного чехословацкого корпуса и белогвардейцев на востоке страны^[347].

А. Ф. Мясников сумел в короткий срок провести известную работу по организации войск. Все они были распределены по участкам. Войска, действовавшие из района Уфы в направлении на Миассы (командующий И. М. Малышев), из района Уфы в направлении на Кинель (командующий Блохин) и из района Екатеринбурга в направлении на Челябинск и Шадринск (командующий Р. И. Берзин) были сведены в так называемый Восточный чехословацкий фронт. Общее руководство войсками этого фронта по просьбе А. Ф. Мясникова со 2 июня взял на себя Н. И. Подвойский. Войска Урало-Оренбургского фронта, действовавшие из района Сызрани в направлении на Самару, составили так называемый Западный чехословацкий фронт, руководство которым взял на себя непосредственно А. Ф. Мясников. Несколько особняком стояла группа войск Ржевского, действовавшая в районе Саратова в направлении на Самару, и группа войск в районе Полетаева – Челябинск, которой руководил военкомат Троицка^[348]. На Восточном фронте уже в июне была начата работа по сведению отрядов в регулярные полки и Дивизии.

Однако в связи с просьбами большевистских партийных и советских организаций Северо-Западной области А. Ф. Мясников вскоре был отозван, и 13 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров образовал Революционный военный совет (РВС) для руководства операциями советских войск против чехословацкого мятежа и опиравшейся на него буржуазно-помещичьей контрреволюции. РВС был сформирован в составе главнокомандующего бывшего офицера левого эсера М. А. Муравьева и двух военных комиссаров: Г. И. Благоданова и П. А. Кобозева^[349]. Создание РВС положило начало образованию централизованной организации советских войск, действовавших в районе Поволжья, Урала и Сибири, – Восточному фронту. К этому времени на огромном фронте, протяжением почти в 1500 верст, были разбросаны сотни отрядов советских войск, в рядах которых насчитывалось до 20 тыс. штыков^[350].

Когда стало ясно, что чехословацкий мятеж не является эпизодом контрреволюционных бунтов, ЦК РКП (б) и Совет Народных Комиссаров потребовали срочной отправки отрядов рабочих из Центральной России на Восточный фронт.

Непрерывный приток отрядов из разных городов Советской республики на Восточный фронт позволил значительно увеличить общую численность войск, сражавшихся с чехословацкими мятежниками и белогвардейцами. Уже к концу июня 1918 г. на Восточном фронте насчитывалось более 50 тыс. бойцов, имевших на вооружении 366 пулеметов и 133 орудия^[351].

Возникновение Восточного фронта как бы застало врасплох Высший Военный Совет. Увлечшись строительством завесы, ВВС упустил события на возникших фронтах, особенно на востоке страны. По признанию военного руководителя Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича, «чехословацкая угроза еще не казалась реальной. От немцев же, упоенных Брестским миром, можно было ждать любых неожиданностей»^[352]. В соответствии с этой оценкой стратегического положения страны Высший Военный Совет не предпринял никаких реальных шагов к тому, чтобы затушить возникший на востоке пожар в самом его начале. Ни одной директивы, ни одного приказа, ни одного отряда войск Высший Военный Совет не послал на Восточный фронт до августа 1918 г., хотя все внимание ЦК РКП (б) и Советского правительства уже с июня было приковано к событиям, разыгравшимся в районе Поволжья, Урала и Сибири. Военные специалисты Высшего Военного Совета недооценили важности оперативного руководства войсками Восточного фронта. Они привыкли к тому, что главной их заботой должен быть фронт внешний (австро-германский блок), а не внутренний (особенно отечественная контрреволюция).

Руководство организацией и оперативной деятельностью войск Восточного фронта сосредоточилось в оперативном отделе Наркомвоена (Оперод), во главе которого был инициативный и энергичный начальник бывший штабс-капитан большевик С. И. Аралов^[353].

Создание РВС для руководства операциями советских войск против чехословацкого мятежа было встречено на Восточном фронте с удовлетворением.

В июне – июле 1918 г. интервенты и белогвардейцы значительно усилили свой натиск. Активизировалась и контрреволюция во внутренних районах страны. Англичане вслед за первым десантом высадили в Мурманске еще свыше 10 тыс. солдат и вскоре заняли Кемь и Сороки и стали развивать наступление к востоку. Германские войска продолжали наступление на юге страны. На Воронежском участке фронта германские войска, перейдя в наступление от Валук до ст. Журавки, к 10 июня вышли на рубеж Калитвы и нацелили свой удар в сторону железнодорожного узла Лиски. У Батайска они вышли на линию Ольгинская – Батайск^[354]. Создавалась реальная угроза оккупации германскими войсками всего юга страны. Англичане захватили Баку, активизировалась контрреволюция в Закаспии, на Северном Кавказе и Дону. Характеризуя военное и общестратегическое положение Советской республики в июле 1918 г., В. И. Ленин говорил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке – мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»^[355]. Внутри страны интервентов и белогвардейцев поддержала эсеро-белогвардейская контрреволюция.

Эсеры и белогвардейцы организовали мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме и ряде других городов страны. Противники Брестского мира – левые эсеры – совершили провокационное убийство германского посла Мирбаха, намереваясь таким путем свергнуть Советскую республику в новую войну с Германией и погубить Советскую власть. Убийство Мирбаха послужило сигналом для начала левоэсеровского мятежа в Москве. В этот критический момент революции главком Муравьев по заданию ЦК партии левых эсеров поднял мятеж на фронте. «Получив известие о восстании левых эсеров в Москве, Муравьев покинул Казань, где находился штаб фронта, и 10 июля прибыл в Симбирск. В этот же день он поднял мятеж и разослал во все концы страны телеграммы о прекращении борьбы с чехословаками и возобновлении войны с Германией. Симбирские большевики, возглавляемые И. М. Варейкисом, не растерялись в этот критический момент. Благодаря их энергичной деятельности, муравьевская авантюра была быстро ликвидирована»^[356]. Во время перестрелки при ликвидации мятежа 11 июля Муравьев был убит.

12 июля Советское правительство сформировало новый РВС Восточного фронта. В его состав вошли И. И. Вацетис (в качестве главкома), К. Х. Данишевский, П. А. Кобозев, К. А. Мехоношин и Ф. Ф. Раскольников (в качестве членов РВС)^[357].

Одновременно, учитывая, что территория Северо-Кавказского военного округа фактически превратилась в театр военных действий, Советское правительство взамен военкомата этого округа образовало 19 июля Военный совет, которому поручалось организовать силы для отпора врагу на юге страны^[358].

В. И. Ленин прекрасно видел, что уже к этому времени ясно вырисовался не только Восточный, но и Южный фронт и намечался третий фронт – Северный. Но, оценивая обстановку, он все же считал, что главная опасность грозит республике на востоке.

Придавая огромное значение организации отпора врагу, В. И. Ленин настойчиво требовал укрепления Восточного фронта, особенно рабочими и коммунистами. В записке руководителям Петроградской партийной организации 20 июля В. И. Ленин писал: «Необходимо двинуть максимум рабочих из Питера:

(1) «вождей» (а la Каюров)^[359]

(2) тысячи «рядовых».

Иначе мы слет им, ибо положение с чехословаками из рук вон плохо...»^[360]

29 июля вопрос о положении на Восточном фронте стал предметом обсуждения в Центральном Комитете РКП (б). В своем постановлении ЦК РКП (б) указал, что вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале. Тем самым Восточный фронт признавался главным фронтом^[361].

В тот же день, 29 июля, состоялось объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. Обсуждался вопрос о военном и общестратегическом положении страны. На заседании было принято решение: «1) Признать Социалистическое Отечество в опасности; 2) подчинить работу всех советских и иных организаций задачам настоящего момента, отражению натиска чехословаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем местности»^[362].

Успешное завершение летних мобилизаций, давших Красной Армии пополнение более 540 тыс. рядовых, 17800 бывших унтер-офицеров и тысячи бывших офицеров и других военных специалистов, позволило до конца лета 1918 г. сформировать ряд дивизий и развернуть полевые армии и фронтовые объединения.

В течение июня – августа 1918 г. из тысяч отрядов, разбросанных по фронтам и находившихся во внутренних районах страны, было сформировано 29 пехотных и одна кавалерийская дивизии. Всего к концу лета 1918 г. в боевом составе Красной Армии насчитывалось 33 пехотные и одна кавалерийская дивизии, из них четыре пехотные дивизии были сформированы еще весной 1918 г.

Особое внимание Советского правительства и лично В. И. Ленина укреплению Восточного фронта позволило в течение лета 1918 г. сформировать здесь 14 пехотных дивизий (Восточную, Инзенскую революционную, Вятскую, Пермскую, Уральскую («Дивизию Уральских полков»), 1-ю Николаевскую, 2-ю Николаевскую, 1-ю Пензенскую, 2-ю Пензенскую, 1-ю Симбирскую железную дивизию, 2-ю Уральскую, 3-ю Уральскую, 4-ю Уральскую и Новоузенскую)^[363].

Активное участие в формировании войск Восточного фронта приняли иностранные коммунисты из бывших военнопленных. В Екатеринбурге, Алапаевске, Кизеле, Лысьве, Перми, Вятке были открыты вербовочные пункты для записи добровольцев в интернациональные отряды. В Уфе, Самаре и других городах, расположенных в полосе Восточного фронта, также создавались отряды интернационалистов. Выдающуюся роль в их организации сыграл чешский писатель Ярослав Гашек, формировавший отряды в Самаре. Большую работу по организации отрядов для Красной Армии проводила Венгерская группа РКП(б), руководимая Бела Куном. На Северо-Урало-Сибирском фронте сражался батальон венгерских интернационалистов под командованием коммуниста Ференца Мюнниха. На Урале сражался отряд китайских коммунистов под командованием Жен Фучена^[364].

С большими трудностями разворачивалось формирование дивизий в завесе и во внутренних военных округах. По майскому плану Высшего Военного Совета намечалось сформировать в течение 1918 г. 88 пехотных дивизий, из них 28 внеочередных. Начавшиеся военные действия потребовали срочной отправки войск на фронт и сломали этот план. В завесе и Московском районе обороны вместо 21 дивизии удалось сформировать 18 пехотных и одну кавалерийскую^[365], а к формированию 7 внеочередных дивизий во внутренних военных округах даже не приступали. Лишь на юге, в Северо-Кавказском военном округе, была сформирована Морозовско-Донецкая пехотная дивизия.

Одновременно с организацией дивизий началась работа по созданию полевых армий. Первые из них появились на Восточном фронте. К концу лета 1918 г. этот фронт приобрел черты регулярной военной организации. В его составе были созданы 1, 2, 3, 4 и 5-я полевые армии^[366].

Но командованию предстояла сложная работа по ликвидации отрядов, сколачиванию частей и соединений и доведению их до необходимой штатной организации, налаживанию штабов фронта, полевых армий и дивизий, а также поднятию боеспособности войск и снабжению их всем необходимым для нормальной боевой деятельности. Восточный фронт был первой регулярной фронтовой организацией Красной Армии, созданной в огне войны. Здесь испытывались организационные формы армии нового типа, проверялись методы военного строительства, воспитания и обучения войск. В этой связи прав А. П. Ненароков, утверждающий, что этот фронт стал школой создания регулярной армии Советской республики^[367].

Направляя главные усилия на организацию и укрепление Восточного фронта, Советское правительство в то же время не упускало из виду организацию безопасности северных и южных рубежей страны. Постановлением Высшего Военного Совета от 4 августа 1918 г. Воронежский район Западного участка завесы был преобразован в Южный участок завесы. Завеса значительно протянулась на восток. Комиссаром этого участка завесы был назначен большевик И. Э. Якир^[368]. 6 августа Высший Военный Совет сформировал Северо-Восточный участок завесы, который протянулся от Мезени (на севере) до Костромы^[369].

Поскольку интервенты, захватив Архангельск, развили в этом районе большую активность, Высший Военный Совет 10 августа включил Архангельский район в состав Северо-Восточного участка завесы и почти на 250 верст отодвинул на запад разграничительную линию этого участка завесы с Северным участком завесы. Беломорский военный округ, превращенный в театр военных действий, расформировывался^[370]. Командующим войсками Северо-Восточного участка завесы был назначен старый большевик М. С. Кедров^[371].

С образованием Южного и Северо-Восточного участков завесы завершился первоначальный этап создания фронтовой организации Советской республики.

Организация войскового тыла

Основы организации войскового тыла были заложены приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. об организации фронтовых объединений, который строго определил боевой состав фронтов и их границы.

Нарезка фронтовых районов с четкими разграничительными линиями была лишь первым шагом в организации войскового тыла. Нужно было определить еще и глубину каждого фронтового района. Хотя такая величина, как глубина фронтового района, не могла быть постоянной и зависела от успехов или неудач войск фронта, тем не менее от установления ее зависели организация и развертывание как войск фронта, так и войскового тыла. При решении этой задачи нужно было учитывать особенности каждого фронтового района, развитость его в экономическом отношении, состояние дорог, железнодорожного и другого транспорта. Шаблон в этом деле мог погубить все самые лучшие начинания. Даже при самом беглом изучении особенностей территорий, на которых развернулись фронты, можно было сразу увидеть их отличия. Так, прикамские и приволжские губернии, на территории которых развернулся Восточный фронт, представляли собой богатейший в экономическом отношении район с важной водной магистралью – Волгой и среднеразвитым железнодорожным транспортом. Северный фронт раскинулся на территории, экономически менее развитой, с весьма ограниченной сетью железных дорог. Южный фронт охватил территории богатейших губерний страны с высокоразвитой сетью железных дорог. Западный район обороны занял территории высокоразвитого сельского хозяйства и промышленности и имел густую железнодорожную сеть.

Учитывая особенности территорий, на которых развернулись фронты, и опыт минувшей войны, РВСР решил нарезать глубокие полосы для каждого фронта. В основу нарезки этих полос были положены железные дороги, находившиеся в полосе фронта. Эти дороги рассматривались как костяк фронта, так как на них намечалось развертывание органов войскового тыла. Глубокая нарезка фронтовой полосы позволяла выделить каждому фронту независимые железнодорожные магистрали, которые надежно связывали бы полевые армии фронтов с источниками их питания – государственной базой, расположенной в Московском и Ярославском военных округах; она не допускала бы тесноту войскового тыла и создавала бы возможность для широкого маневра силами и средствами из глубины и по фронту. 7 октября 1918 г. РВСР выделил каждому фронту сеть военных железных дорог и определил их тыловые границы^[372].

Тыловая граница железных дорог Северного фронта была намечена по линии Витебск, Новосокольники, Великие Луки, Ржев, Савелово, Рыбинск, Данилов, Нижний Новгород; Восточного фронта – Нижний Новгород, Арзамас, Рузаевка, Пенза, Ртищево; Южного фронта – Льгов, Курск, Орел, Елец, Козлов; Западного района обороны – Торжок, Ржев, Вязьма, Калуга.

Таким образом, в сентябре – октябре 1918 г. РВСР четко определил полосу каждого фронта.

Северный фронт был очерчен линией, проходившей через Гдов, Лугу, Новгород, Валдай, Торжок, Ржев, Савелово, Рыбинск, Данилов, Нижний Новгород, Балахну, Яранск, Глазов, Чердынь. Глубина полосы фронта колебалась от 250 км (на северо-востоке – район Чердыни) до 700 км (направление Балахна, Шенкурск)^[373]. Фронт имел общую протяженность до 1700 км^[374]. Полоса Северного фронта включала территорию почти всей Петроградской, Новгородской, Петрозаводской и Вологодской губерний, а также части Вятской и Нижегородской губерний и почти полностью Ярославскую губернию. В полосе фронта для нужд его войск имелось пять железнодорожных магистралей: Петроград – Вологда – Вятка – Пермь – Екатеринбург, Новгород – Петрозаводск, Москва – Петроград, Москва – Ярославль – Вологда – Архангельск, Вятка – Котлас.

Восточный фронт был очерчен линией, проходившей через Чердынь, Глазов, Яранск, Балахну, Нижний Новгород, Арзамас, Рузаевку, Пензу, Ртищево, ст. Баланда, с. Золотое на Волге, Александров Гай, Калмыков на р. Урал. Глубина полосы фронта (после освобождения Красной Армией Казани, Симбирска, Вольска, Чистополя, Красноуфимска, Сызрани и Самары) колебалась от 150 км (направление Александров Гай, Уральск) до 500 км (направление Нижний Новгород, Казань, Бугульма). Фронт имел общую протяженность до 1500 км. Полоса Восточного фронта включала территорию большей части Пермской и Вятской губерний, части Саратовской, Самарской и Пензенской губерний и целиком Нижегородскую, Казанскую и Симбирскую губернии. Через полосу фронта проходило четыре железнодорожные магистрали: Москва – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург, Москва – Арзамас – Симбирск, Москва – Арзамас – Пенза – Сызрань – Самара – Уфа – Златоуст, Москва – Козлов – Ртищево – Саратов – Урбах – Астрахань.

Южный фронт был очерчен линией, проходившей через Чериков, Климовичи, Рославль, Калугу, Орел, Елец, Козлов, Кирсанов, Ртищево, ст. Баланда, с. Золотое на Волге, Александров Гай, Калмыков на р. Урал. Глубина полосы фронта колебалась от 100 км (направление Балашов, Новохоперск) до 750 км (направление Александров Гай, Царицын). Фронт имел общую протяженность, превышавшую 1500 км. Полоса Южного фронта включала части Тульской, Калужской, Смоленской, Могилевской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской губерний, почти всю Донскую область и полностью Орловскую губернию. Через полосу фронта проходили важнейшие железнодорожные магистрали страны, связывающие продовольственные и сырьевые районы юга с центром Республики: Москва – Тула – Орел – Курск – Харьков – Ростов-на-Дону, Москва – Рязань – Козлов – Воронеж – Ростов-на-Дону, Москва – Рязань – Козлов – Тамбов – Балашов – Камышин, Москва – Рязань – Грязи – Борисоглебск – Царицын. Кроме основных магистралей, большое значение приобретали железнодорожные линии, связывавшие Южный фронт с другими фронтами и главные магистрали друг с другом. Такими линиями были: Смоленск – Рославль – Брянск – Льгов – Харьков, Москва – Калуга – Брянск, Ржев – Вязьма – Калуга – Тула – Ряжск – Пенза, Смоленск – Брянск – Орел – Елец – Грязи – Борисоглебск, Воронеж – Курск – Ворожба, Балашов – Новохоперск – Харьков, Царицын – Каменская.

Западный район обороны был очерчен линией, проходившей через Гдов, Лугу, Новгород, Валдай, Торжок, Ржев, Вязьму, Калугу, Рославль, Климовичи, Чериков. Глубина полосы Западного района обороны колебалась от 500 км (направление Новгород, Псков) до 700 км (направление Торжок, Новосокольники). Западный район обороны имел общую протяженность до 800 км. Полоса Западного района обороны включала целиком Псковскую и Витебскую губернии, части Смоленской, Могилевской, Новгородской и Петроградской губерний. Полоса Западного района обороны имела густую, хорошо развитую сеть железных дорог: Москва – Ржев – Великие Луки; Москва – Вязьма – Смоленск – Витебск, Москва – Тверь – Валдай – Дно – Псков, Торжок – Ржев – Вязьма – Калуга – Тула, Петроград – Дно – Новосокольники – Невель – Витебск – Смоленск, Витебск – Смоленск – Ельня – Козлов, Витебск – Смоленск – Рославль – Брянск, Петроград – Луга – Псков.

Площадь каждого фронтового района была столь обширна, что на ней свободно могли разместиться Бельгия, Голландия, Дания и Франция вместе взятые.

Разграничительные линии, установившие тыловую границу железнодорожной сети каждого фронта, в совокупности наметили разделение всей территории Советской республики на фронтовой и тыловой районы. В тыловой район входили Московская, Владимирская, Тульская и Рязанская губернии, части Ярославской, Тамбовской и Пензенской губерний и незначительные части Костромской, Нижегородской, Тверской, Смоленской и Калужской губерний. В целом площадь тылового района не превышала 350 тыс. км². Вся остальная территория Советской республики либо находилась под властью белогвардейцев и интервентов, либо представляла собой театр военных действий.

Выделение фронтам сети железных дорог было лишь началом организации войскового тыла. Нужно было организовать работу всех видов транспорта, особенно железнодорожного. К моменту развертывания войскового тыла железнодорожный транспорт страны переживал тяжелейший кризис, начавшийся еще в дни войны 1914–1918 гг. Развитие интервенции и гражданской войны нанесло железнодорожному транспорту Советской республики тягчайшие раны. Всего к началу сентября 1918 г. в Советской республике осталось железных дорог общей протяженностью в 20 950 верст, 8989 паровозов и 274 058 вагонов, из них 3730 паровозов и до 38 тыс. вагонов были «больными»^[375].

Тяжелое положение железнодорожного транспорта заставило Советское правительство обратить особое внимание на изыскание возможностей для широкого использования водного и автомобильного транспорта. Однако состояние этих видов транспорта не сулило ничего хорошего.

К осени 1918 г. Советская республика располагала только Волго-Невско-Северо-Двинской речной системой. В течение 5–6 месяцев навигации 1918 г. речной транспорт имел в своем распоряжении лишь 22,8 % общей длины речных путей страны, остальные водные пути находились на оккупированной территории. Положение с материальной частью речного торгового флота было также весьма тяжелым. К концу 1918 г. Советская республика имела 6543 речных судна, из которых для перевозок можно было использовать всего лишь 1572 судна^[376]. Остальные требовали текущего и капитального ремонта, а часть была вовсе непригодна для эксплуатации. Еще хуже обстояло с морским транспортом. Империалистическая война, развитие интервенции и гражданской войны нанесли морскому транспорту тяжелые раны. Всего к концу 1918 г. Главвод располагал лишь 54 судами общим тоннажем в 69 тыс. регистровых тонн. Все суда находились в управлении водного транспорта Балтийского моря. Остальной морской торговый флот был частью потоплен, частью захвачен врагом^[377].

Не лучше обстояло дело и с автомобильным транспортом. Как известно, автомобильный транспорт в России не был достаточно развит. Шесть автомобильных заводов не могли удовлетворить потребности страны в автомобилях^[378]. В декабре 1916 г. в стране насчитывалось 25 500 автомобилей. Из них армию обслуживало 22 тыс. автомобилей. В ходе мировой войны автотранспорт понес огромные потери, и в 1918 г. в Советской республике насчитывалось не более 9 тыс. автомобилей разного типа^[379]. Отсутствие горючего и смазочных материалов, а также запасных частей, почти полное прекращение ремонта повели к тому, что и из этого числа автомобилей значительная часть выбыла из строя^[380].

Таким образом ни водный, ни автомобильный транспорт не могли обеспечить военные перевозки. Вся тяжесть перевозок легла на разрушенный железнодорожный транспорт.

В условиях тяжелой транспортной разрухи умелая организация работы железнодорожного транспорта могла компенсировать многое и обеспечить нужды фронта. С усилением интервенции и гражданской войны важное значение приобрела организация управления военными железными дорогами. До августа 1918 г. существовала децентрализованная система организации и эксплуатации военных дорог. Во Всероссийском главном штабе и в Высшем Военном Совете имелись управления военных сообщений (УВОСО). Военными перевозками во внутренних районах страны ведало УВОСО Всероссийского главного штаба, а на театре военных действий – УВОСО Высшего Военного Совета^[381]. В целях сосредоточения усилий всех органов управления военными сообщениями было решено слить оба УВОСО. Слияние произошло путем присоединения УВОСО Всероссийского главного штаба к УВОСО Высшего Военного Совета и оформлено приказом Наркомвоена от 30 июля 1918 г.^[382]

На органы ВОСО возлагалась главная работа по организации войскового тыла действующей армии. Они должны были заботиться о развитии рельсовых, водных и грунтовых путей, о строительстве полевых железных дорог, эксплуатации автоколонн, службе этапов, руководить этапными и рабочими войсками, обеспечивать передвижение войск и грузов, работу почтовой и телеграфной служб и, наконец, обеспечивать раненых и больных воинов санитарным обслуживанием. С образованием Реввоенсовета Республики УВОСО Высшего Военного Совета перешло в ведение Полевого штаба.

Произведя нарезку сети фронтовых железных дорог, РВСР установил порядок управления военными сообщениями. Начальники УВОСО Северного и Восточного фронтов, а также Московского и Воронежского округов путей сообщения были подчинены УВОСО РВСР. В каждой армии вводилась должность заведующего воинскими перевозками. Все задания по воинским перевозкам должны были даваться через начальника УВОСО РВСР соответствующим органам Наркомпути и осуществляться округами путей сообщения^[383].

В связи с тем, что УВОСО к этому времени были созданы только на Северном и Восточном фронтах, а остальные фронты обслуживались УВОСО Московского и Воронежского округов путей сообщения, РВСР приказом от 25 октября 1918 г. переименовал УВОСО Московского и Воронежского округов путей сообщения соответственно в УВОСО Западного района обороны и УВОСО Южного фронта. Так была создана единая организация ВОСО Красной Армии.

Разграничение войсковых районов фронтов и создание службы ВОСО позволили начать развертывание органов войскового тыла. Приступая к этой работе, советское военное командование использовало опыт, накопленный при строительстве завесы, и те материальные средства, которые удалось сохранить после окончания первой мировой войны.

После заключения мирного договора в Брест-Литовске быстро развернулась работа по расформированию фронтовых управлений старой армии. Фронтовые власти, расформировывая свои учреждения, упраздняли и многочисленные органы войскового тыла. Они расформировывали интендантские учреждения: магазины, вещевые склады, железнодорожные продовольственные пункты. Холодильники, сухарные заводы, хлебопекарни и многие другие интендантские учреждения передавались Советам^[384]. В интересах использования этих учреждений для нужд создающейся Красной Армии Высший Военный Совет приостановил эти действия фронтовых властей старой армии. 6 июня 1918 г. Наркомвоен потребовал от местных Советов передать военным властям все продовольственные магазины, склады, хлебопекарни, сахаросушительные, сухарные и галетные заводы и другие военные учреждения, которые они получили от старой армии^[385].

Сохранение значительного числа учреждений войскового тыла старой армии позволило быстро организовать войсковой тыл завесы и создать органы тыла в важнейших военных округах. Для снабжения войск завесы были сформированы три главные базы – в Череповце, Ярославле и Ельце. Каждая такая база имела 10 интендантских магазинов, при помощи которых она снабжала войска завесы. Для снабжения войск Московского военного округа в Москве была создана главная база, а в Туле, Калуге, Рязани, Орше и Рославле – промежуточные базы. По такому же принципу строилось снабжение в Ярославском военном округе. Здесь, кроме главной базы в Ярославле, были созданы промежуточные базы в Бежице, Мологе и Твери^[386].

Большое значение для организации баз Красной Армии приобрела работа по эвакуации имущества старой армии с запада в глубь страны. Эвакуированное военное имущество было сконцентрировано в четырех районах: к северо-востоку от Москвы – в Муроме, Коврове, Шуе, Рыбинске, Буге, Галиче, Череповце и Вологде; к юго-востоку от Москвы – в Ельце, Рязане, Козлове, Кирсанове, Грязях и Тамбове; в районе Среднего Поволжья – в Пензе и Саратове, в районе северо-востока – в Вятке и Перми^[387].

Военное имущество, осевшее к северо-востоку от Москвы, послужило для создания главной базы Северного фронта; имущество, сконцентрированное в районе Перми, Вятки, Пензы и Саратова, – для формирования главной базы Восточного фронта, а эвакуированное к юго-востоку от Москвы – для создания главной базы Южного фронта. Главная база Северного фронта была создана в Ярославле, Восточного фронта – в Нижнем Новгороде и Южного фронта – в Тамбове^[388].

Советскому командованию удалось сохранить значительное число медико-санитарных учреждений и медицинского имущества старой армии, что позволило уже к середине октября

1918 г. создать базы медико-санитарной службы, развернуть эвакуационные пункты, санитарные поезда, эвакуогоспитали и другие медико-санитарные учреждения Красной Армии. Так, в Москве, Казани, Бобруйске, Воронеже, Ярославле, Курске, Костроме и Новгороде были созданы стационарные базы военно-аптечного имущества; в Саратове, Арзамасе, Орле, Царицыне, Смоленске, Нижнем Новгороде и Петрограде – полевые базы военно-аптечного имущества; в Вологде, Тихвине, Твери, Владимире, Перми, Свияжске, Рузаевке, Покровске и Тамбове – подвижные полевые магазины военно-аптечного имущества. В распоряжении Главного военно-санитарного управления Красной Армии имелось 38 эвакуопунктов, 209 санитарных поездов, 111 эвакуогоспиталей, 46 полевых запасных госпиталей и 43 постоянных лечебных учреждения. В военных госпиталях было более 52 тыс. коек^[389].

Маневренный характер гражданской войны, отсутствие сплошной линии фронта и подготовленных укрепленных позиций не позволяли держать стационарные базы фронтов и полевых армий вблизи линии соприкосновения с противником, так как это не только могло сковать боевую деятельность войск, но и грозило оставить армию без необходимых средств снабжения. Поэтому все базы фронтов (кроме главных баз) и полевых армий содержались в железнодорожных составах, постоянно готовых к передислокации. Для подвижных баз армии было занято более 12 тыс. вагонов, а под военные склады – 6 тыс. Почти половина всего действующего паровозного парка – 2175 паровозов – была выделена для обслуживания нужд армии^[390].

Важное значение для войскового тыла приобретали военные дороги, которые обеспечивали бы сообщение полевых армий с их базами, безопасное следование войск, почты, курьеров, перевозку предметов снабжения для армии и эвакуацию с фронта в тыл всего ненужного армии, а также больных и раненых. Каждая военная дорога представляла собой совокупность железнодорожных, шоссейных, грунтовых и водных путей. 13 ноября 1918 г. РВСР объявил «Временное положение об этапах и этапных войсках в военное время», определившее порядок организации военных дорог^[391]. Каждой полевой армии нарезалась одна или несколько военных дорог. Военная дорога начиналась в тылу армии (от базы) и доходила до штаба дивизии армии. Она делилась на участки, на ней создавались этапы – пункты для посадки, выгрузки и отдыха войск.

Положение предусматривало создание этапных войск, на которые возлагалось обслуживание этапных пунктов: несение караульной, конвойной и хозяйственной служб, охрана этапного района. Этапные войска были подчинены начальникам УВОСО фронтов. В составе УВОСО фронта учреждался этапно-транспортный отдел. На каждый этапный пункт должна была формироваться одна этапная рота^[392].

На этапах создавались продовольственные пункты с двухнедельным запасом продовольствия и фуража, хлебопекарни, кухни. Каждый этапный пункт должен был обслуживать 4000 человек. При нем устраивался приемный покой на 20 коек. Для удовлетворения нужд передвигающихся войск на этапе должны были содержаться портные, сапожники, плотники, столяры, шорники, кузнецы, колесники, оборудовался ветеринарный пункт. До конца 1918 г. была сформирована 91 этапная рота.

Значительная удаленность баз, складов и магазинов армий от дивизий, находившихся на переднем крае фронта, вызвала к жизни службу военных транспортов. Приказом РВСР от 30 ноября 1918 г. было введено в действие «Временное положение о транспортах в военное время»^[393]. Транспорты предназначались для подвоза продовольствия к армии, перевозки продовольствия из мест их заготовки в магазины и склады, а также из одних магазинов и складов в другие; для подвоза к армии предметов вещевого и прочего интендантского, артиллерийского, инженерного и военно-санитарного имущества; для вывоза с театра военных действий раненых и больных, а также ненужного войскам имущества.

Транспорты могли быть войсковыми и вольнонаемными и состояли в распоряжении УВОСО фронтов. По распоряжению начальника УВОСО фронта они распределялись между дивизиями и подчинялись начальнику снабжений дивизии^[394].

Создание службы военного сообщения и организация войскового тыла требовали, чтобы в распоряжении органов ВОСО были специальные железнодорожные войска, которые могли бы обеспечить войсковую эксплуатацию головных участков; приведение в порядок железных дорог,

пострадавших от военных действий; постройку и эксплуатацию подъездных узкоколейных и ширококолейных веток в прифронтовой полосе.

Организация железнодорожных войск Советской республики началась еще летом 1918 г. Декретом от 29 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров возложил организацию железнодорожных войск на Народный Комиссариат путей сообщения (НКПС)^[395]. Однако НКПС не сформировал ни одной нужной Наркомвоену железнодорожной части. В связи с этим железнодорожные части стали формироваться непосредственно по инициативе штабов армий и округов. Так были сформированы 1-я железнодорожная рота в 3-й армии, 1-й Коммунистический железнодорожный батальон в Казани, 11-й Уральский коммунистический железнодорожный батальон и две железнодорожные роты в Петрограде^[396]. 5 октября 1918 г. главком издал приказ об учреждении железнодорожных войск Республики^[397].

Забота об охране и обороне войскового тыла сразу же выдвинулась как одна из важнейших задач военного командования.

К 1 декабря 1918 г., когда все железные дороги страны были объявлены на военном положении и нужно было значительно усилить их охрану и оборону, в войсках железнодорожной обороны насчитывалось 253 роты общей численностью в 50 500 человек^[398]. РВСР 2 декабря 1918 г. подчинил железнодорожную оборону начальнику обороны железных дорог Республики и принял решение реорганизовать войска железнодорожной обороны^[399]. Отдельные роты и отряды обороны сводились в полки охраны и обороны железных дорог Республики. Уже в половине декабря 1918 г. в боевом составе этих войск насчитывалось 56 полков и 6 отдельных батальонов^[400].

Формируя довольствующие органы Наркомвоена, округов и дивизий, Высший Военный Совет не предусмотрел создания органов снабжения полевых армий и фронтов в случае возникновения войны. Эту работу пришлось проводить в ходе развернувшихся военных действий.

Возникновение Восточного фронта и развитие боевых действий на территории Северо-Кавказского военного округа потребовали от Наркомвоена и Высшего Военного Совета срочно организовать снабжение действующей армии. Учитывая, что довольствующий аппарат как в центре, так и в военных округах только формировался, а в армиях и возникших фронтах создавался импровизированный аппарат снабжения, Наркомвоен 29 июня 1918 г. образовал два бюро по снабжению войск Восточного фронта и Северо-Кавказского военного округа, на которые возложил заботу об обеспечении действующей армии всем необходимым. Эти бюро были подчинены Центральному управлению снабжения^[401]. Однако развитие войны и растущие потребности полевых армий уже в июле 1918 г. показали, что созданные бюро не сумеют обеспечить планомерное снабжение войск. В связи с этим Наркомвоен упразднил их и 3 августа 1918 г. создал Центральную комиссию по боевому снабжению Красной Армии^[402]. В ее задачи входили разработка мероприятий по снабжению боевым имуществом фронтов, выяснение действительной потребности действующей армии и определение порядка выполнения заявок действующей армии на боевое имущество. На Центральную комиссию возлагался контроль за выполнением требований на боевое снабжение как со стороны Центрального управления снабжения, так и со стороны главных довольствующих управлений и их окружных и местных органов. О результатах контроля комиссия должна была докладывать оперативному отделу Наркомвоена и Высшему Военному Совету.

4 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление создать Особую комиссию для обследования организации и деятельности центральных и местных органов снабжения Наркомвоена. В состав комиссии вошли чрезвычайный уполномоченный Совета Народных Комиссаров М. К. Владимиров (председатель) и по одному представителю от ВСНХ и Народного Комиссариата государственного контроля^[403].

Почти два месяца Особая комиссия изучала организацию снабжения Красной Армии. Выводы ее были весьма неутешительными. Между различными органами, которые были обязаны обеспечивать Красную Армию предметами снаряжения, не было должного контакта и единства, что вредно отражалось на снабжении войск. Придя к такому выводу, Особая комиссия 31 октября 1918 г. решила войти в Совет Народных Комиссаров с ходатайством реорганизовать Чрезвычайную комиссию по изготовлению предметов военного снаряжения для Красной Армии

при ВСНХ в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии. Одновременно Особая комиссия приняла проект реорганизации и упорядочения дела снабжения Красной Армии^[404].

В целях улучшения дела снабжения армии проект предусматривал, чтобы Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии координировала работу военной и невоенной промышленности. Чрезвычайная комиссия наделялась правом контролировать деятельность артиллерийских, военно-инженерных и других заводов, производящих предметы военного снаряжения. Ей предоставлялось также право мобилизации гражданской промышленности для нужд армии. Чрезвычайная комиссия уполномочивалась координировать производство предметов военного снаряжения и снабжение ими Красной Армии. Всем органам, связанным со снабжением Красной Армии, но не входящим в аппарат снабжения Наркомвоена, предписывалось подчиняться указаниям Чрезвычайной комиссии по сбору, учету, хранению и расходованию военного имущества. Чрезвычайная комиссия имела право контролировать расходование всего военного имущества^[405].

Учитывая значение и функции вновь создаваемой Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, Особая комиссия нашла необходимым пополнить ее состав представителями ВЦИК, ВСНХ, Центрального бюро ВЦСПС и Наркомвоена^[406]. Постановления Особой комиссии без изменения были приняты Советским правительством и легли в основу декрета Совета Народных Комиссаров от 2 ноября 1918 г. «О мерах для улучшения дела снабжения Красной Армии»^[407].

Декретом Совета Народных Комиссаров Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии была создана как орган Совета Народных Комиссаров (впоследствии она стала органом Совета Рабочей и Крестьянской Обороны). Председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии был назначен старый коммунист Л. Б. Красин – бывший до этого председателем Чрезвычайной комиссии по производству предметов военного снаряжения при ВСНХ.

Таким образом, организация войскового тыла и службы снабжения Красной Армии уже в 1918 г. была поставлена на прочные основания и в дальнейшем развивалась, в соответствии с единым планом снабжения Красной Армии, в тесном взаимодействии с деятельностью важнейших хозяйственных органов Советской республики. Работа войскового и общего тыла страны координировалась Советом Обороны.

Военная промышленность

Материально-техническая база, которая должна была снабжать Красную Армию, в начале создания вооруженных сил была развита весьма слабо, что объясняется общим бедственным состоянием экономики. Еще более усугубило экономическое положение страны вторжение войск империалистической Германии в феврале 1918 г.

К лету 1918 г. Советская республика могла добывать лишь 143 млн. пудов каменного угля – немногим более 8 % того, что добывалось в 1917 г., и 142 220 тыс. пудов железных руд, что составляло менее 24,4 % всей добычи руды в 1913 г.^[408]

Интервенция и гражданская война поставили экономику страны в чрезвычайно тяжелое положение. Захват Украины, Заволжья, Урала, Сибири и других районов привел к тому, что к сентябрю 1918 г. – к моменту наибольшего сжатия огненного кольца фронтов – Советская республика почти полностью лишилась угля, металла, хлеба и других материальных ресурсов, необходимых для жизни народа и обороны. В распоряжении Советской республики остался лишь один Подмосковский угольный бассейн, который давал в 1917 г. 46 млн. пудов низкосортного угля, что составляло немногим более 2 % всей угледобычи 1917 г.^[409], и Центральный район, дававший 32 100 тыс. пудов железных руд, что составляло лишь 5,5 % всей добычи железных руд в 1917 г.^[410] Большие потери понесла и промышленность: из 4561 промышленного предприятия, работавшего на оборону и насчитывавшего 2 234 344 рабочих, в распоряжении Советской республики осталось лишь 2169 предприятий с 1 331 121 рабочим^[411]. Промышленность и транспорт Советской республики подобно осажденной крепости были лишены даже минимума, необходимого для своего существования. Уголь, нефть, металлы были захвачены интервентами и белогвардейцами. Продовольствия почти не было. Невозможность организовать планомерный подвоз сохранившихся и разбросанных по стране топливных и сырьевых запасов привела к дальнейшему свертыванию производства. Мелкие

чугуноплавильные заводы Центрального промышленного района, мальцевские, кулебакские и выксунские заводы, а также заводы Калужской губернии – Песоченский, Дугненский, Думиничский, Черепецкий и Ханинский, рассчитанные на месячное производство почти 800 тыс. тонн чугуна, фактически выплавляли не более 390–450 тыс. пудов металла. Ташинский завод, заводы группы Сормово – Коломна и многие другие из-за отсутствия сырья и топлива были остановлены полностью^[412].

Сокращение выплавки чугуна и нехватка топлива, изношенность станков, машин, нехватка инструментов вызвали падение производительности во всей промышленности. Не было возможности обеспечить нормальную работу даже крупных заводов. К этому следует добавить саботаж капиталистов, фабрики и заводы которых не были еще национализированы, а также голод, усиливавшийся с каждым днем. Рабочих кормить почти было нечем. На мальцевских заводах, где было занято 7000 рабочих, в период с января по август 1918 г. (за восемь месяцев) рабочие получили всего лишь по 20 фунтов продовольствия на человека^[413]. Рабочие многих других заводов в течение многих месяцев 1918 г. получали хлеба от 1,5 до 4 фунтов на едока в месяц^[414]. Спасаясь от голода, многие из них бросали производство и уходили в деревни.

Была еще одна причина, вызвавшая падение уровня производства, – уход в Красную Армию многих тысяч передовых рабочих добровольцами, а затем и по мобилизациям.

Гражданская война и интервенция вызвали необходимость эвакуации промышленности и населения. В течение 1918 г. Советскому правительству пришлось трижды проводить эту работу: в начале переговоров о мире и в период нашествия германских войск с запада на восток было вывезено до 100 промышленных предприятий^[415], в связи с чехословацким мятежом и развязыванием гражданской войны и интервенции на востоке промышленность эвакуировалась на запад, а по мере развертывания борьбы на юге промышленность эвакуировалась на север. Эвакуация также отрицательно сказалась на производительности заводов и фабрик.

Работа по развертыванию военной промышленности требовала огромной энергии. Прежде всего нужно было выяснить состояние тех заводов и фабрик, которые до революции работали на оборону, определить степень обеспеченности их сырьем, топливом, оборудованием, рабочей силой и принять меры, чтобы как можно скорее привести их в действие. С этого было и начато.

В результате учета было установлено, что до революции производством предметов боевого снабжения занималось больше 50 предприятий, из них 26 заводов, арсеналов и мастерских принадлежали Военному ведомству, остальные были в ведении частных предпринимателей^[416].

Из 26 предприятий Военного ведомства три производили стрелковое оружие, девять – артиллерийское вооружение, пять – патроны, три – капсюли, пять – пороха и один – взрывчатые вещества.

Из трех заводов, производивших стрелковое оружие, работа Сестрорецкого была нарушена эвакуацией в Златоуст и Подольск, Ижевский был захвачен белогвардейцами, а Тульский, остановленный в декабре 1917 г., бездействовал. На этом единственном заводе стрелкового оружия не хватало сырья и топлива, а из 30 тыс. рабочих к лету 1918 г. осталось немногим более 20 тыс. Таким образом, только этот завод мог бы при соответствующих усилиях быстро начать выпуск военной продукции.

Из девяти орудийных заводов в рабочем состоянии были только три: Путиловский, Сормовский и Петроградский быв. Лесснера. Пермский пушечный завод был демобилизован. Работа Обуховского и Петроградского орудийных заводов, а также Петроградского и Брянского арсеналов была нарушена эвакуацией. Петроградский металлический завод был демобилизован и закрыт^[417].

Из пяти патронных заводов Луганский и Симбирский были захвачены врагом, Петроградский эвакуирован частью в Симбирск и частью в Подольск, Подольский находился в стадии формирования, и пуск его был возможен не ранее весны 1919 г. Оставался один Тульский патронный завод, но и он еще в декабре 1917 г. был остановлен для демобилизации, рабочие уволены, а технический состав занялся перестройкой завода на производство предметов мирного потребления. Этот завод мог быть сравнительно быстро пущен в ход. Однако его работа зависела от того, как скоро будут пущены в действие другие предприятия, снабжавшие патронные заводы капсюлями и порохом.

Из трех капсюльных заводов Шостенский (Черниговская губерния) и Сергиевский (Самарская губерния) были захвачены врагами, а Охтенский эвакуирован на ст. Растяпино (Нижегородская губерния) и должен был восстанавливаться до конца 1918 г.

Из пяти пороховых заводов лишь Шлиссельбургский и Тамбовский оказались в рабочем состоянии, Шостенский и Казанский находились на оккупированной территории, а Охтенский был эвакуирован и находился в нерабочем состоянии. В таком же состоянии был и единственный завод взрывчатых веществ, находившийся в районе ст. Растяпино Нижегородской губернии.

Таким образом, обследование показало, что из 26 заводов, производивших предметы вооружения и боеприпасы, к лету 1918 г. шесть остались на оккупированной территории, шесть бездействовали в результате эвакуации, восемь были остановлены в связи с проходившей демобилизацией промышленности и только шесть находились в рабочем состоянии.

Не лучше было положение и с бывшими частными предприятиями, которые до революции занимались производством предметов боевого снабжения. Все они к весне 1918 г. прекратили производство для нужд армии.

Советское правительство вынуждено было принять срочные меры, чтобы приостановить демобилизацию промышленности, работавшей на нужды обороны. Удалось пустить в ход немногие уцелевшие заводы и обеспечить хотя бы в минимальных размерах потребности армии.

В течение апреля – июня 1918 г. на Тульских оружейном и патронном заводах шла подготовка к пуску, а в июле они уже выдали первую продукцию. При этом патронный завод уже в июле дал 24,1 % продукции, которую он выпускал в год наивысшей производительности (1916 г.), в августе – 28, в сентябре – 33,2, в октябре – 51,7, в ноябре – 60,1, в декабре 61,5 %^[418]. Если принять во внимание, что в 1916 г. завод выпускал ежемесячно в среднем 25 млн. винтовочных патронов^[419], то во второй половине 1918 г. он дал Красной Армии около 65 млн. патронов. Налаживалось производство винтовок, пулеметов и другого стрелкового оружия на оружейном заводе. В июле 1918 г. завод выпустил 8350 винтовок и 480 пулеметов, а к весне 1919 г. он ежемесячно давал 35–40 тыс. винтовок и до 600 пулеметов^[420]. Это была большая победа тульских рабочих.

Налаживалось производство артиллерийского вооружения. Рабочие Путиловского завода к концу 1918 г. ежемесячно выпускали до 50 орудий разных калибров, в том числе 3-дюймовых скорострельных полевых пушек 33. Сормовский завод во втором полугодии 1918 г. выдал 350 тел для 3-дюймовых скорострельных полевых пушек. С лета 1918 г. стали давать продукцию и завод быв. Лесснера^[421], а также Охтенский, Шлиссельбургский и Тамбовский пороховые заводы. Три последних ежемесячно давали армии до 42 тыс. пудов пороха^[422].

Принимались меры к восстановлению эвакуированных заводов и к налаживанию производства на заводах, где была приостановлена демобилизация. В первую очередь развернулись работы по реэвакуации Охтенского капсюльного завода, так как без дальнейшей подачи капсюлей могло приостановиться производство боеприпасов. Восстановление завода шло быстро, и к концу 1918 г. он возобновил работу. В декабре 1918 г. началась реэвакуация Обуховского пушечного завода, одновременно восстанавливался Подольский патронный завод. С лета 1918 г. стал работать ранее демобилизованный Пермский пушечный завод^[423].

Возобновляя производство на специализированных военных заводах, Советское правительство обратило серьезное внимание на те из бывших частных предприятий, которые до революции изготавливали предметы военного снабжения. За несколько месяцев на них было возобновлено производство вооружения, боеприпасов, предметов военного обмундирования и другого военного имущества, необходимого Красной Армии. В Воронежской, Витебской, Владимирской, Тверской и Петроградской губерниях были пущены в ход 7 заводов, производивших винтовки и пулеметы. Брянский металлический, Коломенский, Сормовский, Троицкий и другие заводы стали производить боеприпасы для артиллерии. Всего, по данным А. А. Маниковского, заводы нашей страны в 1918 г. произвели 560 748 выстрелов разных калибров^[424]. На одном из заводов Владимирской губернии было налажено производство патронов. В Московской губернии один завод производил капсюли. В Пензе началось производство трубок для артиллерийских снарядов. В Подольске вступил в строй оптический завод, а в Твери – снаряжательные мастерские^[425].

Осенью 1918 г. после освобождения Красной Армией Казани, Симбирска, Самары и Ижевска в строй вступил еще ряд военных заводов: Симбирский патронный, Сергиевский (Самарский)

капсюльный и Казанский пороховой. Но так как враг перед отступлением взорвал Казанский пороховой завод и дезорганизовал производство Симбирского патронного завода, эти предприятия не могли быть сразу восстановлены на их полную производственную мощность. Казанский пороховой завод, снизив производительность на 50 %, к концу 1918 г. ежемесячно давал только 22 тыс. пудов пороха, а Симбирский патронный завод, рассчитанный на выпуск 15 млн. патронов в месяц, производил только 1,5 млн. патронов^[426].

Благодаря самоотверженному труду рабочего класса наша промышленность к концу 1918 г. ежемесячно давала до 60 тыс. винтовок, 600 пулеметов, до 50 орудий, более 30 млн. винтовочных патронов, более 90 тыс. выстрелов разных калибров, до 65 тыс. пудов пороха и много других предметов боевого снабжения Красной Армии^[427]. Советскому правительству удалось наладить и производство предметов интендантского довольствия (одежды, обуви, снаряжения и т. д.) для армии на 330 фабриках и заводах^[428].

Империалисты Англии, Франции, США и других государств вместе с белогвардейцами, отрезав Советскую республику от основных источников сырья, топлива и продовольствия, рассчитывали, что Советская власть быстро погибнет в тисках голода, сырьевой и топливной блокады. Советская республика преодолела все лишения и в ожесточенной борьбе с голодом, нехваткой сырья и топлива, в борьбе с многочисленными врагами сумела обеспечить армию всем необходимым для разгрома интервентов и белогвардейцев.

Снабжение Красной Армии

Строительство Красной Армии требовало решения и таких вопросов, как организация снабжения войск продовольствием, одеждой, вооружением и боеприпасами. Без решения этих вопросов нормальная боевая деятельность армии была невозможна.

Весьма сложным и трудным делом военного строительства было создание довольствующих органов Красной Армии. Условия спешки, вызванные войной, отсутствие необходимого опыта военно-хозяйственного строительства затрудняли быстрое нахождение наиболее целесообразных форм организации довольствующего аппарата и повели к затягиванию работы по его созданию.

В соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров от 15 января 1918 г., предусматривавшим формирование при Всероссийской коллегии отделов снабжения и вооружения, первые довольствующие органы Красной Армии были созданы в начале 1918 г.

По мысли организаторов Всероссийской коллегии, отдел снабжения должен был обеспечить организацию «снабжения, провиантом, фуражом, обмундированием, амуницией, продовольствие войск и содержание семей солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии». На отдел возлагалась также организация обеспечения войск всеми техническими средствами, забота о помещениях для красноармейцев и их семей^[429]. Такие задачи в старой армии решало Главное интендантское управление Военного министерства. Это побудило Наркомвоен сформировать более мощную организацию, которая могла бы заменить старое Главное интендантское управление. Так родилась идея создать Хозяйственный комитет РККА. Названный комитет был сформирован в конце января 1918 г. Формально он был создан при Всероссийской коллегии, но фактически являлся скорее новым интендантским управлением Наркомвоена.

Когда 13 марта 1918 г. Главное интендантское управление старого Военного министерства было расформировано, все сохранившиеся органы этого управления были переданы Хозяйственному комитету^[430]. В первой половине марта 1918 г. Хозяйственный комитет был окончательно сформирован. Он должен был вести заготовками, хранением и отпуском продовольствия, предметов обмундирования, снаряжения, госпитального имущества и обоза войскам Красной Армии. Ему передавались все военно-технические заведения армии: хлебопекарни, мукомольные и сухарные предприятия, бойни, холодильники и другие предприятия. На Хозяйственный комитет возлагались обязанности по подготовке хозяйственной части армии на случай войны, организация полевых хозяйственных органов, планирование снабжения войск на театре военных действий, а также функции квартирному управлению и управления военных сообщений.

Хозяйственный комитет состоял из 12 отделов: продовольственного, вещевого, технического, административно-организационного, инструкторского, транспортного, квартирному, статистического, общего делопроизводства, хозяйственного, финансового и мобилизационного^[431].

Важное значение в системе довольствующих органов Красной Армии приобрел отдел вооружения Всероссийской коллегии. В период проектирования аппарата Всероссийской коллегии этот отдел предполагалось создать в составе трех подотделов: вооружения, снабжения огнестрельными припасами и распределения. Однако в связи с тем, что на отдел вооружения были возложены задачи по учету всего хранящегося в складах, арсеналах и магазинах оружия, а также организация производства вооружения и обеспечение снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами, т. е. функции Главного артиллерийского управления, он был создан в составе трех подотделов: учета, технического и распределения^[432]. Отделу вооружения поручались наблюдение и контроль над деятельностью сохранявшегося пока старого Главного артиллерийского управления.

Следует при этом заметить, что, создавая новые довольствующие органы Красной Армии, Советское правительство не спешило с расформированием всех довольствующих органов старой армии, так как спешка в этом деле могла нанести большой вред обороне Советской республики. Старые довольствующие органы продолжали выполнять работу, связанную с демобилизацией старой армии и промышленности, ведали эвакуацией военного имущества, заграничными заказами, которые были сделаны царским и Временным правительствами. Каждый из старых довольствующих органов руководил различными комитетами, комиссиями и заведениями, распоряжался военным имуществом, сохранившимся от старой армии. Некоторые довольствующие органы распоряжались военными заводами, складами и арсеналами, хранившими большие материальные ценности. Советское правительство взяло их в свои руки, очистило от контрреволюционных элементов и использовало для нужд советского военного строительства^[433].

Контроль над деятельностью как старых, так и новых хозяйственных органов был возложен на созданный 20 марта 1918 г. Военно-хозяйственный совет. Создание этого совета, ликвидация некоторых органов старого Военного министерства и объединение деятельности сохранившихся довольствующих управлений положили конец неразберихе, возникшей в период ломки старого и создания нового военно-хозяйственного аппарата.

Решая проблему организации войскового тыла и снабжения Красной Армии, Наркомвоен учел опыт войны 1914–1918 гг. и недостатки в организации тыла и снабжения, допущенные в старой армии. Как известно, в старой армии в период первой мировой войны существовала децентрализованная система снабжения: снабжением ведало несколько главных довольствующих управлений – артиллерийское, интендантское и др. Уже в первый год войны царское правительство столкнулось с большими трудностями в организации военного производства и снабжении войск. Оно было вынуждено обратиться за помощью к буржуазии и помещикам. Так родились Всероссийский союз городов и Всероссийский земский и городской союз (Земгор)^[434]. Последний занимался мобилизацией мелких и средних предприятий для нужд армии и производством таких предметов военного снабжения, как подковы, военно-полевые телефоны, измерительные приборы, седла, автомобили, ткани, предметы военного обмундирования и т. д.; обеспечением промышленных предприятий, работавших на оборону, сырьем, топливом и оборудованием. Одновременно с Земгором в июле 1915 г. возникла и другая буржуазная организация – Центральный военно-промышленный комитет. Главной задачей этого комитета было приспособление русской промышленности к нуждам войны. Военные неудачи 1915 г., когда русская армия стала остро ощущать недостатки в снабжении, особенно боеприпасами, ярко выявили недостатки децентрализованной системы довольствующего аппарата и снабжения армии. Однако царское правительство, предпринимая разные попытки улучшить снабжение армии, так и не могло добиться реальных результатов. Все довольствующие главные управления продолжали работать по старинке, не связывая свою деятельность с деятельностью других органов, занимавшихся вопросами снабжения. Их деятельность не была объединена единым планом снабжения войск.

Опыт войны 1914–1918 гг. и сама природа Советской социалистической республики требовали создания централизованной системы довольствующих органов и организации снабжения армии на основе единого государственного плана. Централизация довольствующих органов и организация снабжения Красной Армии по единому государственному плану позволяли координировать работу как общего, так и войскового тыла в тесной связи со

стратегическими и оперативными задачами, решать проблему снабжения армии с учетом ресурсов и производственных возможностей страны.

Приказом Наркомвоена от 1 июня 1918 г. было положено начало организации войскового тыла и снабжения Красной Армии на этих принципиальных основах. Этот приказ предусматривал создание Центрального управления снабжения Красной Армии как высшего военного органа, регулирующего снабжение Красной Армии всеми видами довольствия^[435]. Военно-хозяйственному совету было приказано передать Центральному управлению снабжения все довольствующие управления. Передаче подлежали: Главное артиллерийское управление, Центральное военно-техническое управление^[436], Главное военно-хозяйственное управление^[437], Главное квартирное управление, Главное управление рабоче-крестьянского Красного военно-воздушного флота, Главное военно-санитарное управление, Военно-ветеринарное управление, Управление по ремонту армии, Главное управление пограничного снабжения (в виде пограничного отдела), Центральная научно-техническая лаборатория, Центральное распорядительное бюро военного имущества (в виде отдела), Технический комитет хозяйственно-технического управления при Военно-хозяйственном совете, а также все общественные организации, на которые возлагались какие-либо работы по снабжению Красной Армии^[438]. На Центральное управление снабжения возлагались организация и руководство снабжением Красной Армии по единому плану. Для руководства Центральным управлением снабжения создавался совет в составе двух военных комиссаров и главного начальника снабжения. По такому же принципу формировались и все главные управления Центрального управления снабжения.

С созданием Центрального управления снабжения Военно-хозяйственный совет был переименован в Военно-законодательный совет^[439]. За ним сохранились функции совещательного органа по законодательно-хозяйственным мероприятиям Наркомвоена^[440]. Одновременно с образованием Центрального управления снабжения разворачивались довольствующие органы военных округов и войск.

Согласно штатам, окружной военный комиссариат должен был иметь четыре довольствующих управления: артиллерийское, военно-техническое, хозяйственное и санитарное^[441], а губернский военкомат – три довольствующих отдела: снабжения, санитарный и транспортный. Уездный военкомат должен был иметь только отдел снабжения^[442].

В апреле 1918 г. в связи с организацией дивизий стал создаваться довольствующий аппарат и в войсках. В штаты стрелковых дивизий были включены отделы снабжения. Эти отделы возглавлялись начальниками снабжения и имели части (или отделения): интендантского, артиллерийского и инженерного снабжения; санитарную, ветеринарную и этапную части, а также канцелярию. В стрелковых полках учреждались должности заведующих хозяйством полка и оружием^[443].

Создание довольствующего аппарата было лишь одним из первых шагов в организации снабжения войск. Плановое снабжение армии во многом зависело не только от работы военной промышленности, но и от организации самой армии, ее аппарата снабжения, строгого нормирования и т. д.

В первые месяцы своего существования Красная Армия не имела стройной организации и налаженного аппарата снабжения. Отсутствовали нормы довольствия. Наличие тысяч отрядов, не имевших единой структуры, не давало возможности обеспечить оперативное управление войсками и плановое снабжение их всем необходимым. Пользуясь безотчетностью и отсутствием контроля, многие отряды давали завышенные заявки на предметы военного снабжения. Так, за короткий срок (март – апрель 1918 г.), когда армия почти не вела боевых действий, отряды получили по своим требованиям 44 млн. винтовочных патронов, что во много раз превышало их действительную потребность^[444]. Были злоупотребления и в отношении других предметов военного снабжения^[445].

Опыт показывал, что без строго налаженной системы снабжения нельзя учесть возможности и планировать военное производство в соответствии с потребностями армии, правильно расходовать те ограниченные ресурсы, которые находились в распоряжении правительства, и создавать необходимые резервы. Чтобы упорядочить систему снабжения, нужно было ввести единые нормы снабжения армии. В апреле 1918 г. Наркомвоен приступил к разработке норм довольствия войск. Приказом от 3 апреля 1918 г. он предписал Хозяйственному комитету

разработать единые нормы суточной дачи продовольствия для красноармейца. Так было начато упорядочение системы снабжения. Успех в этом деле был достигнут лишь после того, как в Красной Армии были приняты твердые штаты частей и соединений. Реорганизация войск на основе однотипных штатов заложила основы нормальной организации дела снабжения. В течение июля – августа 1918 г. расчетно-снабженческие нормы были введены в действие^[446].

Принятие расчетно-снабженческих норм позволило Советской республике, учитывая потребности войск, рационально использовать запасы, оставшиеся от старой армии, планировать производство предметов, необходимых армии, и организовать регулярное снабжение войск.

Табель отпуска продовольственных продуктов тыловым, резервным и действующим войскам Красной Армии, введенный в действие 29 июля 1918 г., предусматривал следующую суточную дачу продовольствия для каждого военнослужащего (по главным видам продуктов питания)^[447]:

	На фронте	В тылу		На фронте	В тылу
Хлеба	1,5 ф	1 ф.	Жиров	8 зол.	5 зол
Мяса	0,5 »	0,25 »	Сахару	8 »	6 »
Крупы	24 зол.	18 зол.	Чаю	0,75 »	0,48 »

Это была голодная норма, появившаяся еще в ходе войны 1914–1918 гг. Но даже эту норму Советская республика в 1918 г. не могла полностью удовлетворять.

Исходя из установленной фронтовой нормы, для всех 42 стрелковых и трех кавалерийских дивизий полного штатного состава ежесуточно к концу 1918 г. требовалось (в пудах): хлеба – 43 347, мяса – 14 449, крупы – 7224, жиров – 2402, сахару – 2402, чаю – 23 5^[448].

Но ведь, кроме дивизий, нужно было кормить армейские и фронтовые органы полевого управления, госпитали, школы, военные комиссариаты, военно-окружные управления и заведения, военнослужащих аппаратов Наркомвоена и Реввоенсовета Республики, а также личный состав вспомогательных войск, рабочих и служащих тех отраслей народного хозяйства, которые считались милитаризованными. Нельзя также сбрасывать со счетов и такую группу едоков, как военнопленные, обязанность кормить которых лежала на органах Военного ведомства и Нар-компрода. Все это требовало огромного количества продовольствия.

Решая проблему продовольственного снабжения этих контингентов, военно-продовольственные органы должны были также заботиться об обслуживании нештатных команд, мелких подразделений и одиночных военнослужащих, перебрасываемых с фронта на фронт. Для обеспечения этой категории военнослужащих Наркомвоен учредил военно-продовольственные пункты, создававшиеся при железнодорожных станциях и на грунтовых дорогах, по которым направлялись основные потоки военнослужащих.

Военно-продовольственные пункты должны были формироваться органами военных сообщений (ВОСО) фронтов и армий^[449]. Первые такие пункты были открыты в октябре 1918 г. на Восточном фронте – в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Сергачевске, Алатыре, Тимирязевске, Рузаевке и Пензе. К концу 1918 г. был открыт 81 военно-продовольственный пункт^[450]. О том, какое значение приобрели эти пункты, можно судить по следующим данным. На военно-продовольственном пункте Морозовско-Донецкой стрелковой дивизии только в декабре 1918 г. получили питание 8458 человек (в суточных дачах)^[451]. Военнопитательный пункт Архангельского района 6-й армии Северного фронта только в ноябре 1918 г. обслужил 12 437 военнослужащих, в том числе 71 команду общей численностью в 9315 человек и 3122 одиночных военнослужащих^[452].

Создание военно-продовольственных пунктов было весьма полезным и нужным делом. Но в то же время стало ясно, что содержать одни лишь военно-продовольственные пункты на военных дорогах недостаточно. Мало было обеспечивать проходящие войска питанием и ночлегом, нужно было также обеспечить охрану отдыхающих войск и лечение заболевших красноармейцев. Ни этапные части дивизий, ни военно-продовольственные пункты обеспечить решение этих задач не могли. Нужна была новая организация, которая могла бы объединить функции этапных команд и военно-продовольственных пунктов. Такой организацией стали этапы.

В связи с созданием этапов были упразднены военно-продовольственные пункты и этапные части дивизий^[453]. К концу 1918 г. был сформирован 91 этап^[454].

Продовольственное дело было централизовано и передано Наркомпроду. Ему же было поручено снабжение Красной Армии. 14 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров учредил Центральную комиссию по упорядочению снабжения Красной Армии продовольствием и предметами первой необходимости^[455]. Ей вменялось в обязанность в кратчайший срок правильно поставить учет потребностей армии, доставку войскам необходимых продуктов, организовать правильное расходование продуктов. Центральная комиссия по упорядочению снабжения Красной Армии продовольствием и предметами первой необходимости была создана как орган Совета Народных Комиссаров и впоследствии стала органом Совета Обороны. Всем учреждениям и организациям предписывалось содействовать Центральной комиссии, ее органам и руководствоваться их указаниями. Совет Народных Комиссаров обязал Наркомвоен отменить все распоряжения местных военных властей, касающиеся заготовок продовольствия, изданные без согласования с органами Наркомпрода. 30 сентября 1918 г. Центральная комиссия организовала на фронтах свой аппарат – особые комиссии. Распоряжения этих комиссий являлись обязательными для фронтовых военных и наркомпродовских органов снабжения^[456].

Так был установлен порядок в деле снабжения войск продовольствием и предметами первой необходимости. Но так как страна переживала жесточайший продовольственный кризис, Наркомпрод не мог полностью выполнять наряды Центрального управления снабжения. В сентябре 1918 г. наряды Центрального управления снабжения на хлеб и крупу были выполнены лишь на 4,9 %, на другие продукты еще меньше – на 0,8 %, а на фураж – только на 0,3 %^[457]. В последующие месяцы снабжение армии несколько улучшилось, но оно все же оставляло желать много лучшего. Об этом можно судить по данным следующей таблицы^[458].

Снабжение армии хлебом, крупой и фуражом в октябре-ноябре 1918 г. (в пудах)

	Октябрь			Ноябрь (первая половина)		
	наряд Центрального управления снабжения	выполнение наряда	% выполнения	наряд Центрального управления снабжения	выполнение наряда	% выполнения
Хлебные продукты	1132000	551033	49	663250	375490	57
Крупа	256000	26978	10,6	148700	34433	23
Фураж всякий	7312000	645881	8,8	4135500	472696	11

Уже в октябре 1918 г. РВСР пришлось внести некоторые коррективы в принятые нормы снабжения: 6 октября в войсках были установлены два постных дня в неделю^[459]. Только для войск Северного фронта, находившихся в особых условиях военной службы, была установлена более высокая норма продовольствия – по 2 фунта хлеба и дополнительно к хлебной норме – по 0,5 фунта картофеля. Однако с 5 ноября 1918 г. дополнительная картофельная норма была здесь отменена^[460]. 28 декабря 1918 г. постановлением РВСР для войск тылового района устанавливался отпуск сахара вместо сахара. На одного человека в сутки отпускалось 6 таблеток сахара^[461].

Такое снабжение не могло удовлетворить армию. Из армии настойчиво шли просьбы разрешить эксплуатацию местных средств в пределах 120-верстной полосы для каждого фронта. Обычно в условиях войны главную массу средств, необходимых действующей армии, приходится подвозить из внутренних, главным образом из производящих, районов страны.

Поскольку основные производящие районы страны к осени 1918 г. оказались оккупированными белогвардейцами и интервентами, центр тяжести в добывании необходимых средств для Красной Армии должен был переместиться в районы военных действий. Местные средства должны были сыграть роль армейских запасов, что в условиях гражданской войны приобретало особое значение, ибо невозможно было предусмотреть, где может возникнуть новый очаг войны, и заблаговременно подготовить запасы для армии.

Фронты возникали повсюду и даже там, где их никто не предполагал (север, восток). Кроме того, Советское правительство не имело достаточных ресурсов для создания оперативных и стратегических запасов. Но как бы трудно ни было, воевать без запасов нельзя. РВСР постановил создать к весне 1919 г. в центре страны неприкосновенный четырехмесячный армейский продовольственный запас на 500 тыс. человек и такой же фуражный запас на 60 тыс. лошадей. Запас должен был сосредоточиться в Череповце, Бологом и Великих Луках^[462].

Чтобы создать продовольственный запас, требовалось выделить (в пудах): хлеба – 2 250 тыс., мяса – 750 тыс., крупы – 375 тыс., жиров – 125 тыс., сахару – 125 тыс. и чаю – 7812,5. Кроме того, нужно было создать и четырехмесячный запас фуража на 60 тыс. лошадей. Исходя из табеля суточной дачи фуража для лошадей, этот запас должен был составить (в пудах): овса – 2 218 тыс., сена – 2 050 тыс. и соломы – 360 тыс.

Отсутствие необходимых ресурсов не позволило сформировать этот запас. Вот почему вопрос об использовании армией местных средств приобретал особую остроту. Но нельзя было упускать из виду, что фактически прифронтовая полоса кормила не только армию, но и всю Советскую республику. В этой обстановке Совет Народных Комиссаров нашел единственно возможное решение вопроса. Армейским органам в просьбе разрешить эксплуатацию местных средств в пределах 120-верстной полосы для каждого фронта было отказано, вместе с тем 2 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление «О заготовках в прифронтовой полосе»^[463]. Признав необходимым организовать заготовки продовольствия в прифронтовой полосе, Совет Народных Комиссаров решил создать специальный заготовительный аппарат. Для каждого фронта создавалась фронтовая комиссия в составе председателя, назначаемого Советом Народных Комиссаров, и по одному представителю от Наркомвоена и Наркомпрода.

Эти комиссии, являясь органами Центральной комиссии по упорядочению дела снабжения Красной Армии, должны были работать под ее руководством и в свою очередь руководить работой армейских и районных военно-продовольственных комиссий, создававшихся с таким расчетом, чтобы охватить все без исключения дивизии или отдельные воинские части^[464].

Использование местных средств должно было производиться преимущественно приобретением продовольствия у населения по добровольному соглашению с немедленной оплатой наличными деньгами всего заготовленного по ценам, установленным правительством. Однако не исключалась также и реквизиция продуктов. К ней разрешалось прибегать при отказе населения от добровольной продажи потребных продуктов и не иначе, как по указанию соответствующих органов.

Одновременно с развертыванием работы по заготовке продуктов стала организовываться работа кооперации на фронте. Еще 16 ноября 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет «Об усилении снабжения Красной Армии на фронте предметами первой необходимости». Декретом предусматривалась организация в прифронтовой полосе базисных складов, передвижных и стационарных лавок, хлебопекарен и пр. Организация и обеспечение их предметами первой необходимости, как и продажа этих предметов, были поручены Московскому Центральному рабочему кооперативу (ЦРК) по плану, утвержденному Наркомпродом и Центральным управлением снабжения. Кооператив должен был работать под их контролем. Для организации торговли предметами первой необходимости Московскому ЦРК был отпущен кредит в 30 млн. руб.^[465]

Упорядочение системы заготовок и использование местных ресурсов позволило Советскому правительству в условиях тягчайшего продовольственного кризиса снабжать фронт и тыл хотя бы минимумом продуктов, необходимым для жизни и борьбы.

С большими трудностями решалась проблема снабжения войск и предметами вещевого довольствия. Табель, объявленный в приказе Наркомвоена 29 июля 1918 г., предусматривал обеспечение личного состава Красной Армии бельем, летним и зимним обмундированием (не

исключая перчаток, фуфаяк, ватных шаровар и телогреек, полушубков, валенок и др.), сапогами и необходимым снаряжением, начиная от поясного ремня и кончая флягой и котелком^[466]. Однако промышленная разруха не позволяла быстро наладить вещевое снабжение армии.

Рост армии значительно обогнал рост производства предметов вещевого довольствия. Долг промышленности Красной Армии все накапливался и дошел до внушительных размеров.

По данным главкома, для полного удовлетворения потребностей Красной Армии, считая по наличию людей в войсках, к началу 1919 г. не хватало для замены негодного обмундирования: шинелей – 415 тыс. (32 % общего числа), обуви – 596 тыс. пар (46 %)^[467].

Несмотря на столь серьезные трудности, Советское правительство сумело все же к началу 1919 г. организовать выпуск одежды, обуви, белья и других предметов интендантского имущества на 330 предприятиях страны^[468]. Это был крупный успех Советской республики в организации вещевого снабжения армии.

Военное ведомство еще летом 1918 г. решило ввести в Красной Армии единую форму одежды. Прежде чем решить, какой должна быть эта форма, был объявлен конкурс^[469]. 25 июня 1918 г. жюри конкурса рассмотрело проекты и приняло решение в основу формы Красной Армии положить стрелецкий кафтан петровской эпохи и головной убор – шлем^[470].

б) Снабжение Красной Армии вооружением, боеприпасами и инженерным имуществом

Забываясь о вооружении Красной Армии, Коммунистическая партия и Советское правительство не имели возможности в одинаковой мере обеспечить как полевые войска, так и все прочие войска Республики. Поэтому было решено направлять вооружение в первую очередь в полевые войска, во вторую – в части и соединения, формируемые в военных округах, а остающееся оружие использовать для войск вспомогательного назначения, а также учреждений и заведений армии.

Прежде всего Советское правительство приняло решение перераспределить оружие, имеющееся в войсках, а также изыскать дополнительные источники вооружения полевой армии. 24 октября 1918 г. Совнарком принял декрет «О замене трехлинейных винтовок, находящихся в распоряжении войск различных, кроме военного, ведомств винтовками других образцов»^[471]. Декрет предусматривал вооружение войск вспомогательного назначения (войска пограничной охраны, охраны водных путей, железнодорожной обороны и охраны, войска сахарного производства, продармии и др.) японскими, австрийскими и другими винтовками иностранных образцов. Это мероприятие должно было дать значительное число винтовок для фронта, ибо в этих войсках имелось на вооружении свыше 180 тыс. трехлинейных винтовок^[472]. Работа по замене этих винтовок была закончена лишь к началу 1919 г.

10 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет, обязывающий население и гражданские учреждения сдать для нужд армии находящееся у них оружие^[473]. Предполагалось, что изъятие оружия даст несколько сот тысяч винтовок и револьверов и не менее 1500 пулеметов^[474].

Одновременно Наркомвоен создавал предприятия по ремонту скопившегося в большом количестве неисправного вооружения. По данным Главного артиллерийского управления, на ружейных складах и в мастерских числилось до 200 тыс. неисправных винтовок, не менее 650 пулеметов и 550 орудий^[475]. С целью организации быстрого ремонта этого оружия, к 1 августа 1918 г. Главное артиллерийское управление открыло ремонтные мастерские в Москве, Петрограде, Брянске, Сестрорецке, Нижнем Новгороде, Ельце, Рыбинске, Бежецке, Тамбове и других городах^[476]. Кроме того, учитывая нужду армии в оружии, РВСР 29 декабря 1918 г. предписал окружным военкоматам немедленно изъять все оружие, находившееся в распоряжении волостных военкоматов, и передать его армии^[477].

Все эти мероприятия не прошли бесследно. К концу 1918 г. промышленность ежемесячно давала до 60 тыс. винтовок, 600 пулеметов и до 50 орудий^[478], а мастерские и заводы ремонтировали по 35–40 тыс. винтовок и до 50 орудий^[479]. Это позволило каждый месяц направлять в армию до 100 тыс. винтовок, не менее 600 пулеметов и около 100 орудий. И если в сентябре 1918 г. в армии на 288 060 штыков имелось всего 4409 пулеметов и 976 орудий^[480], то уже к началу 1919 г. на 401 200 штыков приходилось 7190 пулеметов и 2011 орудий. Иначе говоря, если в сентябре 1918 г. на каждые 1000 штыков в армии приходилось 15,3 пулемета и 3,4 орудия, то к началу 1919 г. это число соответственно составляло примерно 18 и 5^[481].

Значительные трудности были преодолены и в организации снабжения войск боеприпасами. Учитывая опыт войны 1914–1918 гг., Наркомвоен пришел к выводу, что для обеспечения каждой винтовки и пулемета патронами можно взять за основу 50 % ежемесячного расхода периода минувшей войны: для винтовки – 50 патронов, а для пулемета – 5 тыс. патронов^[482]. Для артиллерии были установлены следующие нормы: для 3-дюймовой скорострельной полевой пушки – 436 выстрелов, для 48-линейной гаубицы – 250, для 42-линейной скорострельной тяжелой пушки – 197 и для 6-дюймовой тяжелой гаубицы – 111 выстрелов^[483].

Руководствуясь этими исходными данными, а также штатным количеством вооружения стрелковой дивизии и ее транспортными возможностями, Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления разработал нормы носимого, возимого в войсковом обозе и возимого в артиллерийских парках количества винтовочных патронов, т. е. нормы боезапаса.

Нормы боезапаса винтовочных патронов для одной дивизии*

Оружие	Боезапас			Всего
	носимый	возимый в войсковом обозе	возимый в артиллерийских парках общего назначения	
Винтовки и карабины	1432010	924216	528768	2884994
Пулеметы		1836000**	1026432	2862432
Итого	1432010	2760216	1555200	5747426

* ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 37.

** Для пулеметов — возимый при оружии.

Для кавалерийской дивизии, согласно ее штатам и транспортным возможностям, боезапас определялся в 950 тыс. винтовочных патронов (округленно).

Указанные нормы были одобрены Наркомвоен и 22 сентября 1918 г. введены в действие^[484].

Планируя расчетно-снабженческие нормы винтовочных патронов для стрелковой дивизии, Артиллерийский комитет упустил столь важный вопрос, как организацию армейских и фронтовых резервов. Весь боезапас концентрировался в подразделениях и частях дивизии. Такое положение нельзя было считать нормальным. Огромный боезапас отягощал дивизию и делал ее малоподвижной. В самом деле, для перевозки запаса винтовочных патронов, предназначенных для одной стрелковой дивизии, штатами предусматривалось содержание в войсковом обозе дивизии 266 патронных повозок и двуколок, 328 патронных вьюков и в трех артиллерийских парках общего назначения стрелковой дивизии – 324 патронных повозок^[485].

Из этого числа основная масса транспортных средств приходилась на стрелковые роты, батальоны и полки. Один стрелковый полк имел войсковой обоз для перевозки винтовочных патронов, состоящий из 43 патронных повозок и двуколок и 30 патронных вьюков. Если учесть, что, кроме винтовочных патронов, дивизии приходилось транспортировать боезапас для артиллерии, вооружение, обмундирование, снаряжение, инженерные средства и другое имущество, а также продовольствие для личного состава, то станет очевидным, что огромные обозы сковывали дивизию и мешали ее боевой деятельности в условиях маневренной войны.

При планировании был упущен также вопрос об организации рациональной системы получения боеприпасов. Несмотря на то, что в Красной Армии не было ни одной стрелковой дивизии полного штатного состава, органам снабжения дивизии разрешалось получать боеприпасы не на фактический, а на штатный состав. В результате войска приучались к расточительному расходованию боеприпасов.

Следует также учесть, что не всегда войскам приходилось вести одинаково напряженные бои. Бывали дни, когда полки и дивизии расходовали ничтожное количество патронов. Действительный расход патронов был часто значительно ниже, чем это требовалось дивизии по норме даже на фактическое количество оружия. Проследим это на примере 24-й Симбирской стрелковой железной дивизии 1-й армии Восточного фронта. В самые острые дни наступления этой дивизии, с 15 сентября по 15 октября 1918 г., когда дивизия имела 7104 винтовки и 127 пулеметов, она израсходовала 400 тыс. винтовочных патронов^[486]. По штатной норме дивизия могла израсходовать весь боезапас – 5 747 426 винтовочных патронов. Но по фактическому количеству оружия (исходя из нормы 50 патронов на винтовку и 5 тыс. – на пулемет) она могла израсходовать 990 200 винтовочных патронов, т. е. почти в 6 раз меньше штатной нормы. В действительности было израсходовано почти в 2,5 раза меньше той нормы, которая полагалась для фактического количества оружия. Ежедневно в течение месяца, с 15 сентября по 15 октября, войска дивизии расходовали до 13,4 тыс. винтовочных патронов^[487].

Получение боеприпасов в размерах, превышавших фактические потребности, приводило подчас к тому, что войска привыкали расходовать эти боеприпасы без учета тех трудностей, которые имелись в военном производстве. Чтобы предотвратить расточительство боеприпасов, главком попытался своей властью ограничить их расход. 20 декабря 1918 г. всем войскам была разослана телеграмма, в которой требовалось экономно расходовать патроны и указывалось, что впредь отпуск патронов по нарядам Главного артиллерийского управления будет производиться лишь с разрешения главкома^[488].

Другой порок планирования норм расхода боеприпасов состоял в следующем. Сконцентрировав весь боезапас для дивизии в самой дивизии, Главное артиллерийское управление не предусмотрело создание специального запаса в армиях и фронтах. А это могло вредно отразиться на боевой деятельности войск. Дивизии, переставшие бережно обращаться с патронами, в один прекрасный день могли оказаться без боеприпасов, а армейские и фронтовые базы и склады не могли бы своевременно снабдить их. Нужно было как можно скорее исправить ошибку Главного артиллерийского управления. И РВСР решил пересмотреть нормы боезапаса для стрелка, изменить систему получения винтовочных патронов и организовать резервы армии и фронта.

27 декабря 1918 г. РВСР ввел новые нормы. Вместо ранее установленного носимого запаса для стрелка в 135 патронов устанавливалась норма в 120 патронов, возимый в войсковом обозе запас для одного стрелка уменьшался со 108 до 60 патронов^[489]. Норма запаса, возимого в артиллерийских парках общего назначения, оставалась без изменения – 68 патронов для каждого стрелка. Если раньше боезапас для одного стрелка определялся в 311 патронов, то по новой норме – лишь в 248. Таким образом, по новой норме для одной стрелковой дивизии полного штатного состава боезапас винтовочных патронов с 5747426 понижался до 5 257538 винтовочных патронов. Такое сокращение позволило не только серьезно облегчить дивизию, но и создать армейские и фронтовые резервы.

В постановлении РВСР указывалось, что на каждую винтовку стрелка необходимо иметь в армейских складах по 50 и во фронтовых – по 150 патронов. Создавался также фронтовой резерв винтовочных патронов и для пулеметов. Для формирования этого резерва штаб фронта, выписывая патроны для винтовок, добавлял 50 % общего количества требуемых патронов и эти патроны употреблял в качестве резерва для пулеметов. Тогда же была пересмотрена и система снабжения войск боеприпасами. Все требования дивизии на получение патронов тщательно проверялись в штабе армии и только после выяснения действительной потребности направлялись в штаб фронта, который окончательно решал вопрос об отпуске боеприпасов. Все фронты создавали специальные контрольные комиссии для каждой армии. Этим комиссиям вменялось в обязанность контролировать фактическое наличие боеприпасов в полках, дивизиях и в резервах армии и фронта. РВСР приказал комиссиям принимать решительные меры, чтобы в полках находилось лишь то количество патронов, которое положено иметь бойцам при себе и в войсковом обозе. Это значит, что впредь полки и дивизии должны иметь боеприпасы не по штатному, а по фактическому количеству оружия. По каждому факту перерасхода патронов должно было проводиться расследование, а виновных в необоснованной трате патронов привлекать к ответственности. Новая система ликвидировала ненужное накапливание запасов патронов в дивизиях и их расточительство. Но даже и при этих мерах Красная Армия

продолжала испытывать нехватку патронов. К началу 1919 г. снабжающие органы могли довести среднемесячную отправку патронов на фронт до 35 млн. штук^[490]. Если учесть, что для 468 272 винтовок и 7190 пулеметов, находившихся в это время в войсках^[491], по нормам ежемесячного расхода нужно было около 60 млн. винтовочных патронов, то станет понятно, что потребности армии могли удовлетворяться не более чем на 60 %.

Несколько лучше обстояло дело с обеспечением армии артиллерийскими выстрелами. Это объясняется тем, что в стране сохранились довольно значительные запасы, оставшиеся от старой армии, кроме того, ряд заводов, производивших артиллерийские боеприпасы до Октябрьской революции, имел большие заготовки полуфабрикатов, что позволило быстро наладить производство. Всего к началу 1919 г. в войсках и на складах имелся запас в 3964358 артиллерийских выстрелов всех калибров^[492].

Изучение состава артиллерии стрелковых дивизий позволяет сделать вывод, что основным орудием советской артиллерии была 3-дюймовая скорострельная полевая пушка. Такие пушки составляли 87,9 % всех орудий дивизии. Остальные орудия приходились на 48-линейные гаубицы (4 %), 42-линейные скорострельные тяжелые пушки (6,3 %) и 6-дюймовые тяжелые гаубицы (1,8 %)^[493]. Учитывая, что к началу 1919 г. на вооружении в полевых войсках и дивизиях, формируемых в военных округах, состояло 2011 орудий, и принимая приведенное выше процентное соотношение орудий за основу нашего дальнейшего расчета, мы получим, что на вооружении артиллерии Красной Армии состояло 3-дюймовых скорострельных полевых пушек свыше 1767, 48-линейных гаубиц – свыше 80, 42-линейных скорострельных тяжелых пушек – более 126 и 6-дюймовых тяжелых гаубиц – более 36.

Имея данные о запасе артиллерийских выстрелов и нормы ежемесячного расхода, легко определить не только ежемесячную потребность артиллерии в боеприпасах, но и возможность ее удовлетворения.

Данные таблицы, приведенной ниже, наглядно показывают численность артиллерийских орудий в Красной Армии, а также нормы ежемесячного расхода и наличие запасов выстрелов для артиллерии Красной Армии.

Как видно из данных таблицы, запас выстрелов для 48-линейных гаубиц и 6-дюймовых тяжелых гаубиц был весьма значительным – более чем на 19 месяцев, а для 3-дюймовых скорострельных полевых пушек и 42-линейных скорострельных пушек он был явно недостаточен. Но поскольку промышленность к концу 1918 г. ежемесячно изготавливала более 90 тыс. выстрелов, а фактический расход выстрелов был намного ниже установленных норм, положение с боеприпасами для артиллерии не должно было вызывать особой тревоги. Советская республика могла сосредоточить главное внимание на производстве винтовок, пулеметов и другого вооружения и боеприпасов для стрелкового оружия.

Численность орудий, нормы расхода выстрелов и их наличный запас

Артиллерийская система	Общее число	Норма ежемесячного расхода выстрелов		Налич- ный запас выстр.	Запас в меся- цах
		на одно орудие	на все орудия		
3-дюймовая скорострельная полевая пушка	1767	436	770412	3076284	3,9
48-линейная гаубица	80	250	20 000	398 148	19,9
42-линейная скорострельная тяжелая пушка	126	197	24 822	56 407	2,2
6-дюймовая тяжелая гаубица	36	111	3 996	433 519	108,4

Не вызывало опасения и снабжение войск инженерным имуществом. Оставшихся от старой армии средств инженерного снабжения было вполне достаточно, чтобы обеспечить нужды армии. По данным Полевого штаба РВСР, полевые войска были снабжены почти полностью шанцевым инструментом, и дальнейшее их снабжение не могло встретить затруднений, ибо на складах Главного военно-инженерного управления находилось: лопат малых пехотных – 2454183 шт., топоров малых – 160 953 шт. и кирко-мотыг малых – 219 687 шт., что значительно превышало потребности не только полевых войск, но и дивизий, сформировавшихся во внутренних округах к началу 1919 г.^[494]

Для нужд обороны имелись большие запасы колючей проволоки. К началу 1919 г. ее запасы на складах Главного военно-инженерного управления составляли 1985 тыс. пудов. Средняя же потребность одной армии в колючей проволоке колебалась от 25 тыс. до 33,4 тыс. пудов в месяц. Для всех 12 армий в месяц нужно было от 300 тыс. до 400 тыс. пудов колючей проволоки в месяц. На складах имелось также до 7 млн. земляных мешков, 43122 пуда железа и 10 903 бочки цемента, необходимых для инженерных сооружений и мостов^[495]. Такие запасы могли вполне удовлетворить потребности Красной Армии.

Таким образом, в течение нескольких месяцев 1918 г. Советское правительство создало стройный войсковой тыл и заложило основы организации снабжения Красной Армии.

Боевые действия 1918–1919 гг.

В конце 1918 г. Красная Армия нанесла интервентам и белогвардейцам ряд сокрушительных ударов и отбросила их на сотни километров на восток, юг и запад. На Восточном фронте ее войска отбросили противника к Уралу и продолжали теснить его на восток. 31 декабря Красная Армия освободила Уфу и клином врезалась в основную линию обороны противника: Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Оренбург. С освобождением Уфы весь старый фронт интервентов и белогвардейцев, тянувшийся от Перми до Уральска, сократился. От него остался лишь участок Пермь, Красноуфимск, Златоуст. Протяженность фронта сократилась более чем вдвое, до 500 верст. Красная Армия в дальнейшем развивала боевые действия на трех операционных направлениях: на юг – в район Туркестана, прямо на восток – для дальнейшего развития прорыва и, наконец, на север – на пермском и кунгурском направлениях.

Борьба на этих направлениях развертывалась не с одинаковым успехом. Наибольших успехов Красная Армия добилась на туркестанском направлении. Освободив 22 января 1919 г. Оренбург и 24 января Уральск, советские войска продолжали успешно продвигаться.

Это продвижение обеспечивало успешную боевую деятельность советских войск в Туркестане и дало возможность Оренбургской группе Красной Армии соединиться с Туркестанской советской армией. Успешно развертывались бои на уфимском направлении, где советские войска вышли в район бассейна рек Инзер и Сим.

Наиболее трудными оказались пермское и кунгурское направления Восточного фронта. Сосредоточив здесь значительные силы, белогвардейцы в декабре 1918 г. сумели нанести 3-й советской армии серьезное поражение и 24 декабря овладеть Пермью. Наступление белогвардейцев на кунгурском направлении вынудило советские войска отходить к юго-западу, к бассейну Камы. Серьезная угроза вновь нависла над бассейном р. Камы и Ижевско-Воткинским районом.

Значительных успехов Красная Армия добилась на Южном фронте. Белоказики, прижатые советскими войсками в Медведицком и Хоперском районах, были вынуждены отступать и под Царицыном. Потерпев поражение на воронежском и царицынском направлениях, белогвардейцы перешли к обороне на всех направлениях, чтобы удержать правобережье Дона и не дать Красной Армии распространиться по всему внутреннему району Области Войска Донского. Бои развернулись на трех направлениях. На бахмутском направлении советские войска к востоку от Луганска вели наступательные бои южнее Миллерова; на хоперском направлении советские войска, форсировав Дон, вышли на его правый берег и заняли ст. Суровикино и Потемкинскую; на царицынском направлении советские войска, форсировав Дон, вышли на правобережье и освободили станицу Старо-Григорьевскую и ст. Гнилоаксайскую. На Северном Кавказе Красная Армия, успешно продвигаясь от Каспия на запад, заняла ст. Гудермес и освободила от

белогвардейцев весь Пятигорский район. Успешно развернулось освобождение оккупированных областей на западе и юго-западе.

Главной ареной развернувшейся борьбы с оккупантами стала Украина. Предвидя скорое ее освобождение, ЦК КП (б) Украины в середине сентября 1918 г. приступил к созданию из отдельных партизанских отрядов крупных соединений украинской Красной Армии. В нейтральной зоне, установленной в районе демаркационной линии, были сформированы 1-я и 2-я повстанческие украинские дивизии. В формировании этих дивизий активное участие приняли В. Х. Ауссем, В. Н. Боженко, А. В. Иванов, М. П. Кирпонос, Н. Г. Крапивянский, В. М. Примаков, Т. В. Черняк, Д. А. Шмидт, Н. А. Щорс и др.

К осени 1918 г. усилилось также формирование белорусских, латышских, эстонских частей и соединений Красной Армии, которые сыграли большую роль в освобождении своей родной земли от оккупантов^[496].

К этому времени на оккупированной территории трудящиеся резко усилили удары по врагу и очистили от германских захватчиков целые районы. Повсеместно стали возникать Советы: на Украине – в Харькове, Екатеринославе, Одессе; в Белоруссии – в Гомеле, Минске, Могилеве и других городах^[497]. В Литве и Латвии Советы были созданы в Вильно, Шавлях, Ковно, Верро, Валке, Риге, Либаве и других местах^[498]. Особенно активная борьба развернулась на Украине. Здесь вспыхнуло крупное восстание трудящихся, которое охватило районы Бердичева, Казатина, Белой Церкви, Святошина, Харькова и Полтавы^[499]. Нужно было срочно прийти на помощь восставшим.

11 ноября 1918 г., за два дня до официального аннулирования Брестского мира, на специально созванном заседании Совета Народных Комиссаров было решено дать директиву Реввоенсовету Республики «в десятидневный срок начать наступление в поддержку рабочих и крестьян Украины, восставших против гетмана»^[500]. В постановлении от 13 ноября 1918 г. «Об аннулировании Брест-Литовского мира» ВЦИК торжественно заявил, что все оккупированные области России будут очищены и что Советская Россия окажет трудящимся этих областей полную поддержку в их борьбе за социалистическую власть рабочих и крестьян. К этому времени борьба трудящихся на оккупированной территории достигла кульминационного пункта. Повсеместно рабочие и крестьяне боролись против оккупантов. Германская армия под влиянием революционных событий у себя на родине и под воздействием борющихся за свою свободу украинских, белорусских и других трудящихся стала быстро разлагаться. Германское командование с тревогой отмечало факты братания своих войск с украинскими рабочими и крестьянами. Дальнейшее пребывание германских оккупационных войск в России становилось опасным для правящих кругов Германии. В связи с этим германское правительство решило нарушить Компьенское соглашение о перемирии и вывести свои войска из России. 14 ноября 1918 г. советскому военному командованию стало известно, что германские войска получили приказ своего правительства с утра 16 ноября начать эвакуацию^[501].

Директива Совета Народных Комиссаров от 11 ноября 1918 г. и постановление ВЦИК «Об аннулировании Брест-Литовского мира» были восприняты РВСР как приказ готовить войска к борьбе за освобождение всех оккупированных областей России. Учитывая это, РВСР в ноябре преобразовал Западный район обороны в Западную армию. В состав этой армии была введена Западная дивизия, которая формировалась главным образом из белорусов, литовцев и поляков. Для освобождения Прибалтики из состава 7-й армии была выделена Западная группа войск, куда вошли латышские и эстонские части, переброшенные из Москвы, с Восточного и Северного фронтов. Всего советские войска, предназначенные для участия в освобождении Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, к началу боевых действий насчитывали 32 тыс. человек и имели на вооружении 343 пулемета, 75 орудий, 7 броневииков, 4 бронепоезда и 29 аэропланов^[502].

17 ноября 1918 г. был образован Украинский РВС во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко. Была также сформирована Украинская армия («Группа войск курского направления»). В состав этой армии вошли 1-я и 2-я повстанческие украинские дивизии и другие части. Общая численность советских войск, предназначенных для участия в освобождении Украины, составляла 24 500 человек. Они имели на вооружении 144 пуле мета, 40 орудий, 2 броневика и 8 аэропланов^[503].

Освободительный поход советских войск начался во второе половине ноября 1918 г. Руководствуясь директивой Совета Народных Комиссаров и указаниями РВСР, главком

И. И. Вацетис в первой половине ноября 1918 г. отдал приказ советским войскам перейти демаркационную линию и освободить оккупированные территории нашей страны на западе^[504].

Получив приказ главкома, командование 7-й армии 17 ноября приказало Западной группе перейти демаркационную линию и освободить Нарву, Псков и Остров^[505]. В ночь на 18 ноября был отдан приказ о наступлении войск Западной армии^[506]. Наступление советских войск в районе Украины началось в конце ноября 1918 г.^[507]

К концу декабря 1918 г. советские национальные войска, поддержанные восставшими рабочими и крестьянами, почти полностью освободили Эстонию, большую часть Латвии, Белоруссии и начали освобождение Литвы. Советские украинские войска сумели продвинуться местами до 100 верст от демаркационной линии, освободили сотни населенных пунктов, в том числе Волчанск, Суджу, Рыльск, Белгород и др.^[508] Это был крупный военно-политический успех Советской республики. Возродились советские республики Украины, Эстонии, Литвы и Латвии, а начало нового, 1919 г. ознаменовалось возрождением и Белорусской Советской социалистической республики^[509].

К моменту возрождения советских республик Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии контрреволюция развила лихорадочную деятельность. При помощи Антанты она усиленно формировала свои вооруженные силы для уничтожения Советской власти на освобожденной земле. Стремясь удержать в своих руках базы для дальнейшей интервенции и организации сил белогвардейской контрреволюции, Антанта направила к берегам России свои флоты. 12 декабря 1918 г. в Ревель прибыла английская эскадра в составе 2 крейсеров и 5 миноносцев^[510]. В последующие дни флот интервентов непрерывно усиливался. При поддержке держав Антанты усилилось формирование белогвардейских войск. По данным Полевого штаба РВСР, только Северная добровольческая армия, базировавшаяся в Прибалтике, уже в декабре 1918 г. превысила 17 тыс. человек^[511]. Командовать этими войсками интервенты, с согласия Колчака, поручили Юденичу. Белоэстонскому правительству при поддержке Финляндии и Швеции удалось сформировать армию, насчитывавшую до 18 тыс. человек и в скором времени выросшую до 24 тыс. человек^[512].

В декабре 1918 г. формирование войск для борьбы с советскими республиками развернулось и в Германии. К середине января 1919 г. 21 батальон германских добровольцев, каждый по 800—1000 человек, прибыл в Литву и сосредоточился в районе Ковно^[513]. В треугольнике Олита, Гродно, Щучин разворачивались белогвардейские войска Польши, которые уже в январе 1919 г. насчитывали до 17 тыс. человек^[514]. Юго-западнее Слонима, в районе ст. Косово, формировалась белолитовская армия, численность которой в январе 1919 г. достигла 10 тыс. человек^[515]. На Украине при содействии германского командования и высадившихся на Черноморском побережье войск Антанты формировалась армия буржуазных националистов во главе с Петлюрой, а в Крыму и на Северном Кавказе усиленно формировалась белогвардейская армия Деникина^[516].

Складывавшаяся обстановка была чревата серьезной опасностью для молодых советских республик. Поскольку советские Украина, Белоруссия, Литва, Латвия и Эстония не располагали в ту пору достаточными вооруженными силами для отпора интервентам и белогвардейцам, их дальнейшая судьба зависела от той помощи, которую могла оказать им Советская Россия.

Совет Народных Комиссаров принял декреты о признании независимости новых советских республик и вменил в обязанность военным властям РСФСР оказывать им всяческое содействие в их освободительной борьбе.

4 января 1919 г. был образован Украинский фронт. В его состав, кроме Украинской армии, была включена и «резервная армия»^[517]. Командующим войсками Украинского фронта был назначен В. А. Антонов-Овсеенко, членами РВС фронта правительство советской Украины назначило Ю. М. Коцюбинского и Е. А. Щаденко. Войска Украинского фронта сражались под командованием В. Н. Боженко, И. Н. Дубового, М. П. Кирпоноса, П. Е. Княгницкого, Н. Г. Крапивянского, В. М. Примакова, Т. В. Черняка, Н. А. Щорса и других военачальников. Ближайшая задача, поставленная перед ними, заключалась в том, чтобы очистить от противника Левобережную Украину, овладеть линией Днепра^[518].

Учитывая, что в составе Западной и 7-й армий имелись многочисленные латышские подразделения и части, РВСР принял решение сформировать из них Армию Советской Латвии. Ядром этой армии стала латышская группа войск, действовавшая в составе Западной армии.

Правительство Советской Латвии одобрило инициативу РВСР и 5 января 1919 г. преобразовало латышскую группу войск в Армию Советской Латвии. Командующим войсками Армии Советской Латвии был назначен П. Я. Авен, а членами РВС – А. Э. Дауман и Я. Я. Пече^[519]. Перед войсками Армии Советской Латвии была поставлена задача очистить территорию Латвии от германских и белогвардейских войск, закрепить Советскую власть в освобожденных районах, захватить все побережье и порты Рижского залива и Балтийского моря и обеспечить их от высадки десантов войск Антанты^[520].

Для создания вооруженных сил Советской Литвы РВСР 22 января 1919 г. передал правительству Советской Литвы Псковскую дивизию и переименовал ее в Литовскую дивизию^[521].

Вскоре РВСР принял меры и к образованию вооруженных сил Советской Эстонии. Постановлением от 18 февраля 1919 г. РВСР образовал Эстляндскую армию. Командующим войсками Эстляндской армии был назначен М. Н. Васильев, а членами РВС – Изак и Керес^[522].

В январе – феврале 1919 г. на пополнение войск Украинского фронта прибыла 3-я стрелковая дивизия, в Армию Советской Латвии – Латвийская и Интернациональная стрелковые дивизии. Западная армия в этот период пополнилась 8-й и Сводной стрелковыми дивизиями^[523]. В целях объединения войск, действовавших в Белорусском, Прибалтийском и Карельском районах, РВСР 19 февраля 1919 г. образовал Западный фронт и ввел в его состав Западную и 7-ю армии, а также Армию Советской Латвии. Командующим войсками фронта был назначен бывший генерал Д. Н. Надежный, а членом РВС – Р. Римм^[524].

Уже к марту 1919 г. Красная Армия добилась значительных успехов на всех фронтах. Она освободила территорию в 877 838 квадратных верст со 166 городами и 164 317 другими населенными пунктами с населением около 40 млн. человек. Были почти полностью освобождены Область Войска Донского и Донбасс, значительная часть Украины и Прибалтики, Поволжье и другие районы страны^[525]. Огненное кольцо фронтов было значительно раздвинуто, линия фронтов с 6 тыс. верст увеличилась до 8 тыс.^[526]

Потерпев неудачу в своих первых попытках удушения Советской республики, Антанта усиленно готовилась совместно с белогвардейскими армиями к новому натиску. По данным Полевого штаба РВСР, Антанта к 15 февраля 1919 г. сосредоточила против всех фронтов советских республик более 511 тыс. штыков и сабель (здесь, кроме белогвардейцев, были английские, французские, финские, греческие, германские, белолитовские, польские, белоэстонские и другие войска). В Белое, Балтийское, Черное и Каспийское моря были стянуты военно-морские силы противника, которые в общей сложности насчитывали до 135 кораблей^[527]. Все эти силы должны были весной 1919 г. перейти в наступление.

Главный удар по Советской республике было решено нанести силами белогвардейских армий царского вице-адмирала Колчака. С этой целью на Восточном фронте интервенты и белогвардейцы сосредоточили 112 тыс. штыков и сабель против 96 тыс. штыков и сабель советских войск. В период 4–6 марта 1919 г. Колчак перешел в наступление. Под давлением превосходящих сил противника советские войска с боями стали отходить на запад. На Восточном фронте создалось угрожающее положение.

Чтобы поддержать Колчака, 15 марта на Южном фронте перешли в наступление белогвардейские войска Деникина, а в апреле 1919 г. начались активные действия врага и на Западном фронте. Создав сильную группировку в районе Лида – Барановичи, белопольские войска 15 апреля перешли в наступление в районе Белоруссии. Тяжелые бои развернулись и в Латвии^[528].

По-иному развивалась боевая деятельность советских войск на Украине. В марте и начале апреля 1919 г. войска Украинского фронта очистили от противника весь юг Украины, включая побережье Черного моря. Вскоре был освобожден и Крым (за исключением районов Феодосии и Керчи). От петлюровцев были очищены западная и юго-западная части Украины, и советские войска достигли здесь границ Галиции и Бессарабии. Интервенты были вынуждены покинуть Одессу, Крым и другие районы юга Украины^[529]. Лишь в Донбассе развернулись тяжелые бои советских войск Южного фронта против войск Деникина.

На севере, где активные боевые действия к началу 1919 г. постепенно прекратились, советские войска перешли к обороне. Учитывая сложившуюся обстановку на этом участке стратегического фронта, РВСР 13 февраля 1919 г. упразднил Северный фронт. Входившая в

состав этого фронта 7-я армия была передана в подчинение РВС Западного фронта, а 6-я армия, преобразованная в 6-ю Отдельную армию, была оставлена на прежнем театре военных действий и подчинена непосредственно главкому.

Военная обстановка, сложившаяся весной 1919 г., требовала от Советской страны максимального напряжения в организации отпора врагу, вызывала необходимость всемерного усиления советских вооруженных сил.

Предвидя возможность усиления интервенции и гражданской войны, Советское правительство еще до начала весеннего наступления белогвардейцев и интервентов приняло меры к укреплению фронтов. Постановлением РВСР от 5 марта 1919 г. из войск, прибывших из Туркестана и принимавших участие в боях за Оренбург, была сформирована Туркестанская армия, вошедшая в состав войск Восточного фронта. 13 марта РВСР упразднил Каспийско-Кавказский фронт и из его войск и учреждений сформировал 11-ю Отдельную армию, подчинив ее непосредственно Главному командованию. 11-я Отдельная армия должна была действовать на кавказском направлении. Укрепляя восточное и юго-восточное направления стратегического фронта, РВСР принял меры и к упорядочению других фронтов. 5 марта 1919 г. из войск Донецкой группы была сформирована 13-я армия. 15 апреля из многочисленных отрядов и частей Украинского фронта были сформированы 1, 2 и 3-я Украинские и Крымская армии. Проводилось дальнейшее упорядочение стрелковых дивизий.

Одновременно с мероприятиями по укреплению фронтов, реорганизации армий и упорядочению дивизий проводилась мобилизационная работа. В январе 1919 г. на основании приказа РВСР от 16 января были призваны рабочие и трудящиеся крестьяне 1892 и 1891 гг. рождения и граждане, которые ранее были признаны неспособными к походной службе. Призыв этих групп дал армии пополнение в 154374 человека^[530].

1 марта 1919 г. РВСР объявил новый призыв. На этот раз призыву подлежала трудящаяся молодежь 1899 г. рождения. По мартовскому призыву Красная Армия получила пополнение в 223 554 человека^[531].

Меры, принятые РВСР, укрепили фронты, но в условиях развернувшегося наступления врага на востоке, юге и западе нужно было прежде всего определить, на каком из этих фронтов необходимо сосредоточить основные усилия Республики. В. И. Ленин пришел к выводу, что, наступая одновременно на нескольких фронтах, белогвардейцы и интервенты наносят свой главный удар на востоке и что поэтому основным фронтом должен быть признан Восточный фронт.

Для укрепления Восточного фронта Советское правительство решило провести ряд новых мобилизаций. Декретом Совета Народных Комиссаров от 10 апреля 1919 г. был объявлен призыв рабочих и трудящихся крестьян в Петрограде, Москве и губерниях: Петроградской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Рязанской. Призывались военнообязанные пяти старших возрастов – 1890–1886 гг. рождения^[532].

Наряду с общими мобилизациями широко проводились специальные мобилизации железнодорожников, служащих торговли, промышленности и транспорта, работников почты и телеграфа, студентов и даже юношей, окончивших школы второй ступени, сверстники которых служили в армии. Всего таких мобилизаций было более 10^[533].

Всего за январь – апрель 1919 г. в ряды Красной Армии были призваны рядовые семи старших возрастов – 1892–1886 гг. рождения и одного младшего возраста – 1899 г. рождения. Эти призывы вместе со специальными мобилизациями (профсоюзной и волостной) дали Красной Армии пополнение в 523 011 человек.

Военный союз советских республик

Сосредоточив усилия страны на дальнейшем строительстве регулярной Красной Армии, Советское правительство было вынуждено срочно решить вопрос об объединении военных усилий всех советских республик для борьбы с общим врагом. Решение этого вопроса было продиктовано наличием общих интересов в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Антанта, сумевшая объединить силы внешней и внутренней контрреволюции, могла добиться решающего успеха, разгромив армии советских республик каждую в отдельности.

Таким образом, советские республики должны были создать единую военную организацию, чтобы в условиях усилившейся интервенции и гражданской войны выступать единым фронтом

во главе с опытным военным руководителем. Стремление идти бок о бок со своими русскими братьями народы советских республик выражали с первых дней Советской власти. Так, в декларации временного рабоче-крестьянского правительства Украины в конце января 1919 г. было записано: «В первую очередь мы заявляем громко свою солидарность с Советской Российской Федеративной Республикой... Врагов Советской России мы объявляем врагами Советской Украины. У нас одинаковые политические, экономические и военные задачи... Все это предreshает объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах социалистической федерации»^[534].

I съезд Советов Белоруссии в первой половине февраля 1919 г. постановил: «Начать переговоры с Российской Советской Республикой по установлению федеративной связи между ней и Советской Белоруссией...»^[535]

Советское правительство Литвы в первом Манифесте 16 декабря 1918 г., провозгласив установление в Литве власти Советов, писало: «Строя нашу новую жизнь на тех же началах, которые положены в основу Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, мы впредь будем идти рука об руку с Советской Россией...»^[536] Такое же стремление к тесной связи с Советской Россией выразило правительство Советской Латвии в первом манифесте 17 декабря 1918 г.^[537] Латышские рабочие вели борьбу за власть Советов под лозунгом: «Обратно в Россию и к России!»^[538]

21 апреля 1919 г. состоялось заседание Совета Оборон, на котором В. И. Ленин выступил с докладом «Об усилении работы в области военной обороны». К сожалению, доклада В. И. Ленина найти не удалось, а постановление, принятое по докладу, носило общий характер и обязывало ВСНХ, Наркомпрод и все наркоматы усилить работу по военной обороне^[539]. Поэтому мы не можем сказать, как ставился вопрос о создании единой военной организации советских республик. Но не может быть сомнения в том, что на Совете Оборон данный вопрос рассматривался. Это предположение подтверждается резолюцией В. И. Ленина на докладе главкома И. И. Вацетиса и члена РВСР С. И. Аралова о необходимости создания единой военной организации советских республик.

В докладе, представленном В. И. Ленину 23 апреля 1919 г. И. И. Вацетис и С. И. Аралов писали: «Гражданская война достигает высшего напряжения. Наши многочисленные противники напрягают максимум энергии, чтобы усилить численно и технически свою вооруженную силу. Противники наши сплотились; у них установилось общее командование и создано полное единоначалие в действиях; мы же поступаем совершенно иначе: РСФСР как бы расколола свое военное единство на две половины – на западную и на восточную, в то же время раздробила также и свою боевую мощь. В западной половине РСФСР образовался ряд советских республик, принявших в настоящее время определенную физиономию сепаратной автономности в вопросах ведения войны. Эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы создают свои армии, свои аппараты Наркомвоен, из которых каждый действует с присущей ему одному специфичностью... Выходит, что западная половина РСФСР в военном отношении на практике выключилась из общего военного лагеря. С точки зрения ведения государственной обороны страны такое явление составляет стратегический аборт»^[540].

Вскрыв ошибки, допущенные наркомвоенами советских республик, И. И. Вацетис и С. И. Аралов пришли к выводу, что дальнейшее нарушение единого военного лагеря и дробление вооруженных сил РСФСР на национальные армии «является во всех отношениях нецелесообразным и крайне вредным для нашего успеха»^[541].

Ознакомившись с этим докладом, В. И. Ленин дал следующие указания РВСР: «Это кстати как раз к тому, что вчера решено. Надо спешно, тотчас: 1) составить текст директивы от ЦК ко всем «националам» о единстве (слиянии) военном; 2) дать ее в прессу для ряда статей...»^[542]

Руководствуясь резолюцией В. И. Ленина на докладе И. И. Вацетиса и С. И. Аралова, РВСР специально обсудил вопрос о создании единой военной организации. На заседании 28 апреля 1919 г. он принял постановление, в котором отмечал, что «...опыт всей работы на Западном фронте и в полосе западных советских республик свидетельствует с полной непрерываемостью, что тот режим, который установлен сейчас, чрезвычайно и совершенно неоправдываемый с военной точки зрения самостоятельных соседних правительств в деле формирования, снабжения и отчасти даже оперативном отношении является совершенно пагубным для дела обороны границ Советской республики»^[543].

Выяснив взгляды военных руководителей, В. И. Ленин решил обсудить вопрос о создании единой военной организации советских республик в ЦК РКП (б). 4 мая 1919 г. Центральный Комитет под председательством В. И. Ленина обсудил вопрос «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социалистических республик» и принял директивы центральным комитетам коммунистических партий Украины, Литвы и Белоруссии, Латвии и Эстонии^[544].

В директивах ЦК РКП (б) отмечалось, что «опыт формирования воинских частей, равно как и опыт военных операций на Западном фронте, свидетельствует с несомненностью, что тенденция отдельных советских республик приурочить военную организацию, в том числе и военно-оперативную, к национальным границам, вела на практике к ряду столкновений местных и национальных притязаний с военными задачами социалистической революции в целом. Если государство пролетарской диктатуры требует во всех основных областях своей деятельности централистических методов управления, то это требование является тем более обязательным для области военного управления и командования»^[545].

ЦК РКП (б) подвел итоги военного строительства в советских республиках, вскрыл ошибки, которые допускали наркомвоены, и указал, что «попытки подчинить командование отдельных армий местным национальным советским властям являются безусловно пагубными для дела обороны Советской республики. Поэтому нарушение единства управления и командования, национальное раздробление армий приводит к национальным трениям в среде самих красноармейских частей и является верным путем к разложению армии. Центральный Комитет считает поэтому необходимым восстановить в области военного управления и командования строжайшее начало единства организации и строгого централизма»^[546].

В соответствии с этим ЦК РКП (б) рекомендовал центральным комитетам коммунистических партий советских республик впредь руководствоваться следующим:

1) территория каждой советской республики должна представлять собой военный округ, подчиненный РВС РСФСР на общем основании с военными округами РСФСР и с вытекающими отсюда правами и обязанностями;

2) всем наркомвоенам советских республик точно и неуклонно выполнять все приказы, постановления и распоряжения РВС РСФСР и органов, непосредственно ему подчиненных: Всероссийского главного штаба, Центрального управления снабжения, Политотдела и др. Мобилизация людей, поставка лошадей, повозок и упряжи в советских республиках, а также формирование войск и использование всех сил и средств могут впредь осуществляться только с ведома и согласия РВС РСФСР^[547].

Решения ЦК РКП (б) положили конец разобщенным действиям всех наркомвоенов, устанавливали строгий революционный порядок в деле обороны советских республик и заложили основы образования единой военной организации братских советских республик.

Идея создания единой военной организации советских республик была выдвинута В. И. Лениным весьма своевременно. На всех фронтах Советской республики развернулись ожесточенные бои.

В условиях развернувшегося наступления белогвардейцев и интервентов на юге, западе и северо-западе успех дальнейшей борьбы советских республик в значительной мере зависел от того, как скоро ЦК РКП (б) реализует свое постановление о создании единой военной организации советских республик.

Для того, чтобы законодательно оформить создание единой военной организации, нужно было, чтобы советские республики высказались по этому вопросу и ЦИК Советов республик приняли соответствующие постановления. В этих целях ЦК РКП (б) предложил коммунистическим фракциям в российском и украинском ЦИК поднять вопрос о создании единой военной организации всех советских республик^[548].

18 мая 1919 г. ЦИК Украины вместе с Киевским Советом рабочих депутатов, Киевским уездным съездом крестьянских депутатов и представителями киевских профсоюзов и фабзавкомов постановил обратиться в ЦИК советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы^[549]. Через две недели, 31 мая 1919 г., Совет Обороны Литвы и Белоруссии направил во ВЦИК и ЦК РКП (б) телеграмму, в которой предложил «установить всем советским республикам тесный военный союз с единым военным командованием и делением всех объединенных военных сил на армии

по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу»^[550]. Такое же предложение было высказано и правительством Советской Латвии^[551].

Получив от ЦИК УССР и правительств всех советских республик одобрение идеи создания единой военной организации и выражая волю миллионов рабочих и крестьян России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, ВЦИК РСФСР 1 июня 1919 г. принял декрет «Об объединении советских социалистических республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом»^[552].

Практическая работа по проведению декрета ВЦИК была возложена на выделенную ВЦИК комиссию. Этой комиссии поручалось немедленно вступить в переговоры с представителями ЦИК Советов республик и совместно с ними выработать условия установления военного единства.

2 июня 1919 г. комиссия ВЦИК провела первое заседание и приняла проект РВС РСФСР о реорганизации военного управления на Украине и в других советских республиках^[553]. Было решено до 7 июня 1919 г. упразднить Украинский фронт и из его войск образовать две армии: одну из них подчинить РВС Южного фронта, другую – непосредственно Главному командованию; территорию Украины разделить на военные округа, создать окружные военкоматы по штатам, действующим в РСФСР, и подчинить эти органы Всероссийскому главному штабу; реорганизовать Наркомвоен Украины, упразднив все его центральные органы, за исключением тех, которые РВС РСФСР признает необходимым сохранить; обязанности Наркомвоена Украины возложить на окружного военного комиссара Киевского военного округа и предоставить ему право голоса в Совнаркоме Украины.

РВС РСФСР было поручено реорганизовать Белорусско-Литовскую армию и Армию Советской Латвии и свести их в боевые соединения, руководствуясь исключительно стратегическими соображениями. В отношении национальных дивизий и отдельных частей РВС РСФСР предоставлялось право в зависимости от обстановки переформировать, свести их в общеномерные дивизии и переводить их на другие фронты из занимаемых ими районов. Эстляндскую армию как отдельное самостоятельное боевое соединение расформировать.

Так в результате создания единой военной организации советских республик был воссоздан единый военный лагерь, восстановлено единое военное командование войск действующей армии.

С образованием единой военной организации советских республик было оформлено и создание военно-политического союза советских республик. Этот союз сложился в огне гражданской войны, и явился важным этапом на пути образования Союза Советских Социалистических Республик.

Разгром Колчака и Деникина

Весной 1919 года усилился нажим белогвардейских армий Деникина и Юденича. Произведя в середине мая 1919 г. прорыв в Юзовском районе, войска Деникина устремились на север. Пользуясь абсолютным превосходством своей конницы, действовавшей против войск Южного фронта, истомленных непрерывным четырехмесячным наступлением в течение зимних холодов и весенней распутицы, не имевших к тому же в своем распоряжении достаточных конных сил, армии Деникина стали быстро развивать успех, поддерживая свои конные части танками.

Советское правительство видело в наступлении Деникина грозную опасность для Советской республики и призвали трудящихся к отпору врагу. 9 июля 1919 г. ЦК РКП (б) опубликовал письмо всем партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!» Письмо было написано В. И. Лениным.

В письме ЦК РКП (б) В. И. Ленин писал: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»^[554]. Партия, В. И. Ленин призвали рабочих и крестьян отдать все силы, что бы отразить нашествие Деникина, победить его, не останавливая победного наступления советских войск на Урал и Сибирь. Южный фронт был признан главным фронтом Республики. Все усилия рабочих и трудящихся крестьян были направлены на разгром Деникина. Коммунистическая партия мобилизовала на фронт свыше 26 тыс. коммунистов, профсоюзы послали в армию более 12 тыс. своих активистов^[555]. Фронт был значительно пополнен войсками и оружием. Если на 15 июня в его составе насчитывалось только 77 тыс. штыков и сабель при 1591 пулемете и 433 орудиях, то

через месяц, 15 июля, – 162 тыс. штыков и сабель при 3 тыс. пулеметов и 611 орудий^[556]. Своевременные меры по укреплению Южного фронта, принятые ЦК РКП (б) и Советом Обороны под руководством В. И. Ленина, позволили в скором времени добиться перелома в пользу советских войск и обеспечили разгром Деникина, Юденича и других врагов.

Организуя борьбу рабочих и крестьян с интервентами и белогвардейцами, ЦК РКП (б) и Совет Обороны не ослабляли работы по дальнейшему строительству Красной Армии. Под их руководством РВСР успешно завершил войсковую реформу, начатую еще зимой 1918/19 г., создал новую организацию запасных войск Республики, наладил пополнение фронта и укрепил действующую армию.

В период развернувшегося наступления белогвардейских армий первостепенное значение для военного строительства приобрела проблема создания подготовленных резервов для действующей армии и планомерной отправки пополнений на фронт.

Еще в сентябре 1918 г. РВСР принял решение готовить резервы для действующей армии в запасных батальонах для пехоты, запасных эскадронах для кавалерии, запасных батареях для артиллерии и запасных ротах для инженерных войск. Главное внимание уделялось подготовке запасных частей для главного рода войск – пехоты. Приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. всем военным округам предписывалось приступить к созданию запасных батальонов при формирующихся во внутренних военных округах 11 стрелковых дивизиях^[557]. Исходя из возможностей, округа должны были формировать по одному-два запасных батальона на каждую стрелковую бригаду формируемых дивизий. Но так как эти батальоны должны были готовить пополнение только для формируемых дивизий, РВСР 12 октября 1918 г. предписал всем военным округам сформировать дополнительно 33 запасных батальона, которые готовили бы пополнение для действующей армии^[558].

Но пока налаживалась система подготовки пополнения через запасные части, действующую армию приходилось питать пополнениями, которые высылали военкоматы, минуя запасные батальоны. Такой порядок действовал до конца декабря 1918 г., когда в округах уже было создано 66 запасных батальонов^[559] и надобность в других формах пополнения армии отпала. Округам предписывалось еженедельно высылавать на фронт в качестве пополнения по 5 тыс. человек. Новая система отправки пополнений начала вводиться в первых числах января 1919 г.^[560]

Однако дальнейшая подготовка запасных батальонов шла менее успешно. Сказывалась нехватка помещений, вооружения и командного состава^[561]. За январь – февраль 1919 г. было сформировано всего лишь 12 запасных батальонов, их число с 66 выросло до 78^[562]. И военные округа не могли уже выполнять задание – высылавать от каждого округа по 5 тыс. человек еженедельно. В течение января – февраля действующая армия вместо 280 тыс. человек получила пополнение всего лишь 98 800 человек^[563]. Чтобы закрепить успех наступления советских войск, в феврале пришлось усилить войска Восточного, Южного и Западного фронтов за счет дивизий, которые формировались во внутренних округах. Только для пополнения армий Южного фронта пришлось выделить 100 маршевых рот^[564]. По признанию главкома И. И. Вацетиса, сделанному в докладе от 23–25 февраля 1919 г. председателю Совета Обороны В. И. Ленину о стратегическом положении Советской республики и задачах Красной Армии^[565], из 11 дивизий, сформировавшихся в военных округах, четыре (6, 7, 10 и 11-ю стрелковые дивизии) пришлось отправить на фронт еще в конце 1918 г., а три – в начале 1919 г. При этом две дивизии (1-я и 5-я) не закончили своего формирования, а их красноармейцы не были достаточно обучены и снаряжены. К марту в резерве главкома остались только четыре (2, 3, 4 и 8-я) стрелковые дивизии. Положение с подготовкой резервов стало весьма напряженным. Выполняя указания VIII съезда партии о необходимости срочных мер по усилению подготовки резервов для фронта, военные органы форсировали строительство запасных частей, подготовку и отправку пополнений фронтам. РВСР, имея цель усилить формирование пополнений, выделил 35 запасных батальонов для обслуживания соответствующих фронтов^[566]. Была начата работа по развертыванию запасных батальонов в запасные полки. К этому времени в округах были созданы управления запасных войск, которым были подчинены все запасные части. Емкость каждого запасного батальона была увеличена с 1200 до 2 тыс. человек^[567].

За март – июнь 1919 г. было сформировано 44 запасных батальона, число их к концу июня 1919 г. достигло 122^[568]. Большой приток мобилизованных в Красную Армию рабочих и

трудящихся крестьян позволил резко усилить отправку пополнений на фронт. В течение марта – июня 1919 г. на фронт было отправлено пополнений 313 100 человек, из них в марте – 40 800, апреле – 77 тыс., мае – 80 400 и июне – 114 900 человек^[569].

Одновременно с усилением отправки пополнений на фронт шла дальнейшая реорганизация войск, упорядочивалась их нумерация. К концу апреля в Красной Армии было уже 46 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий. По данным Всероссийского главного штаба, к 15 мая 1919 г. вся действующая армия приняла единую стройную организацию^[570].

Красная Армия изо дня в день росла и укреплялась. В течение мая – июня боевой состав ее пехоты пополнился новыми дивизиями и отдельными бригадами. К 1 июля 1919 г. в Красной Армии насчитывалось 56 стрелковых дивизий и 13 отдельных стрелковых бригад^[571].

Дальнейшему успеху формирования войск Красной Армии способствовало создание запасных частей. За июль – август 1919 г. в ходе наступления войск Деникина было сформировано еще 26 запасных батальонов, их число достигло 148^[572]. Формировались запасные полки. Такой рост запасных войск позволил РВСР 7 августа 1919 г. создать первую в стране Запасную армию Республики^[573].

Июль – сентябрь 1919 г. были самыми напряженными месяцами в формировании пополнений и отправке их на фронт. За эти месяцы на фронт было послано пополнение в 441 тыс. человек, из них: в июле – 205500, августе – 155200 и сентябре – 80300 человек. За три последних месяца 1919 г. фронт получил еще 122 400 человек. Всего, таким образом, за вторую половину 1919 г. на фронт было отправлено 563400, а за весь год – 975300 человек^[574].

При развертывании Красной Армии главком и Полевой штаб основное внимание уделяли строительству пехоты. Организация конницы сильно отставала.

К 1 июля 1919 г. в Красной Армии насчитывалось всего лишь пять кавалерийских дивизий; три из них действовали самостоятельно, а две (4-я и 6-я), находившиеся в составе 10-й армии, 26 июня 1919 г. были сведены в Конный корпус под командованием С. М. Буденного^[575].

По данным Всероссийского главного штаба, за время первой мировой войны у населения для нужд армии было изъято до 1,5 млн. лошадей, что составляло 6 % всего конского состава страны, или 28 % лошадей, годных для армии. После окончания войны и демобилизации старой армии Советская республика не получила из этих 1,5 млн. лошадей даже 150 тыс.^[576]

Планомерная работа по укомплектованию Красной Армии лошадьми началась 26 июля 1918 г., когда Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет о введении военно-конской повинности. Первоначально было решено на основе военно-конской повинности покупать лошадей у населения. 9 сентября 1918 г. был объявлен первый набор лошадей для армии^[577]. 1 февраля 1919 г. было куплено всего лишь 233 151 лошадь. Такое поступление лошадей в армию было явно неудовлетворительно. В феврале 1919 г. Советское правительство оказалось вынужденным перейти к повсеместной мобилизации конского состава для армии. Но в феврале – марте 1919 г. мобилизация дала только 48 тыс. лошадей^[578]. И хотя результаты были очень незначительными, мобилизация все же оказала вредное влияние на настроения средних крестьян, чем не преминули воспользоваться эсеры и кулаки, развернувшие агитацию против Советской власти и Красной Армии. В интересах укрепления: союза рабочего класса и среднего крестьянства Совет Обороны решил отказаться от принудительного набора лошадей и перейти к покупке их у населения^[579].

Медленное поступление лошадей в действующую армию было одной из главных причин совершенно недостаточного развертывания конницы. Но не в меньшей мере на развитие этого рода войск повлияла недооценка главкомом и Полевым штабом роли конницы в маневренной войне. Это выразилось, во-первых, в том, что, принимая новые штаты стрелковой дивизии, главком допустил упразднение самостоятельных кавалерийских полков в стрелковых дивизиях и заменил их маломощными кавалерийскими дивизионами, которые предназначались лишь для выполнения служебной роли при пехоте; во-вторых, в том, что, располагая к началу наступления Деникина пятью кавалерийскими дивизиями и отдельными конными частями, главком и Полевой штаб, вместо того, чтобы соединить их в мощный кулак на том фронте, где противник применял большие конные массы, рассредоточили их по фронтам. Три кавалерийские дивизии (4, 6 и 7-я) находились на Южном фронте, а остальные (1-я и 3-я Туркестанская) – на Восточном. В то же время в течение мая – июня 1919 г. Главное командование не создало ни одной кавалерийской дивизии. Между тем уже в марте 1919 г. бои советских войск Южного фронта

против белогвардейской армии Деникина показали, какое большое значение приобрела конница в маневренной войне. Деникин, располагавший большими конными массами (дивизии и корпуса генералов Врангеля, Мамонтова, Улагая и др.), мог наносить советским войскам внезапные и сильные удары. Из этого опыта следовало извлечь соответствующие уроки, но главком и Полевой штаб медленно реагировали на него. РВСР решил исправить эту ошибку. 30 октября 1919 г. он указал, что вооруженные силы действующей армии в организационном отношении доведены по числу единиц до отвечающего потребности развития. Было признано, что дальнейшее увеличение числа войсковых частей будет излишним и вредным, так как ощущается значительная нехватка людей, лошадей и военного имущества. Очередной задачей Главного командования РВСР считал усовершенствование уже созданной армии и приказал прекратить дальнейшее формирование новых стрелковых дивизий и отдельных бригад^[580]. Все средства фронтов предлагалось в первую очередь направить на укрепление существующих стрелковых дивизий и усиление формирования конницы^[581].

Реализуя приказ РВСР, военные органы усилили покупку лошадей у населения. Во второй половине года на эти цели было израсходовано почти 3,7 млрд. руб.^[582] И к концу 1919 г. в Красной Армии стало почти 345 тыс. лошадей, из них в действующей армии – до 300 тыс.^[583] Увеличение покупки лошадей и усиленная высылка пополнений на фронт позволили развернуть кавалерию Красной Армии. В сентябре 1919 г. из 1-й партизанской, 2-й Горской и 3-й Донской кавалерийских бригад 10-й армии Юго-восточного фронта был сформирован конно-сводный корпус под командованием Б. М. Думенко. В октябре сформировались четыре кавалерийские дивизии (8-я червоного казачества, 11, 12 и 13-я), в ноябре еще 3 кавалерийские дивизии (1-я Туркестанская, 2-я и 10-я)^[584]. Всего, таким образом, за сентябрь – ноябрь были созданы один конный корпус и семь кавалерийских дивизий. Это почти в 2 раза больше, чем за весь предшествовавший период с начала строительства Красной Армии.

Учитывая успешное формирование кавалерии и дальнейшие возможности ее развития, РВСР решил создать конную армию. Как известно, за всю историю войны противник не имел такого-объединения, как конная армия. РВСР считал, что такая армия в маневренной войне сыграет весьма важную роль. 17 ноября 1919 г. РВСР в приказе РВС Южного фронта предписал переименовать Конный корпус С. М. Буденного в 1-ю Конную армию. 19 ноября РВС Южного фронта этот приказ выполнил. Командующим 1-й Конной армией был назначен С. М. Буденный^[585].

Таким образом, к концу 1919 г. в боевом составе Красной Армии насчитывалось 12 кавалерийских дивизий (из них 4, 6 и 11-я вошли в состав 1-й Конной армии), конно-сводный корпус и 1-я Конная армия. Успех строительства кавалерии Красной Армии в 1919 г. резко изменил соотношение пехоты и конницы. Если к концу 1918 г. удельный вес конницы был незначительным и едва превышал 6 % всех соединений армии, то к концу 1919 г. он вырос почти в 3 раза и превышал 16 %. Создание больших конных масс в условиях маневренной войны сыграло одну из решающих ролей в обеспечении боевого успеха Красной Армии в завершающий период гражданской войны.

В июне 1919 г. была приведена в порядок организация фронтов и армий. Выполняя постановление ВЦИК РСФСР об установлении военного единства советских республик и рекомендации комиссии ВЦИК РСФСР, Реввоенсовет РСФСР в первой половине июня 1919 г. реорганизовал войска Украинского и Западного фронтов. Приказом от 4 июня 1919 г. он расформировал Украинский фронт, 2-ю Украинскую армию переименовал в 14-ю армию и подчинил ее РВС Южного фронта, а из войск 1-й и 3-й Украинских армий сформировал 12-ю армию и подчинил ее РВС Западного фронта. Крымская армия Украинского фронта была свернута в дивизию. В течение 7–9 июня 1919 г. были переименованы и другие армия: Армия Советской Латвии была переименована в 15-ю армию, а Белорусско-Литовская армия – в 16-ю армию. Вскоре была расформирована Эстляндская армия^[586]. Так в результате создания единой военной организации войска Южного и Западного фронтов были приведены в порядок, все армии стали однотипными и через РВС фронтов подчинены единому военному командованию – РВС РСФСР. Аппарат Наркомвоена Украины был резко сокращен, главные артиллерийское, военно-инженерное, хозяйственное и другие управления были расформированы^[587].

В июне 11-я Отдельная армия была переименована в Астраханскую группу войск, а Туркестанская армия расформирована. В последующем из Астраханской группы войск была

воссоздана 11-я армия, вошедшая в подчинение РВС Туркестанского фронта, созданного 14 августа 1919 г. 30 сентября 1919 г., на основании постановления РВСР, директивой главкома был сформирован Юго-Восточный фронт, войска которого должны были действовать в районе верхнего течения Дона, на Хопре и на Нижней Волге. В сентябре 1919 г. процесс реорганизации армий и фронтов завершился.

Приводя в порядок полевые войска, Совет Обороны принял необходимые меры к укреплению и войск вспомогательного назначения, состоявших в распоряжении Наркомпрода, Главвода, Главсахара, Главнефти, Центротекстиля и других ведомств (войска продовольственной армии, охраны водных путей, охраны сахарного производства и др.). 28 мая 1919 г. Совет Обороны принял постановление: все войска вспомогательного назначения, за исключением войск железнодорожной и пограничной охраны, изъять из ведения Наркомпрода и других организаций и с 1 июня подчинить их Наркомвнуделу через штаб войск ВЧК, который одновременно был переименован в Штаб войск внутренней охраны (ВОХР). Общая численность войск внутренней охраны временно определялась в 120 тыс. человек^[588]. 21 октября 1919 г. Совет Обороны учредил Военный совет ВОХР, председателем которого был утвержден Ф. Э. Дзержинский.

Проводя мероприятия по укреплению обороны Республики, ЦК РКП (б) и Совет Обороны пришли к заключению, что РВСР, Главное командование и Полевой штаб РВСР в существующем составе не способны обеспечить развитие вооруженных сил Республики и оперативное руководство их боевой деятельностью. В этом их убедили не только принятие РВСР непродуманных новых штатов, недооценка роли конницы, но и самочинные действия Главного командования вопреки решению партии и правительства.

Как уже говорилось, когда началось наступление Колчака и Деникина, ЦК партии и Советское правительство признали Восточный фронт главным фронтом. Сюда были направлены решающие усилия армии и народа. Однако, несмотря на ясность линии ЦК РКП (б) и Советского правительства, главком И. И. Вацетис и руководители Полевого штаба РВСР считали, что главным фронтом должен быть признан Южный фронт^[589]. В результате такой оценки И. И. Вацетис, действуя самочинно, без согласования с РВСР и Советом Обороны, стал оголять Восточный фронт и перебрасывать войска на Южный фронт. Имея указание ЦК партии перебросить с Восточного фронта на Южный одну лишь 31-ю стрелковую дивизию, И. И. Вацетис за май – июнь перебросил на Южный фронт 42 полка^[590].

Вопрос о деятельности главкома и Полевого штаба был поставлен на заседании ЦК РКП (б) 15 июня 1919 г., но тогда И. И. Вацетис еще не был смещен с поста главкома. Начальником Полевого штаба был назначен М. Д. Бонч-Бруевич, а членом РВСР (комиссаром Полевого штаба) – С. И. Гусев. М. Д. Бонч-Бруевичу и С. И. Гусеву поручалось сократить и изменить состав Ставки в Серпухове^[591]. В начале июля ЦК РКП (б) вновь вернулся к вопросу о работе высших военных органов Республики. На заседании 3–4 июля было решено перевести Полевой штаб из Серпухова в Москву, освободить И. И. Вацетиса от обязанностей главкома, назначив вместо него командующего войсками Восточного фронта С. С. Каменева, и реорганизовать РВСР, сократив его состав до 6 человек^[592]. Выполняя указания ЦК РКП (б), Совет Народных Комиссаров 8 июля 1919 г. освободил И. И. Вацетиса от должности главкома^[593] и назначил на этот пост С. С. Каменева. Начальником Полевого штаба был назначен бывший начальник штаба Восточного фронта П. П. Лебедев. В этот же день, 8 июля 1919 г., был объявлен новый состав РВСР^[594].

Мероприятия по укреплению обороны Советской республики, проведенные Коммунистической партией и Советским правительством, позволили Красной Армии уже осенью 1919 г. добиться коренного перелома в свою пользу. В середине октября 1919 г. войска Южного фронта перешли в контрнаступление. Под Орлом и Воронежем развернулись кровопролитные бои. 20 октября Красная Армия заняла Орел, а 24 октября – Воронеж. В завязавшихся тяжелых боях в середине ноября деникинские войска, действовавшие на главном направлении Южного фронта, были разбиты и вынуждены начать отступление. К 1 декабря Красная Армия сломала сопротивление противника на всем протяжении Южного фронта. Лишь на правом крыле фронта – под Киевом и на левом крыле – под Царицыном деникинские войска продолжали держаться. К концу декабря Красная Армия освободила весь Донбасс и рассекла фронт Деникина на две части. Разгромленные части деникинских войск неудержимой лавиной покатались на юг.

Больших успехов достигла Красная Армия и на других фронтах. На востоке советские войска гнали колчаковцев в глубь Сибири. На Петроградском участке фронта Красная Армия разбила наголову войска Юденича и к 1 декабря отбросила их остатки за Нарову, на территорию буржуазной Эстонии. На севере советские войска, отразив все атаки белогвардейцев, сумели стабилизировать фронт до конца 1919 г. На Западном фронте Красная Армия удерживала ранее занятые рубежи.

Создавая и укрепляя Красную Армию под огнем врага в непрерывных боях, Советское правительство при поддержке народов всех советских республик сумело к концу 1919 г. на том фундаменте, который был заложен в 1918 г., воздвигнуть величественное здание советской военной организации. К концу 1919 г. Красная Армия имела 61 стрелковую дивизию, 12 кавалерийских дивизий и один конно-сводный корпус. Эти войска были сведены в 17 армий (16 общевойсковых и одну Конную армию) и сражались на Восточном, Юго-Восточном, Туркестанском, Южном и Западном фронтах. На севере действовала 6-я Отдельная армия. Эти вооруженные силы в борьбе с врагом приобрели не только необходимый боевой опыт, но и хорошую организацию.

Завершение Гражданской войны

Новый, 1920 год Красная Армия ознаменовала решающими боевыми успехами. Войска Южного фронта, стремительно преследуя отступавшие части деникинцев, 5 января освободили Мариуполь, на следующий день – Таганрог. 8 января советские войска вступили в Ростов и Нахичевань. Выйдя на берега Азовского моря, войска Южного фронта довершили рассечение деникинской армии. Успеху наступления войск Южного фронта способствовал переход в наступление войск Юго-Восточного фронта, которые развили наступление в направлении Миллерово и Царицын. 3 января войска 10-й и 11-й армий освободили Царицын, а 9-я армия, преодолевая сопротивление врага, вышла в район Миллерово. Разбитые войска Деникина изолированными группами отходили на юг: «Добровольческая армия» отходила на Одессу и Крым, Донская и Кавказская армии – на Кубань и Северный Кавказ.

После решающих успехов на юге страны РВСР поставил перед войсками задачу скорейшей ликвидации остатков армий Деникина. В соответствии с определенными группировками врага РВСР перегруппировал советские войска, действовавшие на юге. 10 января Южный фронт был переименован в Юго-Западный. В его состав были включены 12, 13 и 14-я армии. Перед фронтом была поставлена задача уничтожить остатки «Добровольческой армии» Деникина на Украине, а также организовать оборону от белополюских войск на киевском и львовском направлениях. 16 января РВСР переименовал Юго-Восточный фронт в Кавказский и включил в его состав 8, 9, 10 и 11-ю общевойсковые и 1-ю Конную армии. Войскам фронта была поставлена задача ликвидировать остатки деникинских войск на Кубани и Северном Кавказе.

Решая задачи, поставленные РВСР, войска Юго-Западного фронта к середине февраля добились значительных успехов: они освободили Летичев, Жмеринку, Умань, Вознесенск, Николаев, Херсон, Одессу. К 17 февраля остатки «Добровольческой армии» частью капитулировали в последнем бою на восточном берегу Днепра, частью укрылись в Крыму^[595]. В районе Перекопа и у Геническа завязались тяжелые бои за перешейки.

На востоке страны успешно шла ликвидация остатков войск Колчака. 14 января приказом главкома Восточный фронт был расформирован. Окончательное завершение операции по очистке территории от остатков колчаковских войск было возложено на 5-ю армию. В течение января 1920 г. ее войска очистили всю Западную Сибирь, ликвидировали остатки уральской белогвардейской армии и приблизились к Красноводску. На севере активные боевые действия развернула 6-я Отдельная армия. 6 февраля 1920 г. она перешла в наступление, которое было поддержано трудящимися массами. 19 февраля восстали рабочие Архангельска, а 21 февраля в Архангельск вступила Красная Армия. Вскоре весь советский Север был очищен от белогвардейцев, и фронт здесь был ликвидирован. К весне 1920 г. Красная Армия освободила огромную территорию Советской республики. Только несколько небольших очагов войны оставалось еще непогашенными.

Советское правительство сосредоточило усилия Красной Армии на разгроме белогвардейских войск Врангеля в Крыму. К середине ноября 1920 г. Красная Армия под командованием

талантливого полководца М. В. Фрунзе, наголову разгромила белогвардейцев и полностью освободила Крым.

Победа Красной Армии над Врангелем положила конец гражданской войне и интервенции в нашей стране. Героическая Красная Армия обеспечила прочный мир Советскому государству.

По окончании гражданской войны и вооруженной интервенции империалистических государств Советское правительство возобновило работу по подготовке перевода Красной Армии на мирное положение.

Важное значение для страны приобрел вопрос о демобилизации красноармейцев ряда возрастов. К моменту окончания войны в армии и флоте насчитывалось более 5 млн. человек^[596]. Согласно принятым законоположениям об обязательной службе трудящихся в вооруженных силах, мобилизации подлежали граждане в возрасте от 18 до 40 лет (для рядового состава). Что касается лиц командного, административного и медицинского состава, то для них предельный возраст первое время не устанавливался. Не были установлены возрастные категории (начальный и предельный возрасты) для лиц, призываемых по специальным мобилизациям (партийные, профсоюзные и др.). Женщины мобилизации в вооруженные силы не подлежали. Однако все эти положения носили весьма условный характер. В тяжелую годину суровых испытаний, выпавших на долю молодого Советского государства, когда иностранные империалисты и белогвардейцы делали все, чтобы уничтожить Советскую власть и восстановить иго помещиков и капиталистов в нашей стране, никакие ограничения не могли сдержать патриотический порыв трудящихся Советской республики, ставших грудью на защиту социалистического Отечества. В Красную Армию и Флот шли рабочие и трудящиеся крестьяне всех возрастов – и млад, и стар, и мужчины, и женщины.

В результате этого патриотического порыва за 1918–1920 гг. в вооруженные силы влились трудящиеся более 46 возрастов, начиная от 15-летних и кончая лицами старше 60 лет^[597]. Мобилизованные составляли 83,4 % всего личного состава вооруженных сил, добровольцы 16,6, мужчины – 98, женщины – 2 %^[598].

25 ноября 1920 г. РВСР заслушал доклад заместителя председателя РВСР. Э. М. Склянского о сокращении численности вооруженных сил. Было решено поручить главкому разработать план сокращения вооруженных сил на 2 млн. человек. Сокращение намечалось провести до 15 января 1921 г. Учитывая тяжелое положение железнодорожного транспорта, РВСР решил всех железнодорожников, используемых в войсках не по специальности, вернуть на железнодорожный транспорт в счет увольняемых 2 млн. человек. В связи с сокращением вооруженных сил главкому поручалось установить число стрелковых и кавалерийских частей и соединений, подлежащих сохранению^[599].

Советское правительство утвердило предложение РВСР демобилизовать из вооруженных сил не менее 2 млн. человек^[600]. Для проведения демобилизации нужно было срочно разработать детальный план. 6 декабря 1920 г. РВСР заслушал доклад начальника Полевого штаба П. П. Лебедева о сокращении численности армии. Было решено создать комиссию в составе представителей Полевого штаба, Всероссийского главного штаба, ЦСУ, Наркомпути и Наркомпрода. Председателем комиссии был назначен Э. М. Склянский. Комиссии поручалось определить возрасты, предназначенные к демобилизации, наметить призывы в армию в местностях, освобожденных от белогвардейцев. Полевому и Всероссийскому главному штабам поручалось обсудить вопрос о возможности слияния Приволжского, Приуральского и Заволжского военных округов и образовании из них двух округов. Начальнику ПУРа поручалось рассмотреть вопрос о возможности сокращения фронтовых, армейских и окружных политотделов. Было решено провести совещание Чусоснабарма, Главснабпродарма и особого отдела ВЧК, где рассмотреть вопросы сокращения фронтовых, армейских и окружных аппаратов этих органов вдвое^[601].

В первой половине декабря 1920 г. план демобилизации был готов. На первом этапе сокращения, который предполагалось провести в течение декабря 1920 г., намечалось общую численность вооруженных сил уменьшить на 2183 тыс. человек, в боевом составе армии сохранить 59 стрелковых дивизий, ряд дивизий свернуть в 22 отдельные бригады, число кавалерийских дивизий сократить до 21^[602]. Руководствуясь этим планом, главком 7 декабря 1920 г. указал фронтам и округам, сколько каждому из них положено содержать стрелковых войск, кавалерии, войск внутренней службы и запасных войск^[603].

По всей видимости, этот план был одобрен Советским правительством, так как вскоре после того, как он был готов, РВСР стал проводить его в жизнь. 11 декабря 1920 г. РВСР уволил в бессрочный отпуск всех красноармейцев и матросов, родившихся в 1885 г. и старше. Одновременно было приказано выделить из войсковых частей всех красноармейцев, родившихся в 1888–1886 гг., и сформировать из них в каждой дивизии и военных округах рабочие батальоны, роты или команды. Всю работу предписывалось закончить к 1 января 1921 г.^[604] В связи с тем, что с мест стали поступать запросы, для какой цели проводится выделение красноармейцев, родившихся в 1888–1886 гг., начальник Полевого штаба П. П. Лебедев направил в войска разъяснение, что это выделение имеет целью отделить красноармейцев этих возрастов от остального состава армии для подготовки их к демобилизации, которая последует за 1885 г. и старшими. Таким же порядком будет проводиться отделение красноармейцев и для демобилизации в третью очередь^[605].

Одновременно с началом демобилизации РВСР форсировал реорганизацию войск Красной Армии и приступил к сокращению местного, фронтового и центрального аппарата Военного ведомства и органов, связанных с армией.

В декабре 1920 г. были расформированы Юго-Западный и Южный фронты^[606], 3, 12, 14 и 15-я армии, а также 47-я и 55-я стрелковые дивизии. 41-я стрелковая, а также 1-я и 10-я кавалерийские дивизии были свернуты в бригады^[607]. 25 декабря 1920 г. главком предписал командующим военными округами провести сокращение аппарата военно-окружных управлений с таким расчетом, чтобы аппарат каждого округа не превышал 2 тыс. человек^[608]. Главснабпродарму и Особому отделу ВЧК была дана директива РВСР сократить свой аппарат в армейских и тыловых органах на 50 %^[609]. Было намечено сократить органы, подведомственные Центральному управлению снабжения и его главным управлениям, а также полевые рабоче-крестьянские инспекции^[610]. В это же время Полевой штаб сообщил войскам проект новых штатов стрелковой дивизии. Согласно этому проекту стрелковая дивизия должна была иметь три стрелковые бригады трехполкового состава (всего девять стрелковых полков), кавалерийский дивизион двухэскадронного состава, гаубичный артиллерийский дивизион трехбатарейного состава (12 орудий), один тяжелый артиллерийский дивизион двухбатарейного состава (четыре орудия), батальон связи, две саперные и две дорожно-мостовые роты, а также тыловые учреждения. Из состава дивизии, предусмотренной штатами 220, исключались воздухоплавательные, авиационные и автоброневые войска. Полевой штаб дал расчет для стрелковой дивизии военного и мирного времени. Стрелковая дивизия военного времени должна была иметь 40 686 человек, а дивизия мирного времени – 28 828 человек^[611]. Сообщая войскам этот проект, Полевой штаб не считал его окончательным и принял решение для окончательной выработки новых штатов образовать Совещание из строевых начальников и представителей центральных управлений и инспекций Полевого штаба. Совещание должно было начать работу 10 января 1921 г.^[612]

Успешно завершила свою работу комиссия П. С. Балуева, разрабатывавшая положение о Центральном военном управлении при милиционной системе обороны страны. Комиссия предложила принять следующую схему организации высшего военного управления: сухопутные и морские силы страны объединяются в едином органе – Народном Комиссариате армии и флота (комиссия называла этот орган еще и Народным Комиссариатом государственной обороны); верховная власть над всеми вооруженными силами принадлежит ВЦИК; главное руководство всеми вооруженными силами передается Совету государственной обороны, а непосредственное начальствование над ними – народному комиссару армии и флота. Для руководства вооруженными силами в составе Народного Комиссариата армии и флота рекомендовалось образовать Всероссийский генеральный штаб армии и флота, Всероссийский главный штаб армии и флота^[613], Всероссийское управление снабжения армии и флота, Военно-законодательное совещание армии и флота, Высший военный трибунал армии и флота, секретариат – народного комиссара армии и флота.

Комиссия считала, что такая структура Центрального военного управления Советской республики обеспечит одновременное управление как регулярной армией, так и милиционной.^[614]

В своем докладе комиссия подчеркнула, что в наименование того или иного высшего военного органа обязательно следует включать слово «Всероссийский», что означало бы

распространение функций этих органов на все советские республики, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи.^[615]

Таким образом, комиссия И. С. Балуева обратила внимание на необходимость сохранения единого военного командования, как оно сложилось еще летом 1919 г. Но в схеме новой организации Центрального военного управления комиссия не предусмотрела создания политического управления. В дальнейшем, когда РВСР готовил соответствующие рекомендации ЦК РКП (б) и Советскому правительству, он исправил ошибку комиссии П. С. Балуева.

Подходила к концу и работа комиссии для разработки вопроса о разбивке территории РСФСР на районы и округа по проведению милиционной системы. Эта комиссия была образована РВСР еще 20 октября 1920 г. Председателем комиссии РВСР назначил А. А. Брусилова, членами – А. И. Беляева, А. Э. Беймельбурга, М. Д. Жиленко, Н. М. Потапова, А. М. Сиринова, Н. А. Сулеймана и А. Д. Тихомирова. Комиссии предписывалось закончить работу к 15 ноября 1920 г.^[616] Однако работа, порученная этой комиссии, оказалась значительно сложнее, чем это предполагал РВСР, и она не закончилась в намеченный срок.

Комиссия рассмотрела пять вариантов военно-административного деления Советской республики на округа для формирования милиционной армии. После тщательного изучения собранного материала она приняла за основу деления территории страны на милиционные округа дивизионный округ. Дивизионные округа было решено разделить на бригадные, полковые и батальонные округа и ротные участки.

Комиссия исходила из того, что границы в мирное время будут прикрывать части регулярной Красной Армии, которые обеспечат мобилизацию и сосредоточение милиционной армии. Полевой штаб РВСР дал установку, что в минуту опасности Советская республика должна последовательно выставить не менее 70 стрелковых дивизий. В соответствии с этим комиссия решила образовать 25 дивизионных округов, имея в виду, что каждый дивизионный округ последовательно, в три очереди, должен дать три дивизии. В Европейской части страны намечалось создать 18 округов, на Кавказе – 2, в Сибири и Туркестане – 5. Дивизионные округа нарезались с таким расчетом, чтобы не нарушалось административное деление страны и численность мужского населения в каждом дивизионном округе была не менее 2 млн. и не более 3 млн. человек.

Разбивка территории страны на дивизионные округа оказалась наименее сложной частью работы комиссии. Но, приступив в декабре 1920 г. к делению дивизионных округов на более мелкие, комиссия столкнулась с непреодолимыми трудностями. При делении каждого дивизионного округа на три бригадных и каждого бригадного округа на три полковых было решено придерживаться существовавших тогда уездных границ, но уже на первых порах выяснилось, что исторически сложившееся административное деление страны сохранить при проведении милиционной системы невозможно. Это деление страны было крайне неравномерным. Мужское население в уездах колебалось от 10 тыс. до 300 тыс. человек, а в некоторых уездах, даже подмосковных губерний, не насчитывалось и 10 тыс. мужчин.

Выяснив невозможность деления территории Советской республики на милиционные округа с сохранением существующего бывшего административного деления страны, комиссия решила приступить к новому районированию Советской республики по бригадным, полковым, батальонным округам и ротным участкам, не считаясь с административным делением. В первую очередь комиссия принялась за районирование Европейской части страны, чтобы потом приступить к организации милиционных округов в Азиатской части Советской республики. Работа оказалась настолько сложной, что к концу 1920 г. она сумела закончить лишь нарезку дивизионных округов и только начать деление их на более мелкие округа. Основная часть работы комиссии пришлось на 1921 г.

В декабре 1920 г. работа по подготовке реорганизации Красной Армии в основном была завершена. Нужно было подвести итоги и принять окончательное решение. С согласия ЦК РКП(б) и Советского правительства РВСР провел в декабре 1920 г. совещание партийных, советских и военных деятелей. На совещание было приглашено 68 человек, в том числе К. Х. Данишевский, Ф. Э. Дзержинский, С. С. Каменев, П. П. Лебедев, В. Р. Менжинский, А. Ф. Мясников, Н. И. Подвойский, А. А. Самойло, Э. М. Склянский, М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт.^[617] Оно открылось 13 декабря 1920 г. Совещание заслушало доклад П. П. Лебедева о реорганизации Центрального военного управления. Острые споры возникли

вокруг предложения о создании двух штабов – Генерального и Главного. За создание одного штаба Красной Армии было подано 35 голосов, за два штаба – 16. Совещание высказалось за сохранение Революционного военного совета Республики. Споры возникли лишь при определении числа членов РВСР, ведающих конкретными отраслями военного дела. Совещание 46 голосами за при 12 против и 6 воздержавшихся высказалось за создание РВСР в составе председателя, заместителя председателя, главкома (начальника объединенного штаба), начальника политического управления и члена РВСР, ведающего вопросами снабжения.

Приняв решение сохранить РВСР, совещание особо обсудило вопрос о ПУРе. Некоторые участники совещания предложили объединить управление, руководившее обучением войск, с управлением, ведающим политическим просвещением армии. Усматривая в таком объединении ослабление ПУРа как партийно-политического органа армии, большинство участников совещания высказалось за то, чтобы ПУР остался в РВСР как самостоятельное управление, направляющее политическую работу армии. За это предложение было подано 45 голосов. Другое же предложение – объединить все дело обучения в особую часть РВСР и создать Главвоенобр. с подчинением его одному из членов РВСР – поддержки не получило; за него было подано лишь 9 голосов. Подавляющим большинством в 47 голосов совещание приняло решение сохранить дело военного обучения в ведении соответствующего управления Штаба Красной Армии. На этом закончилось обсуждение организации Центрального военного управления. Совещание особо рассмотрело функции и структуру губернских и уездных военкоматов. Было выдвинуто предложение заменить губернские военкоматы управлениями командующих войсками, а функции военкоматов ограничить учетными и мобилизационными задачами. Но подавляющее большинство участников совещания согласилось с тем, что реорганизация Красной Армии не вызывает необходимости коренной ломки местного военного аппарата, и решило сохранить структуру и функции губернских и уездных военкоматов в том виде, как они сложились в ходе гражданской войны.

В первый же день совещания обсуждался и вопрос о войсках внутренней службы (ВНУС). Большинство высказалось за упразднение войск ВНУС, кроме войск ВЧК, как самостоятельной категории войск с подчинением их РВСР.^[618]

16 декабря, после двухдневного перерыва, РВСР возобновил работу совещания. Для участия в нем было приглашено теперь более 130 человек.^[619] Обсуждался вопрос о милиционном строительстве и Всевобуче. Он вызвал особенно острые споры. Центральное управление Всевобуча и особенно его начальник Н. И. Подвойский, проводившие в период гражданской войны работу по милиционному строительству, были убеждены в том, что на органы Всевобуча должно быть возложено строительство милиционной системы обороны страны и что территориальные кадры Всевобуча должны быть положены в ее основу. Такая постановка вопроса вызвала резкие возражения. Военные специалисты бесспорно признавали заслуги Всевобуча лишь в организации допризывной военной подготовки молодежи, физкультуры и спорта в стране.^[620] Но Всевобуч не имел оснований претендовать на исключительное право руководства милиционным строительством Советской республики.

Н. И. Подвойский задолго до совещания добивался, чтобы ЦК РКП(б) и Советское правительство призвали приоритет органов Всевобуча в милиционном строительстве и поручили им проводить эту работу и после окончания гражданской войны. С этой целью он провел два больших совещания военных работников: одно – в конце октября 1920 г. в Москве, второе – 4 ноября в Петрограде. В совещаниях участвовали военные работники Московского и Петроградского военных округов. Н. И. Подвойскому удалось заручиться их поддержкой. Оба совещания приняли постановления, в которых признавалось, что всю организационную работу по переводу Красной Армии на милиционную систему обороны должно проводить Центральное управление Всевобуча «как единственный орган, разрабатывающий организационную, идейно-творческую часть и имеющий соответствующий аппарат»^[621]. В постановлениях рекомендовалось положить в основу милиционного строительства территориальные кадры Всевобуча, упразднить военкоматы и усилить местные органы Всевобуча. Было также признано, что момент, переживаемый Советской республикой в настоящее время, является удобным для постепенного перехода к милиционной системе, начиная с пролетарских центров – Москвы, Петрограда, Урала и Приволжья.

Опираясь на постановления этих совещаний, Н. И. Подвойский 4 ноября 1920 г. обратился в ЦК РКП(б) с письмом, в котором указывал, что Всевобуч уже долгое время ведет работу в области милиционного строительства и что теперь, когда встал вопрос о переходе к милиционной армии, всю практическую работу в этой области целесообразно поручить Центральному управлению Всевобуча. Для того чтобы Центральному управлению Всевобуча была предоставлена большая самостоятельность, Н. И. Подвойский настаивал на том, чтобы выделить его из Всероссийского главного штаба и реорганизовать в Главный штаб милиционных войск с непосредственным подчинением РВСР^[622].

Рассмотреть предложения Н. И. Подвойского ЦК РКП(б) поручил РВСР. На совещании 16 декабря с докладом о Всевобуче, его роли и месте в милиционном строительстве выступил Н. И. Подвойский. После доклада прежде всего был обсужден вопрос о том, можно ли считать текущий момент, переживаемый Советской республикой, удобным для того, чтобы приступить к введению милиции. Подавляющее большинство участников совещания высказалось положительно. Против голосовало лишь 11 человек и 6 воздержались^[623]. Совещание согласилось и с тем, чтобы милиционное строительство проводить не повсеместно, а лишь как первый опыт в промышленных районах страны. Затем совещание обсудило вопрос, что положить в основу этого опыта – территориальные кадры Всевобуча или кадры полевых войск регулярной Красной Армии. За последнее предложение было подано 86 голосов, и предложение Н. И. Подвойского об использовании территориальных кадров, таким образом, было отвергнуто. Н. И. Подвойский, стремясь хоть в какой-то мере отстоять роль Всевобуча, предложил следующее дополнение к резолюции: «Наряду с опытами милиционных работ, где за основу будут приняты кадры полевых частей, произвести и другие опыты, взяв за основу территориальные кадры Всевобуча там, где эти последние сильны». Однако совещание решительно отклонило и это предложение Н. И. Подвойского. Таким образом, совещание приняло решение использовать для милиционного строительства проверенные в огне боев кадры полевых войск регулярной Красной Армии, что должно было определить успех первых опытов милиционного строительства. Встал вопрос: какое количество людских сил и средств регулярной Красной Армии необходимо выделить для первых опытов милиционного строительства? Были выдвинуты два предложения: одно – использовать для этих опытов 1/3 всех ресурсов, другое – 1/15. За первое предложение голосовало 58 человек, за второе – 72 человека. Было принято второе предложение^[624].

Надо было решить также, создавать ли два разных штаба: для милиционной и для регулярной армии. За создание одного штаба как для милиционной, так и для регулярной армии высказалось большинство участников совещания. За создание двух штабов было подано лишь 22 голоса. Совещание приняло решение об объединении территориальных кадров Всевобуча с военкоматами, приняв за основу губернские военные комиссариаты.

Таким образом, к концу 1920 г. была выработана программа мирного строительства армии. Учитывая важность этого вопроса, Советское правительство вынесло его на обсуждение VIII Всероссийского съезда Советов.

Выступая на съезде 22 декабря с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин, определяя задачи военного строительства в условиях мирного периода, указал на необходимость: 1) сохранить Красную Армию во всей ее боевой готовности и усилить ее боевую способность и 2) при сокращении численности армии сохранить такое основное ядро ее, которое не будет обременять расходами страну и в то же время позволит в случае нужды мобилизовать еще большую вооруженную силу^[625].

29 декабря 1920 г. по поручению Советского правительства РВСР доложил съезду Советов о плане проведения постепенной демобилизации вооруженных сил. Съезд одобрил мероприятия Советского правительства по сокращению вооруженных сил и переводу их на мирное положение и тем самым открыл первую страницу нового периода истории военного строительства Советского государства – периода мирного строительства советских вооруженных сил^[626].

Примечания

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 42.

2

В. И. Ленин. Соч... т. 29, стр. 132.

3

Г. Линдов. О политической работе и политических работниках на фронте. Самара, 1918; Е. Ярославский. Красная Армия. М., 1919; В. Быстрянский. Армия империализма и армия революции. Пг., 1919; В. И. Самуйлов. Устройство вооруженных сил Республики. Пг., 1919; Р. И. Берзин. Этапы организации и развития Красной Армии. Харьков, 1920 и др.

4

Р. И. Берзин. Указ. соч.

5

Мариевский. Военно-научные общества СССР. – «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 120.

6

Первым председателем Высшего военного редакционного совета был начальник Политического управления РВСР С. И. Гусев, членами ВВРС были главком С. С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев, главный начальник военно-учебных заведений Д. А. Петровский и начальник Военной академии РККА М. Н. Тухачевский (ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1921 г., приказ № 2491).

7

См. каталоги книг: «Оборона СССР и Красная Армия». М. – Л., 1928–1930, вып. 1–4; «Каталог военной литературы библиотеки Центрального Дома Красной Армии им. М. В. Фрунзе». М., 1931; «Книга и оборона СССР». М., 1930–1934.

8

В. Антонов-Овсеенко. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923; Ф. Никонов. Главнейшие моменты организации Красной Армии. – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 2. М., 1928.

9

В. Антонов-Овсеенко. Указ, соч., стр. 16.

10

Н. Мовчин. Комплектование Красной Армии. Исторический очерк. М., 1926; он же. Комплектование Красной Армии в 1918–1920 гг. – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 2.

11

С. Оликов. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926.

12

«Правда» 31 июля 1931 г.

13

«Историк-марксист», 1938, кн. 1.

14

Эти недостатки и фактические ошибки будут рассмотрены нами по ходу изложения темы.

15

К. Остроухова, Н. Суровцева. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны 1918–1920 годов. – Исторический журнал», 1943, № 10.

16

В. Ф. Морозов. Московские большевики в борьбе за создание Вооруженных Сил Советской республики в 1917–1918 гг. М., 1950; Л. Н. Гусев. Советская военная юстиция в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1951; П. К. Бурдин. Правовые основы организации Красной Армии в 1918–1919 гг. М., 1951; Ю. П. Петров. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1952; Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918–1920 гг. М., 1954; И. Ф. Побежимов. Устройство Советской Армии. М., 1954; С. Кляцкин. Строительство Красной Армии в 1918 г. – «Вопросы истории», 1948, № 2; И. Швайко. Начальный период создания Советской Армии и др.

17

Н. И. Шатагин. Указ. соч.

18

Там же, стр. 55–61.

19

Там же, стр. 63. При этом автор не сделал ссылку на источник, откуда взята эта цифра.

20

Там же, стр. 76.

21

А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М. – Л., 1964.

22

См. также статью С. Найда «Почему День Советской Армии и Военно-Морского флота празднуется 23 февраля?» – «Военно-исторический журнал», 1964, № 5.

23

Н. Кузьмин. От Красной гвардии к Красной Армии. П., 1921; Н. Мовчин. Комплектование Красной Армии. Исторический очерк. М., 1926; С. Венцов. От Красной гвардии к вооруженному народу. М. – Л., 1927; Н. П. Вишняков, Ф. И. Архипов. Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927, стр. 17; Н. И. Подвойский. От Красной гвардии к Красной Армии. – «Историк-марксист», 1938, кн. 1; В. Воронин. Ленин и оборона Советского государства; И. И. Власов. В. И. Ленин и строительство Советской Армии. М., 1958 и др.

24

Л. М. Спиринов. Указ. соч., стр. 2.

25

Л. И. Филипчиков. Указ. соч., стр. 15; Ф. И. Гудченко. Указ. соч., стр. 6; И. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 21, 26; Д. А. Воропаев, А. М. Иовлев. Указ. соч., стр. 4; А. И. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. М., 1957, стр. 13; Х. И. Муратов. Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1958, стр. 37 и др.

26

Историки не увидели ленинскую постановку вопроса о сломе старой армии. Ее увидел философ К. В. Спиринов. Рассматривая вопросы слома буржуазно-помещичьей армии в связи с характеристикой проблемы мирного перехода от капитализма к социализму, К. В. Спиринов правильно отметил, что В. И. Ленин под сломом этой армии понимал проведение в ней полной демократизации. Правильно уловив ленинскую концепцию, автор, однако, лишь поставил проблему слома старой армии, не раскрыв ее глубокого содержания и не сделав попытки показать практическое значение ленинской теории слома старой армии для организации военной защиты Советской республики (К. В. Спиринов. В. И. Ленин о сломе буржуазно-помещичьей армии и создании армии нового типа. Сборник материалов, посвященный 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Изд. Военной ордена Суворова 1-й степени Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М., 1900, стр. 187–195).

27

Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 26.

28

Х. И. Муратов. Указ. соч., стр. 37.

29

Д. М. Гринишин. Указ. соч., стр. 330.

30

И. М. Волков. Указ, соч., стр. 94–95.

31

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 78–79; ф. 3, оп. 12, д. 4, л. 187. Приводя эти данные Ставки, следует отметить, что в нашей литературе содержатся весьма противоречивые сведения о численности войск держав Четверного союза, которые противник держал против русского фронта к моменту установления Советской власти. А. Зайончковский для ноября 1917 г. называет цифру в 107 дивизий (А. Зайончковский. Мировая война 1914–1918 гг., т. II. М., 1938, табл. после 282 стр.). Н. А. Таленский утверждает, что к началу кампании 1918 г. Германия держала против русского фронта свыше 75 дивизий (Н. А. Таленский. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1944, стр. 93). Д. В. Вержховский и В. Ф. Ляхов пишут, что в августе 1917 г. против русского фронта находилось 124 дивизии держав Четверного союза, что представляло наибольшее числа дивизий противника с начала войны (Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964, стр. 287). Нет данных о численности войск Четверного союза против русского фронта в статистических сборниках и других официальных изданиях («Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах)». М., 1925; «Мировая война в цифрах». М. – Л., 1934. В первом издании Большой Советской Энциклопедии указано, что на 1 октября 1917 г. на Восточном фронте насчитывалось 1186000 штыков и сабель австро-германских войск (БСЭ, т. 44, М., 1939, стр. 603). Во втором издании БСЭ не приведены даже эти цифры. Нет данных и в пятитомной «Истории гражданской войны в СССР».

32

«История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 243–244.

33

Н. Подвойский. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.—Л., 1927, стр. 45.

34

«История СССР», 1962, № 2, стр. 91.

35

В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 236.

36

В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 238.

37

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 261.

38

В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 390.

39

«Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1. М., 1961, стр. 163, 286, 324–325, 345.

40

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 518—519

41

В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 312–323; т. 24, стр. 390.

42

В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 359–361, 388–393, 485–488; т. 25, стр. 295–339.

43

«Известия ЦИК и Петроградского С. Р. и К. Д.», 27 октября 1917 г.

44

Там же, стр. 341.

45

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 379, л. 25; Л. Гапоненко. Указ. соч., стр. 159–160.

46

Комитет был избран 26 октября в составе В. А. Антонова-Овсеенко, П. Е. Дыбенко и Н. В. Крыленко.

47

Н. И. Подвойский. Ленин и организация Красной Армии, стр. 6–7.

48

Имеется в виду Военная организация при ЦК РСДРП (б).

49

Н. И. Подвойский. Ленин и организация Красной Армия, стр. 6–7. Приведенные

воспоминания Н. И. Подвойского позволяют сделать вывод о том, что Комитет по военным и морским делам, созданный II Всероссийским съездом Советов, был преобразован в Народный Комиссариат по военным и морским делам 27 октября 1917 г., а не в декабре 1917 г., как это утверждал в свое время автор («Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 49).

50

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 2–9, 12–19.

51

Там же.

52

Там же, л. 2–6.

53

ЦПА ИМЛ, ф. 464, оп. 1, д. 82, л. 22.

54

«Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 66.

55

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 1.

56

ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8.

57

Там же.

58

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 1.

59

«Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 23 ноября 1917 г.

60

Далее перечисляются практические пункты, связанные с демократизацией армии и совпадающие с протокольной записью декларации, обсуждавшейся в Совете Наркомвоена 3–5

ноября. 1917 г.

61

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 379, л. 25–26.

62

Там же, л. 25.

63

ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 42.

64

ЦГАСА, ф. 137, оп. 1, д. 12, л. 1; Л. Гапоненко. Указ, соч., стр. 181; М. И. Капустин. Указ, соч., стр. 308.

65

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 361.

66

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 420.

67

ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 118, л. 1 об. – 2; ЦГВИА, ф. 3664, оп. 1, д. 10, л. 230.

68

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2, 25–26.

69

«Известия ЦИК», 7 декабря 1917 г., стр. 10–11.

70

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2.

71

Там же.

72

Там же.

73

Е. Н. Городецкий. Демобилизация армии в 1917–1918 гг. – «История СССР», 1958, № 1, стр. 17.

74

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2, 26–27.

75

История СССР», 1962, № 2, стр. 99.

76

ЦГВИА, ф. 3664, оп. 1, д. 10, л. 235.

77

Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 27.

78

ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 6, 9–11.

79

Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 17.

80

Там же, стр. 19.

81

ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 215, л. 45.

82

Как уже отмечалось, по данным Ставки, в ноябре на фронте насчитывалось 159 пехотных дивизий.

83

ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 215, л. 9, 45–46.

84

Там же, л. 1–4.

85

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 2 об. – 3.

86

Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 19.

87

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 3.

88

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 80.

89

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68; л. 2–5. Документ неполно и с некоторой редакционной правкой опубликован в сб. «Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии». М., 1923, т. 1, стр. 112–122 и в журнале «Красная летопись», 1928, № 1 (25), стр. 127–135.

90

В конце декабря на совещании петроградских отрядов Красной гвардии членами коллегии Наркомвоена были избраны В. А. Трифонов и И. Ю. Юренев (ЦПА НМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1946, л. 5).

91

«Декреты Советской власти», т. 1, стр. 593.

92

ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 102; оп. 2, д. 215, л. 37.

93

Там же, оп. 2, д. 214, л. 2–4; ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 1, 15, 25; ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

94

Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

95

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 1; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 46, л. 25.

96

«Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 75–76; ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 1. В Положении впервые появляется термин «Красная армия». Однако, как видно из текста документа, этот термин совещание употребило случайно, всего два раза. Большею частью применялся термин «Красная гвардия».

97

ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 25–26.

98

ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698, л. 100–102.

99

Там же, л. 101.

100

Там же, л. 100.

101

Там же, д. 1166, л. 113–114.

102

Эти положения впоследствии легли в основу постановления Общеармейского съезда по демобилизации армии о создании корпусов социалистической армии и декрета Совнаркома о создании Красной Армии.

103

С момента формирования Народно-социалистической гвардии декреты Советского правительства о демобилизации распространялись лишь на солдат, состоявших в «регулярных войсках».

104

ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1166, л. 114.

105

Отчет о заседании съезда опубликован в газете «Армия и Флот рабочей и крестьянской

России» (31 декабря 1917 г., стр. 2–3). Н. И. Подвойский ошибочно утверждает, что съезд обсуждал этот вопрос 24 декабря («Историк-марксист», 11938, кн. 1, стр. 24).

106

«Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 31 декабря 1917 г., стр. 3.

107

ЦГВИА, ф. 2003, он. 2, д. 318, л. 7—10; ф. 2031, оп. 1, д. 1166, л. 114.

108

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 386.

109

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 80; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 318, л. 23–25; оп. 1, д. 38, л. 372; ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 11.

110

Агитаторская коллегия в составе 46 человек была выделена 31 декабря 1917 г. («Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 3 января 1918 г., стр. 3). После того как Общеармейский съезд, закончив работу, закрылся 3 января 1918 г., Агитаторская коллегия в своей дальнейшей деятельности по всем вопросам, которые ей приходилось решать, выступала от имени Общеармейского съезда по демобилизации армии (ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 42).

111

ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

112

Инструкция Управления Северного фронта целиком повторяет «Примерную инструкцию по формированию революционных батальонов Народно-социалистической гвардии в районе дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе», высланную Ставкой войскам телеграммой Н. В. Крыленко № 8945 от 30 декабря 1917 г. Однако следует указать, что инструкция Управления Северного фронта выгодно отличается от инструкции Ставки тем, что в ней конкретизированы некоторые важные вопросы (ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 16, л. 11).

113

ЦГАСА, ф. 1–3/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

114

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 61. Инструкцией пользовались до 2 февраля 1918 г., пока Всероссийская коллегия по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии не опубликовала новую инструкцию («Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 2 февраля 1918 г.).

115

«Инструкция организаторам-агитаторам состояла из 14 параграфов. Автор не приводит здесь 6—14-й параграфы, так как в них сформулированы только практические указания агитаторам о том, как они должны развертывать работу на местах.

116

ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 67.

117

Там же.

118

Там же, л. 42.

119

Там же, д. 17.

120

ЦГАСА, ф. 13/14, оп. 1, д. 17, л. 43.

121

Там же, л. 56.

122

Там же, л. 58; ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 113

123

Там же.

124

Там же, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 1.

125

Ввиду того, что протокол заседания не раскрывает основное содержание доклада Н. И. Подвойского, мы используем сведения об этом докладе, опубликованные в его статье «От Красной гвардии к Красной Армии» («Историк-марксист», 1938, кн. 1, стр. 28).

126

ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 56.

127

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 236–237.

128

ЦГВИА, ф. 2031, оп. II, д. 215, л. 104–105; оп. 2, д. 401, л. 124, 138–140.

129

ЦГАСА, ф. 3, т. 1, д. 16, л. 236–237.

130

Н. И. Подвойский. От Красной гвардии к Красной Армии. – «Историк-марксист», 1938, кн. 1, стр. 23; он же. Ленин и организация Красной Армии, стр. 9.

131

На этом заседании впервые упомянуто о создании этой коллегии. Создание Всероссийской коллегии следует отнести не к 19 декабря 1917 г., как это утверждал Н. И. Подвойский, а к 9–14 января 1918 г. (подробно по этому вопросу см.: «История СССР», 1962, № 2, стр. 105.

132

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 2.

133

«Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 23 февраля 1928 г.

134

В. П. Загонский. На заре Красной армии, – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 1. М., 1928, стр. 41.

135

Там же.

136

В дальнейшем эта организация будет именоваться «Всероссийская коллегия».

137

ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1893, л. 29–30, 71–72, 145–146, 165, 178–180, 206–207; ф. 2031, оп. 1, д. 1:145, л. 2, 9, 18, 25. Дата 1 ноября взята как исходная ввиду того, что демобилизация еще не началась, а дата 12 января дает возможность проследить состояние фронта после демобилизации ряда возрастов.

138

ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1889, л. 295, 308, 324, 357–360, 362–363, 365–368, 373; д. 1891, л. 30–31, 90, 92, 139–140, 152–153.

139

Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 56.

140

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 230.

141

Там же, л. 236–237.

142

Там же.

143

Там же.

144

Там же, л. 238–239.

145

ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 114.

146

Там же, оп. 2, д. 401, л. 125–127, 135.

147

Там же, л. 139–140.

148

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 236–239.

149

ЦГВИА, ф. 2031, оп. 2, д. 401, лл. 125–127, 135.

150

А. И. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. М., 1957, стр. 53–54.

151

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 236.

152

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 230–232.

153

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 90.

154

«Правда», 12 февраля (30 января) 1918 г.

155

Там же. Этот приказ поступил в управления фронтов 29 января (11 февраля) и в тот же день поступил в армии (А. И. Черепанов. Указ. соч., стр. 65)

156

А. И. Черепанов. Указ. соч., стр. 65–66.

157

Начиная с 14 февраля, все даты даются по новому стилю.

158

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 236–241, приложение 9.

159

Там же, л. 233. О том, что германское наступление началось не 18, а 17 февраля, свидетельствуют и другие документы (ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 232–249; ф. 8, оп. 1, д. 39, л.

260; «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 136, 139).

160

«Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 г. – февраль 1918 г.». М., 1929, стр. 228–229.

161

А. Де-Лазари. Боевой путь Красной Армии. М. – Л., 1928, стр. 12–15.

162

ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 1, л. 1.

163

Там же, л. 6.

164

Там же, л. 7.

165

Там же, л. 12–14.

166

«Правда», 20 февраля 1918 г.

167

Там же, 19 февраля 1918 г. Заметка «На радио ПТА и Бюро печати».

168

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 61.

169

ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 1, л. 20–22.

170

Там же, л. 25–29.

171

«Исторический архив», 1956, № 1, стр. 140.

172

А. И. Черепанов. Указ, соч., стр. 72–76, 82, 83.

173

Е. Н. Городецкий. Указ, соч., стр. 27. Демобилизация названных возрастов началась 16 февраля 1918 г.

174

18 февраля газеты не выходили, так как был понедельник.

175

«Правда», 21 февраля 1918 г.

176

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 13–14.

177

«Правда», 22 февраля 1918 г,

178

Там же.

179

Там же, 22 и 23 февраля 1918 г.

180

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 8, л. 369; «Правда», 22 февраля 1918 г.

181

«Правда», 22 февраля 1918 г.

182

Вопрос о том, когда германские войска взяли Псков, оказался весьма запутанным. А. И. Черепанов, бывший командир 2-го красноармейского пехотного полка, утверждает, что его полк в течение 23 и 24 февраля вел ожесточенные бои с частями 53-го корпуса противника и лишь ночью 24 февраля он отошел от города. Противник занял Псков 26 февраля

(А. И. Черепанов. Указ. соч., стр. 118–121). Такой же версии придерживается и А. Е. Антонов. Он только уточняет, что Псков защищал не только полк А. И. Черепанова, но и другие части; 1-й красноармейский и 7-й латышский полки (А. Е. Антонов. Боевой восемнадцатый год. М., 1961, стр. 24–27). В «Летописи событий», приложенной к XXII т. сочинений В. И. Ленина (изд. 3-е), указано, что германские войска взяли Псков 24 февраля. Нам представляется, что дата 22 февраля более верна. Она приведена в приказе № 13 командования псковскими отрядами (командующий – бывший полковник Г. И. Пехливанов, начальник штаба – член Всероссийской коллегии Ф. П. Никонов), в котором подводятся итоги борьбы на Псковском участке фронта (ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 5, л. 130). По всей видимости, утверждение, что Псков был занят 25 февраля, потребовалось сторонникам этой даты для того, чтобы обосновать версию, будто 23 февраля на фронте произошел перелом и советские войска дали отпор врагу, почему этот день и стал днем рождения Красной Армии. История не подтверждает версию о том, что 23 февраля произошел перелом на фронте. 23 февраля было переломным днем в мобилизации масс на отпор врагу.

183

Ликвидация Ставки закончилась 19 февраля, а на следующий день, 20 февраля, М. Д. Бонч-Бруевич с группой бывших генералов, ответственных работников Ставки, выехал в Петроград по вызову В. И. Ленина (М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1958, стр. 232, 243–244; ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 197–203).

184

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 8, л. 369.

185

А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М. – Л., 1964, стр. 84–85.

186

А. Л. Фрайман. Указ. соч., стр. 120.

187

Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 27–28; А. И. Черепанов. Указ. соч., стр. 104; «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 136.

188

«Правда», 23 февраля 1918 г.

189

Там же, 26 февраля 1918 г.

190

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 23 февраля 1918 г.

191

Как мы уже отмечали, падение Пскова произошло 22 февраля. Поэтому время получения сведений об этом факте не следует смешивать со временем взятия города германскими войсками.

192

В. И. Иванов. Тревожные дни в Петербурге. – «Сборник воспоминаний непосредственных участников гражданской войны 1918–1922 гг.», кн. II. М., 1922.

193

Ф. П. Никонов. Главнейшие моменты организации Красной Армии. – «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. 2. М., 1928, стр. 52.

194

ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 5, л. 130.

195

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 24–28.

196

«Правда», 26 февраля 1918 г.

197

Там же.

198

Там же.

199

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 36, 39, 43; ф. 3, оп. 5, д. 8, л. 17–19.

200

Там же.

201

«Известия», 27 февраля 1918 г.

202

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 31, 36, 39, 43; ф. 3, оп. 5, д. 8, л. 17–19.

203

«Профсоюзы СССР в создании Красной Армии. 1918–1920». М., 1940, стр. 38.

204

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 28 февраля 1918 г.

205

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 29.

206

Там же, л. 34.

207

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 60, 64.

208

Там же, л. 59–61, 68; ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 3, 15—119, 34.

209

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 2 марта 1918 г.

210

Там же, 3 марта 1918 г.

211

Там же, 5 марта 1918 г.

212

Там же.

213

Там же, 2 апреля 1918 г.

214

«Московская газета Красной Армии», 7 марта 1918 г.

215

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 15 марта 1918 г.

216

Там же, 27 февраля 1918 г.

217

Там же, 1 марта 1918 г.

218

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 48.

219

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 19 марта 1918 г.

220

ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 1, л. 90.

221

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 28 февраля 1918 г.

222

Черчилль. Мировой кризис. М., 1932, стр. 51.

223

А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 19, 24–27; С. С. Хесин. Матросы революции. М., 1958, стр. 295–298.

224

А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 24–27.

225

А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М. – Л., 1964, стр. 150, 190.

226

А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 19, 24–27.

227

А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 19–20.

228

Там же, л. 2, 8–10.

229

С. С. Хесин. Матросы революции. М., 1958, стр. 373–374.

230

ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 78, л. 10.

231

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 85.

232

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 373.

233

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 219, 269; т. 28, стр. 194–195; «Коммунист», 1962, № 14, стр. 6.

234

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 267.

235

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 194–195.

236

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр... 174.

237

«Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 63; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 21–24. Строительство командных курсов развертывалось весьма интенсивно. К концу 1918 г. нормально

функционировало 50 командных курсов, на которых обучалось более 13 тыс. будущих красных офицеров (ЦГАСА, ф. 11, оп. 2, д. 11, л. 33). Для подготовки старшего и высшего командного состава в 1918 г. были открыты: Академия Генерального штаба (приказ Реввоенсовета Республики от 7 октября 1918 г. Впоследствии эта академия получила название Военной академии Красной Армии им. М. В. Фрунзе), Военно-инженерная академия (приказ Реввоенсовета Республики от 18 декабря 1918 г.), Военно-медицинская академия, Военно-хозяйственная академия и другие военно-учебные заведения.

238

В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 126.,

239

Демаркационная линия (зона) была установлена после заключения мира. Она прошла от Финского залива (Нарвский залив) через Чудское и Псковское озера, восточнее Пскова и Полоцка, по Днепру до Рогачева и далее на юго-восток и восток почти по южным границам Орловской, Курской и Воронежской губерний (ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 8, л. 369–373).

240

Там же, ф. 3, оп. 1, д. 43, л. 1–7. Настоящий документ частично и неточно воспроизводится в книге Н. Ф. Кузьмина (Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны. М., 1958, стр. 66–67).

241

К сожалению, нам не известны прямые источники, подтверждающие наш вывод о принятии плана Высшего Военного Совета Советским правительством. Об этом мы судим по косвенным данным. Во-первых, в правильности нашего вывода убеждает практика военного строительства, во-вторых, доклад Н. И. Подвойского на конференции представителей губернских военных отделов Московского военного округа 25–26 марта 1918 г. в Москве. Н. И. Подвойский, выступая по вопросу организации Красной Армии, указал, что Советской республике предстоит в короткий срок создать армию в 1,5 млн. человек. Он также отметил, что будут привлечены генералы и офицеры, к которым приставят по два политических комиссара (ЦГАСА, ф. 31773, д. 30, л. 54–55). Здесь хотелось бы отметить существенную ошибку, вкрадшуюся в литературу. 21 апреля 1918 г. ВВС представил Совету Народных Комиссаров план формирования и стратегического развертывания Красной Армии. В нем предлагалось создать армию не в 15 млн., а в 1 млн. человек (ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 4, л. 124–136; ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 2–3). Как вспоминает М. Д. Бонч-Бруевич, этот план был одобрен В. И. Лениным (М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1957, стр. 278–279). Н. Ф. Кузьмин относит упомянутое воспоминание М. Д. Бонч-Бруевича к докладной записке от 15 марта 1918 г., а не к документу от 21 апреля 1918 г. и в связи с этим ничего не говорит о плане создания армии в 1 млн. человек (Н. Ф. Кузьмин. Указ. соч., стр. 66–68). В связи с этим может создаться впечатление, что первоначальный вариант создать армию в 1,5 млн. человек остался без изменения. О том, что Советское правительство изменило предполагаемую численность армии и приняло план в 1 млн. человек, свидетельствует не только М. Д. Бонч-Бруевич (М. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 278–279), но и В. И. Ленин в известном письме объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. В этом письме, ставя вопрос о создании трехмиллионной армии, В. И. Ленин напомнил, что Советское правительство решило к весне иметь армию в 1 млн. человек (В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 84).

242

«История военного искусства». Сборник материалов, вып. IV, т. I. М., 1952, стр. 270–271.

243

СУ, 1917–1918, № 33, ст. 445.

244

Е. Н. Городецкий. Демобилизация армии в 1917–1918 гг. – «История СССР», 1958, № 1, стр. 4–5, 17, 27.

245

Там же, стр. 27.

246

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 23 марта 1918 г.

247

«Известия ВЦИК», 21 марта 1918 г.

248

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 49, л. 88–90.

249

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 683.

250

А. Ф. Мясников. Указ, соч., стр. 149; С. И. Аралов. Ленин и организация Красной Армии. – «Ленин и Красная Армия». М., 1958, стр. 29; он же. В. И. Ленин и Красная Армия. М., 1959, стр. 7–11.

251

А. Ф. Мясников. Указ. соч., стр. 149.

252

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1, л. 5.

253

Там же, л. 7.

254

«Тезисы» вошли в Сочинения В. И. Ленина под названием «Очередные задачи Советской власти» (В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 207–246).

255

«История военного искусства». Сборник материалов, вып. IV, т. I. М., 1952, стр. 273; ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 47, л. 83–85.

256

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., инв. № 102, л. 109–118. 138–186.

257

Боевым элементом считались лишь бойцы, вооруженные винтовкой, шашкой или пулеметом и непосредственно участвовавшие в бою (ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 29, л. 184–186; ф. 32562, оп. 1, д. 22, л. 17).

258

В понятие «штыки» и «сабли» включались не все красноармейцы. В понятие «штыки» включались стрелки, пешие разведчики и гранадеры. По апрельско-майским штатам в числе 8802 штыков было 7776 стрелков, 486 пеших разведчиков и 540 гранадеров. В понятие «сабли» включались лишь рядовые всадники, непосредственно участвовавшие в конной атаке. По апрельско-майским штатам в числе 872 красноармейцев кавалерийского полка было 480 сабель (ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 26, л. 117 об. – 235; ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 2).

259

Таблица составлена с привлечением сведений из кн.: А. Редигер. Комплектование и устройство вооруженной силы, изд. 3-е. СПб., 1900, стр. 363.

260

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 68.

261

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 2–3.

262

Там же, ф. 6, оп. 3, д. 4, л. 124–136.

263

Там же, л. 124.

264

М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам., М., 1957, стр. 278–279. Н. Ф. Кузьмин в книге «В. И. Ленин во главе обороны Советской страны» (М., 1958) допускает ошибку, когда связывает это высказывание о встрече В. И. Ленина с М. Д. Бонч-Бруевичем с планом Высшего Военного Совета от 15 марта. Поэтому он ничего не говорит о плане создания одномиллионной армии и представляет дело так, будто В. И. Ленин одобрил план создания армии в 1,5 млн. человек (стр. 66–68). Вообще в нашей литературе сложилось неверное толкование судьбы плана Высшего Военного Совета, доложенного Совету Народных Комиссаров 21 апреля 1918 г. В «Советской Военной Энциклопедии» бездоказательно утверждается следующее: «Под руководством М. Д. Бонч-Бруевича военспецы ВВС разработали не соответствовавший установкам Красной Армии, политически чуждый ей и поэтому отвергнутый Советским правительством проект формирования «Народной армии» в составе 38 дивизий, сводимых в 9 армий, исключительно для войны с Германией на западной границе» («Советская Военная Энциклопедия», т. II. М., 1933, стр. 685). Неправильность этого суждения видна не только из воспоминаний М. Д. Бонч-Бруевича. В. И. Ленин в письме объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. писал, что «...мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне...» (В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 84), об этом свидетельствует и «Отчет Реввоенсовета Республики за 1917–1919 гг.» («Исторический архив», 1956, № 1, стр. 138).

265

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 41, л. 236; д. 1, л. 197–203; ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 69.

266

Там же, ф. 3, оп. 1, д. 4, л. 3–4.

267

Там же, оп. 5, д. 1, л. 55–58.

268

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 39.

269

Там же, ф. 4, оп. 3, д. 20, л. 89.

270

Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 64.

271

Там же, л. 67.

272

Там же, л. 70.

273

Там же, оп. 3, д. 1, л. 3, 5, 13, 25–27.

274

Там же, ф. 4, оп. 5, д. 20, л. 89–91.

275

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 10(23) февраля 1918 г.

276

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 53.

277

Там же, д. 3, л. 8.

278

Там же, д. 1, л. 53.

279

Там же, л. 38.

280

Там же, ф. 11, оп. 4, д. 1206.

281

Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 63; д. 1, л. 17; ЦГАОР, ф. 130, оп. 8, д. 125, ч. 1, л. 11–12.

282

«Исторический журнал», 1941, № 7–8, стр. 30.

283

«Исторический журнал», 1941, № 7–8, стр. 30.

284

Там же, стр. 30–31.

285

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 1(14) марта 1918 г., стр. 2.

286

«Исторический журнал», 1941, № 7–8, стр. 32.

287

«Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии», т. I М, 1923, стр. 234–235.

288

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 43–48, 51–54.

289

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 203, л. 71, 82, 83, 91; ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 54–56; ф. 2, оп. 6, д. 1, л. 17; д. 4, л. 66; ф. 8, оп. 1, д. 154, л. 70–75.

290

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 203, л. 94; ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 43, 46, 53–57; ф. 2, оп. 6, д. 4, л. 66; ф. 8, оп. 1, д. 154, л. 69, 72, 73, 75, 78.

291

Там же, ф. 11, оп. 5, д. 96, л. 99.

292

«Исторический журнал», 1941, № 7–8, стр. 29.

293

ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 2–3.

294

Там же, ф. 1171, 1223, 1229, 1578. В мае 1918 г. Гатчинская дивизия была переименована в 3-ю Петроградскую стрелковую дивизию, а Лужская – в 4-ю Петроградскую стрелковую дивизию.

295

«Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. 1. М., 1960, стр. 552.

296

Там же, стр. 160.

297

См. «Декреты Советской власти», т. II, стр. 334–335.

298

Там же.

299

«Пятый Всероссийский съезд Советов». Стеногр. отчет. М., 1918, стр. 180–183.

300

Там же.

301

СУ, 1918, № 51, ст. 582.

302

ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 56, л. 1–7; оп. 21, д. 1, л. 11.

303

Там же, оп. 8, д. 56, л. 1–7.

304

Там же.

305

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 56, л. 12–14.

306

Там же, л. 20.

307

Там же, л. 24–26.

308

«Декреты Советской власти», т. II, стр. 428–429.

309

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., инв. № 102, л. 237 об.,

310

«Декреты Советской власти», т. II, стр. 438–440.

311

«Декреты Советской власти», т. II, стр. 409.

312

Там же.

313

«Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, стр. 108—109

314

ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 8, л. 33.

315

СУ, 1918, № 44, ст. 534; № 48, ст. 562, 563.

316

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 50–51; ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 7—13. По предположению Всероссийского главного штаба, призыв в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах должен был дать пополнение не менее 275 тыс. человек (там же, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 13–14).

317

Там же, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 50.

318

Там же.

319

Там же, л. 50–51.

320

Там же, л. 48–49.

321

СУ, 1918, № 56, ст. 614.

322

Там же, № 60, ст. 661, 662.

323

Там же, № 62, ст. 681.

324

Здесь и далее даты призывов даны по времени принятия декретов.

325

СУ, 1918, № 60, ст. 660; № 61, ст. 670; № 63, ст. 697.

326

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 13.

327

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 1.

328

Там же, л. 3.

329

Там же, ф. 8, оп. 4, д. 10, л. 48 и об., 55.

330

Там же, л. 52.

331

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 35, л. 19 об.

332

Там же, д. 37, л. 19.

333

Там же, л. 18.

334

Расчет сделан на основании данных Всероссийского главного штаба о результатах мобилизационной работы Советской республики за период с 12 июня по 1 сентября 1918 г. (там же, ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 31–32; ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 17).

335

Там же, ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 17.

336

ЦГАСА, ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 17.

337

Там же, ф. 4, оп. 1, д. 7, л. 40.

338

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 512.

339

СУ, 1918, № 33, ст. 444.

340

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., л. 94 об.

341

Там же, л. 214.

342

Там же, л. 250–251.

343

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., л. 253 об. – 254.

344

«Декреты Советской власти», т. III, стр. 111–113.

345

Там же, стр. 112–113.

346

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 1.

347

А. П. Ненароков. Восточный фронт летом 1918 г. и вопросы строительства Красной Армии (канд. дисс.). Ростов, 1962, стр. 72–74.

348

А. П. Ненароков. Указ, соч., стр. 74–75.

349

«Известия ВЦИК», 15 июня 1918 г.

350

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 137; ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 129–138.

351

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 109, л. 134 об. – 139.

352

М. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 303.

353

Оперод был создан в январе 1918 г. при Чрезвычайном штабе Московского военного округа как орган по формированию отрядов Красной гвардии. Приказом Наркомвоена № 357 от 11 мая 1918 г. Оперод был влит в Наркомвоен и стал Оперодом Наркомвоена (ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 85–86).

354

«Из истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 469–470.

355

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 7.

356

Цит. по кн.: П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК. М., 1960, стр. 79.

357

А. П. Ненароков. Указ. соч., стр. 115.

358

«Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 478.

359

В. Н. Каюров – сормовский, а затем петроградский рабочий-металлист, член большевистской партии с 1899 г., активный организатор Красной гвардии.

360

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 503.

361

«Из истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 344–346.

362

«Известия ВЦИК», 30 июля 1918 г.

363

ЦГАСА, ф. 1166, 1211, 1250, 1284, 1299, 1307, 1312, 1334, 1346, 1589, 1610, 1630, 1642.

364

«Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск, 1959, стр. 154–155.

365

1-ю Воронежскую, 2-ю Воронежскую, 3-ю Воронежскую, 1-ю Повстанческую, 1-ю Курскую,

2-ю Орловскую, 3-ю Петроградскую, 4-ю Петроградскую, Псковскую, 2-ю Тверскую – в завесе; 2-ю Московскую, 5-ю Московскую, Сводную внеочередную, 2-ю Тамбовскую, 1-ю Тульскую, 1-ю Витебскую, 2-ю Смоленскую, Калужскую пехотные и Московскую кавалерийскую – в Московском районе обороны (ЦГАСА, ф. 999, 1050, 1068, 1084, 1171, 1196, 1200, 1203, 1223, 1229, 1234, 1240, 1255, 1260, 1389, 1578, 1675, 7599, 7616).

366

ЦГАСА, ф. 157, 169, 176, 184, 185.

367

А. П. Ненароков. Указ. соч., стр. 283–296.

368

ЦГАСА, ф. 3, он. 5, д. 1, л. 358; ф. 8, оп. 4, д. 8, л. 170–174; «Командарм Якир». М., 1963, стр. 74.

369

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 81.

370

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 30.

371

«Из истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 411–412.

372

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 49.

373

Глубина полосы фронта определяется по воздуху от линии соприкосновения войск фронта с противником до тыловой границы железных дорог фронта.

374

Протяженность полосы фронта определяется разграничительными линиями, установленными для фронтов и Западного района обороны приказом РВСР № 3 от 11 сентября 1918 г.

375

«Вестник путей сообщения», 1919, № 9—10, стр. 21–24. К 1 ноября 1917 г. общая протяженность железнодорожной сети доходила до 50 048 верст и страна имела 20 887 паровозов и 327 328 вагонов (там же).

376

Там же, № 6–8, стр. 13.

377

«Народное хозяйство», 1919, № 3, стр. 43. На 1 января 1916 г. в России насчитывалось 770 морских торговых судов общим тоннажем в 708 283 регистровые тонны.

378

Из шести автозаводов два находились в Петрограде, два – в Москве (АМО и Русско-Балтийский), один – в Рыбинске (Русский Рено) и один – в Ярославле (завод Лебедева).

379

«Народное хозяйство», 1919, № 3, стр. 32.

380

Там же; ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 13, л. 23–26.

381

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 13, л. 3.

382

Там же.

383

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 49.

384

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 66, л. 2–3.

385

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., приказ № 524.

386

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 66, л. 229–230.

387

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 8, ч. II, л. 105.

388

Там же, д. 163, л. 75; ф. 8, оп. 4, д. 8, л. 175–177.

389

ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 481, л. 22, 28.

390

«Статистический атлас путей сообщения РСФСР. 1913–1921». М., 1922, диаграммы 13 и 17.

391

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 243.

392

До конца 1918 г. была сформирована 91 этапная рота (ЦГАСА, ф. 4, он. 2, д. 91, л. 29–30).

393

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 312.

394

До конца 1918 г. удалось сформировать 8 транспортов (ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 91, л. 29–30).

395

Там же, д. 13, л. 76.

396

Там же.

397

Учитывая недостаточные возможности НКПС для успешного развертывания этой службы и возросшие потребности в организации охраны и обороны железных дорог страны, Советское правительство 19 октября 1918 г. возложило организацию охраны и обороны железных дорог на Наркомвоен (там же, л. 124–125).

398

ЦГАСА, ф. 4, он. 2, д. 13, л. 124–125.

399

Там же, л. 126.

400

Там же.

401

Там же, ф. 3, оп. 4, д. 4, л. 42.

402

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 307.

403

ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 183, л. 75.

404

Там же, оп. 2, д. 127, л. 64–65.

405

Там же.

406

ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 127, л. 64, 65.

407

СУ, 1918, № 81, ст. 860.

408

«Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», вып. 11. М., 1957, стр. 72.

409

«Топливоснабжение РСФСР с октября 1917 по октябрь 1920 г.». М., 1921, стр. 76.

410

«Вестник металлиста», 1918, № 3, стр. 14.

411

«Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах)». М., 1925, стр. 70, 72–73. Подсчет сделан с учетом того, что осталось на оккупированной территории.

412

«Вестник металлиста», 1918, № 4, 5, 6, стр. 128–129; «Известия Калужского губсовнархоза», 1918, № 5; «Вестник металлиста», 1918/1919, № 7–8, стр. 23–24.

413

«Металлист», 1918, № 5, стр. 9.

414

Там же, 1919, № 3, стр. 4.

415

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 66, л. 130–131.

416

«Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», вып. 11, стр. 74–76.

417

Путиловский завод производил 3-дюймовые, 42- и 48-линейные полевые пушки, 6-дюймовые крепостные гаубицы и осадные пушки, Сормовский – тела 3-дюймовых полевых пушек, Петроградский быв. Лесснера – затворы к 3-дюймовым полевым пушкам, Пермский и Обуховский – орудийные системы, Петроградский металлический – лафеты и люльки к 3-дюймовым пушкам. Далее, когда речь идет об эвакуации предприятий, следует иметь в виду, что на новом месте эти предприятия не работали.

418

«Металлист», 1920, № 1, стр. 12.

419

А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., изд. 1-е, ч. 1. М., 1920, стр. 113.

420

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57; ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 47.

421

422

Там же, ф. 6, оп. 1, д. 364, л. 161–162.

423

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 45, л. 270–272, 322–324.

424

До конца 1918 г. Брянский завод произвел 273 657 снарядов и гранат (что составляло до 60 % его производительности в 1917 г.), Сормовский – 264 423 снаряда, Коломенский изготовлял 42-линейные снаряды, головки к ним, 6-дюймовые бомбы, запальные стаканы и взрыватели («Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», вып. 11, стр. 76).

425

Там же.

426

Там же.

427

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57; ф. 6, оп. 1, д. 364, л. 161–162: А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну, изд. 2-е. М., 1930, стр. 361, 386, 390, 391.

428

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 37, л. 21–30.

429

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 113.

430

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 63.

431

«Московская газета Красной Армии», 10(23) марта 1918 г. Мобилизационный отдел вскоре был переименован в мобилизационно-оперативный (ЦГАСА, ф. 3, оп. 5, д. 8, л. 66).

432

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 54.

433

ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8.

434

Всероссийский союз городов был создан в августе 1914 г., Земгор – в июле 1915 г.

435

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 32, л. 1.

436

С переходом в Центральное управление снабжения это управление было переименовано в Главное военно-инженерное управление.

437

С созданием Центрального управления снабжения Всероссийский хозяйственный комитет Красной Армии был упразднен и взамен него создано Главное военно-хозяйственное управление (ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 273).

438

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 232.

439

Там же.

440

Военно-законодательный совет просуществовал до апреля 1920 г., когда взамен него было создано Военно-законодательное совещание при РВСР.

441

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., приказ № 295. Впоследствии военно-окружные управления были дополнены новыми управлениями: военно-ветеринарным и по квартирному довольствию войск (ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 62).

442

СУ, 1918, № 31, ст. 413.

443

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., приказ № 294.

444

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 37.

445

Там же, д. 56, л. 18–19, 28.

446

29 июля 1918 г. был объявлен приказ Наркомвоена о нормах продовольственного и вещевого снабжения, а через месяц (29 августа) – приказ о нормах боезапаса патронов и снарядов для каждой единицы оружия, состоящего на вооружении частей и соединений Красной Армии (ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., приказ № 615; ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 37—44а).

447

Там же, приказ № 615.

448

Если эту норму рассчитать для стрелковой дивизии по штатам 220, то ежесуточную норму продуктов нужно увеличить более чем в 2 раза. Цифры даны округленно.

449

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 91, л. 33.

450

Там же, д. 13, л. 49.

451

Там же, ф. 1389, оп. 1, д. 259, л. 78, 101.

452

Там же, ф. 1265, оп. 1, д. 81, л. 1—51 об.

453

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 13, л. 19; ф. 11, оп. 5, д. 398, л. 49–50.

454

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 91, л. 29–30.

455

СУ, 1918, № 68, ст. 731.

456

«Военное дело», 1918, № 23–24, стр. 26.

457

ЦГАСА, ф. 5, оп. 1, д. 33, л. 3–4.

458

Там же.

459

Там же, ф. 1265, оп. 1, д. 811, л. 19.

460

Там же, л. 7.

461

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 493.

462

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 45, л. 145.

463

«Ленинский сборник», XXXIV, стр. 54.

464

«Ленинский сборник», XXXIV, стр. 54.

465

«Известия ВЦИК», 23 ноября 1918 г.

466

ЦГАСА, сборник приказов Наркомвоена за 1918 г., приказ № 615.

467

«Исторический архив», 1968, № 1, стр. 69.

468

«Военное дело», 1919, № 1, стр. 14.

469

Там же.

470

Там же, № 5, стр. 14.

471

СУ, 1918, № 78, ст. 826.

472

ЦГАСА, ф. 4, оп 2, д. 125, л. 37–38.

473

ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 32, л. 100–101.

474

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57.

475

ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 547, л. 94–98; ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57.

476

ЦГАСА, ф. 6, оп. 1, д. 364, л. 115.

477

Там же, сборник приказов РВСР за 1918 г., приказ № 483.

478

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57; ф. 6, оп. 1, д. 364, л. 161–162.

479

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 56–57.

480

Там же, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 20; ф. 4, оп. 1, д. 7, л. 67–68.

481

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 8, 37–38.

482

Там же, д. 45, л. 107–110.

483

ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 37.

484

Там же, л. 37—44а.

485

ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 66, л. 44—44а.

486

Там же, ф. 1037, оп. 2, д. 66, л. 38, 135–136.

487

Там же, л. 30, 35; д. 777, л. 77–78.

488

Там же, ф. 1317, оп. 2, д. 1141, л. 1 об.

489

Там же, ф. 4, оп. 3, д. 26, л. 343–344.

490

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 45, л. 107–110.

491

Там же, д. 125, л. 64.

492

Там же.

493

«Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», вып. 11, стр. 81.

494

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 59.

495

Там же, л. 60–61.

496

«История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1956, стр. 275.

497

А. Е. Антонов. Разгром австро-германских оккупантов на Украине и в Белоруссии в 1918 г. – «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.». М., 1956, стр. 104.

498

«Разгром немецких захватчиков в 1918 году». Сборник материалов и документов. М., 1943, стр. 98, 99.

499

ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 41, 42.

500

В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. III. М., 1932, стр. 11.

501

ЦГАСА, ф. 211, оп. 3, д. 10, л. 60, 63.

502

«Военно-исторический журнал», 1960, № 4, стр. 46.

503

Там же.

504

Приказ главкома о наступлении был отдан войскам не позднее 14 ноября 1918 г. Этот вывод сделан нами на основании оперативных документов, где ставились задачи войскам на наступление. Главком употреблял еще название «Западный район обороны». 15 ноября 1918 г. этот район был переименован в Западную армию (ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 3, л. 44–46; ф. 211, оп. 17, д. 8, л. 123).

505

Там же, ф. 190, оп. 3, л. 44–46.

506

Там же.

507

В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 17–18; ЦГАСА, ф. 999, оп. 1, д. 2, л. 35.

508

ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 224, л. 119–120, 122, 155; ф. 190, оп. 3, д. 3, л. 84–86; ф. 211, оп. 1, д. 3, л. 78, 80; ф. 999, оп. 1, д. 7, л. 15–16; «Правда», 23 и 24 ноября 1918 г.

509

29 ноября 1918 г. были воссозданы Украинская и Эстляндская советские республики, 16 и 17 декабря 1918 г. – Литовская и Латвийская советские республики, а 1 января 1919 г. – Белорусская советская республика. В феврале 1919 г. по решению I Всебелорусского съезда Советов и I съезда Советов Литвы произошло слияние Литовской и Белорусской советских республик в единую Литовско-Белорусскую советскую республику (Литбел) («Образование СССР». Сборник документов, 1917–1924. М., – Л., 1949, стр. 78, 96–102, 114–122).

510

ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 4, л. 14.

511

ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 56–57.

512

«Исторический архив», 1958, № 1, стр. 47–48.

513

ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 529, л. 62–63.

514

Там же.

515

Там же.

516

Там же; «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 49.

517

«Резервная армия» начала формироваться в октябре 1918 г. и должна была раз в районе Брянска, Орла, Ефремова, Лебедяни, Воронежа, Бирючь. РВС армии был сформирован в составе командарма В. П. Глаголева и военных комиссаров Н. И. Вишневецкого и Г. М. Зусмановича (ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 224, л. 89; ф. 103, оп. 1, д. 231, л. 1–3; д. 74, л. 44).

518

Там же, ф. 103, оп. 1, д. 51, л. 4–5, 13; д. 262, л. 1–2, 32.

519

Там же, ф. 190, оп. 3, д. 3, л. 84–86 и 94; ф. 200, оп. 3, д. 232, л. 2.

520

Там же, ф. 200, оп. 3, д. 232, л. 2.

521

Там же, ф. 206, оп. 5, д. 8, л. 95 об.

522

Там же, ф. 104, оп. 5, д. 926, л. 5–6, 10.

523

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 48–49; ф. 104, оп. 5, д. 429, л. 3; д. 584, я. 10; ф. 200, оп. 3, д. 232, л. 3 об., 6, 7.

524

ЦГАСА, ф. 206, оп. 5, д. 8, л. 310, 314; «Историко-стратегический очерк XVI армии», стр. 19.

525

ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 53, л. 136.

526

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 37.

527

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 52–53.

528

«Исторический архив», 1958, № 1, стр. 43; «Боевая работа Красной Армии и Флота. 1918–1923 гг.». М., 1923, стр. 9–10; ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 233, л. 181; ф. 10, оп. 1, д. 507, л. 12–34; ф. 200, оп. 3, д. 232, л. 100–148.

529

ЦГАСА, ф. 103, оп. 1, д. 51, л. 48 об. – 131; д. 262, л. 114; ф. 25860, оп. 3, д. 45, л. 2, 3, 7.

530

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 31–32.

531

Там же.

532

Там же; ф. 11, оп. 5, д. 1047, л. 21–24.

533

Там же, л. 31–32; ф. 11, оп. 5, д. 1047, л. 21–24, 26–27.

534

«Образование СССР». Сборник документов. 1917–1924. М. – Л., 1949, стр. 80–81.

535

«Образование СССР». Сборник документов. 1917–1924, стр. 120.

536

Там же, стр. 98.

537

Там же, стр. 102.

538

«Разгром немецких захватчиков в 1918 году». Сборник материалов и документов. М., 1943, стр. 74.

539

ЦГАСА, ф. 4, он. 8, д. 30, л. 76.

540

Там же, д. 610, л. 20–21.

541

Там же.

542

«Ленинский сборник», XXXIV, стр. 118–119; «Военно-исторический журнал», 1960, № 4, стр. 55.

543

ЦГАСА, ф. 200, оп. 1, д. 3, л. 124.

544

ЦИА НМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 17, л. 1, 9–11.

545

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 17, л. 1, 9–11.

546

Там же.

547

Там же.

548

«Отчеты о деятельности ЦК РКП (б) с VIII до X съезда». М., 1921, стр. 7–8.

549

«Образование СССР», стр. 125.

550

Там же.

551

Там же, стр. 126.

552

СУ, 1919, № 21, ст. 264.

553

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. Переписка РВСР с ВЦИК, д. 60, л. 43–45; ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 107-6, л. 127.

554

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402

555

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 32.

556

Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны. М., 1958, стр. 212.

557

ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 398, л. 43–47.

558

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 7.

559

Там же.

560

Там же, л. 10 и об.

561

Там же, оп. 9, д. 2, л. 18–18 об.

562

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 7 об.

563

Там же, л. 11.

564

Там же, оп. 9, д. 2, л. 18 об. – 20.

565

Там же, оп. 2, д. 125, л. 37–47.

566

Там же, оп. 9, д. 2, л. 70 об.

567

Там же, сборник приказов РВСР за 1919 г., приказы № 242, 472, 1588/327.

568

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 7 об.

569

Там же, л. 11.

570

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 91, л. 13 об.

571

Там же, ф. 11, оп. 5, д. 17, л. 17 об. – 18.

572

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 7 об.

573

Там же, сборник приказов РВСР за 1919 г., приказ № 1272/247.

574

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 11.

575

В. И. Сидоров. Первая конная армия. М., 1949, стр. 10.

576

ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1047, л. 41.

577

ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1047, л. 41–44.

578

Там же, л. 44.

579

Там же.

580

Восточному и Туркестанскому фронтам разрешалось закончить формирование трех стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады, которые к моменту издания приказа формировались.

581

ЦГАСА, сборник приказов РВСР за 1919 г., приказ № 1829/387.

582

Там же, ф. 4, оп. 2, д. 8, л. 76. В первой половине 1919 г. на покупку лошадей было

израсходовано до 600 млн руб. (там же).

583

Н. Сулейман. Тыл и снабжение действующей армии, ч. II. М. – Л., 1927, стр. 504.

584

ЦГАСА, ф. 7622, 7682, 7688, 7694, 7698, 7702, 7737, 7938.

585

ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 1129, л. 446.

586

«Военно-исторический журнал», 1960, № 4, стр. 57. Армия Советской Латвии еще 31 мая 1919 г. была переименована в 15-ю армию Западного фронта, но официально так она именовалась с 7 июня 1919 г.

587

ЦГАСА, ф. 25860, оп. 3, д. 6, л. 894.

588

ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 387, л. 2–2 об.

589

ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 7—11, 15–22.

590

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. РВСР, д. 3, л. 28.

591

ЦПА ИМЛ, ф. 17, юл. 2, д. 21, л. 1. Официально Красная Армия не имела Ставки. Так называлась резиденция главкома и Полевого штаба, вынесенная ближе к войскам, в Серпухов.

592

Там же, д. 22, л. 1.

593

И. И. Вацетис вскоре получил назначение в Военную академию РККА.

594

К. Данишевский, С. Каменев. Воспоминания о Ленине. М., 1934, стр. 31–32.

595

«Боевая работа Красной Армии и Флота 1918–1923 гг.». М., 1923, стр. 63.

596

Там же, ф. 11, оп. 5, д. 699, л. 64. В это число входили военнослужащие Красной Армии и Флота, а также сотрудники милиции (там же, ф. 4, оп. 1, д. 480. л. 5). К сожалению, в источниках не выделена численность Красной Армии.

597

Военнослужащие по возрастным группам распределялись следующим образом: родившиеся в 1905–1901 гг. составляли 14,4 % всего личного состава армии, в 1900–1896 гг. – 39,4, в 1895–1891 гг. – 26,4, в 1890–1886 г. – 13,3, в 1885–1881 гг. – 4,7, в 1880–1876 гг. – 1,2, в 1875–1871 гг. – 0,3, в 1870–1861 гг. – 0,2, в 1860 г. и старше – 0,1 % («Труды ЦСУ», т. XIII, вып. 1; «Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 г.», М., 1928, стр. VII, 18–19; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 33, л. 4).

598

Там же.

599

Там же, д. 699, л. 64–66.

600

Там же, л. 62–63.

601

ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 699, л. 62–63.

602

Там же, ф. 9, оп. 7, д. 94, л. 192–196.

603

Там же.

604

Там же, ф. 4, оп. 3, д. 34, л. 730.

605

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 744, л. 10.

606

Там же, ф. 101, 102. На некоторое время были сохранены Кавказский, Туркестанский и Западный фронты.

607

07 Там же, ф. 177, 197, 199, 219, 1402а, 1430а, 1470, 7616, 7748. В октябре – ноябре 1920 г. РВСР расформировал 4-ю армию Западного фронта, 13-ю армию и семь дивизий (Латышскую, 1, 13, 54, 57 и 59-ю стрелковые и 20-ю кавалерийскую дивизию), 40-я стрелковая дивизия была свернута в бригаду, а 2-я Конная армия – во 2-й конный корпус (там же, ф. 183, 198, 246, 913а, 1234, 1466, 1483, 1494, 1574, 1651, 7725).

608

Там же, ф. 11, оп. 8, д. 744, л. 8.

609

Там же, л. 5.

610

Там же, л. 6–7.

611

Там же, л. 13.

612

Там же, л. 9.

613

Генеральный штаб мыслился как высший оперативный орган вооруженных сил, который должен весть сбором сведений, необходимых для ведения военных действий, разработкой планов войны и Операций, боевой деятельностью вооруженных сил, передавать распоряжения главкома действующим армии и флоту, давать другим управлениям и ведомствам задания, вытекающие из оперативных соображений. Главный штаб рассматривался как высший распорядительный орган вооруженных сил по строевой и административной частям, ведающий формированием, устройством и обучением войск, а также тыловыми войсками и учреждениями, обслуживающими армию и флот.

614

ЦГАСА, ф. 4, оп. 10, д. 434, л. 87.

615

Там же, л. 112.

616

Там же, ф. 65, оп. 4, д. 107, л. 143, 153. Последующее описание хода работ комиссии сделано по материалам ЦГАСА (ф. 4, оп. 10, д. 436, л. 224–225, 306–311).

617

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 183.

618

В январе 1921 г. войска ВНУС были подчинены РВСР.

619

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 188–190.

620

Допризывная военная подготовка молодежи практически стала осуществляться органами Всевобуча с осени 1919 г., когда к прохождению ее была привлечена молодежь 1903 г. рождения. Законодательно допризывная военная подготовка была введена постановлением РВСР 17 декабря 1919 г. Всего к концу 1920 г. органы Всевобуча взяли на учет 1 160 379 допризывников, из них 1903 г. рождения – 620 537 и 1904 г. рождения – 539 842. Вследствие больших материальных затруднений допризывная военная подготовка осуществлялась главным образом в городах и промышленных центрах. К 1 января 1921 г. из 1 160 379 допризывников, взятых на учет, подготовку проходили лишь 187 856. Молодежь, не охваченная допризывной военной подготовкой, вовлекалась в различные спортивные организации. Всего к концу 1920 г. в стране было 1419 спортивных организаций, насчитывавших 143 563 члена, из них 138 065 мальчиков и 5498 девочек (СУ, 1919, № 68–69, ст. 596; ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 33, л. 20–21).

621

ЦГАСА, ф. 65, оп. 4, д. 173, л. 112–115.

622

ЦГАСА, ф. 65, оп. 4, д. 23, л. 175–176.

623

Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 188–190.

624

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 188–190.

625

В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 458.

626

«Восьмой Всероссийский съезд Советов». Стеногр. отчет. М., 1921. стр. 247—251.